

Будимир

ДЕНЬ РАСЫ

Содержание:

О «Дне Расы» Будимира Петр Кузьмичев	1
1	3
2	5
3	11
4	19
5	29
6	37
7	43
8	48
9	50
10	53
11	56
12	58
13	60
14	62
15	66
«ДЕНЬ РАСЫ» – РУССКОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ	68

О «Дне Расы» Будимира Петр Кузьмичев

Все мы читали, а если не читали, то наверняка слышали о замечательной книге Вильяма Пирса «Дневник Тернера». Появившись более двадцати лет назад, это произведение, которое во многом оказалась пророческим, не теряет свою актуальность и в наши дни. И это понятно: ведь основная тема, затронутая в нем – тема выживания человека под гнетом чуждой ему в расовом отношении системы – имеет непреходящее общечеловеческое значение.

Традиция написания антиутопий в истории литературы нового времени имеет долгую традицию – достаточно вспомнить произведения Замятина, Оруэлла, Ефремова. Тот факт, однако, что к жанру антиутопии обращаются в основном представители белой расы, заставляет нас задуматься. И вправду: ведь невозможно допустить, что представители иных (не белых) рас не обладают достаточным умением, да и просто склонностью к написанию подобных произведений. Скорее всего, в наши дни они просто не имеют причин для написания оных. Достаточно вспомнить в этой связи бестселлер, повсеместно известный под общим названием «библия», который создавался одним авторским коллективом достаточно далеко, давно и в течении достаточно долгого времени. Удалось ли этим отчасти анонимным авторам предвосхитить наше будущее так, как это удалось Тернеру? Как говорить, пожизненно – увидим. Напомню: библия переведена на многие языки мира, она до сих пор пользуется определенной популярностью в Старом Свете.

Иными словами: ни писателям страны восходящего солнца, ни писателям, родина которых – в пустынях Ближнего Востока – сегодня просто не приходит в голову создавать произведения, основной лейтмотив которых – борьба с представителями чуждых им рас за выживание на своей собственной земле. По-видимому, проблема выживания народами этих стран уже успешно решена. Вот только японец Кандзэбуру Оэ стыдно выбивается из общего ряда, тем самым нарушая стройную преемственность японской литературной школы. Впрочем, это исключение лишь подтверждает правило.

А вот высокие белокурые блондины с завидным упорством возвращаются к этой теме вновь и вновь. Значит ли это, что их время пришло? Да, очевидно, так оно и есть. И есть у них на то свои причины – давайте не будем судить их строго. Очевидно также и то, что причины эти до сих пор не устранены. Ведь что-то движет этими авторами, когда они берутся за перо. Свидетельство тому – новый роман Будимира «День Расы», который мы хотим предложить вниманию наших читателей.

О чем эта книга? Полагаю, что этот вопрос вторичен: книга о том, о чем и все другие книги, написанные в этом жанре. А вот тот факт, что молодой автор затрагивает темы, которые по нынешним временам «вне струи», должен нас насторожить – в датском королевстве все действительно не так гладко, как кому-то хотелось бы верить. И пока мэтры воюют с ветряными мельницами, атомными террористами и прочими «иными» драконами, ломая перья непонятно за что и во имя чего (попутно скармливая нам тонны разнообразного чтива, написанного незатейливо, но с огоньком), Будимир говорит внятно и тихо: «Белые люди, мы в опасности». В этом голосе нет угрозы, напротив, боль и тревога за своих соплеменников, за их погрязшие судьбы, надежды и мечты. «Да, мы можем и должны жить лучше, мы имеем на это право. Но сначала мы обязаны выжить. Вы имеете право об этом знать», – говорит нам автор. Именно об этом его книга, если в двух словах. И пусть голос Будимира еще иногда срывается, и пусть точки на *i* расставлены не всегда ровно – что ж, каждый когда-то начинал с этого. Тот кто может сделать лучше, пусть сделает лучше. Мы долго ждали таких книг.

Готов допустить, что кому-то голос Будимира покажется надрывным. Хотелось бы сразу отвести огульные обвинения в адрес молодого автора: не надо путать русских людей с итальянцами. Ни к фашистам, ни к политическому движению Бенито Муссолини русская национально сознательная молодежь, мыслящая категориями своей расы, и действующая в ее интересах, никакого отношения не имеет. Не имеет она его и к движению германских национал-социалистов, которых в народе до сих пор и по старинке ласково именуют «фрицами», а кое-где даже и «фашистами». У русских с немцами свои счета – пусть сами и разбираются. Утверждая обратное, мы рискуем обидеть не только наших русских, итальянских и немецких друзей, но и в куда большей степени самих критиков: ведь это в первую очередь они так рьяно и любыми доступными им способами блюдут чистоту собственной крови. Все мы об этом хорошо знаем.

Художественная литература – это не руководство к действию, но искусство называть вещи своими именами. О чем «День Расы»? Откроем библию и посмотрим, есть ли там хоть одно упоминание о нашей Родине. Нет, таких упоминаний там нет. О русских там нет ни слова. Полагаю, что книга Будимира и об этом – она о нас, и для нас с вами. Давайте читать, думать, спорить. Не ошибусь, если в этой связи скажу и о том, что антиутопий подобного рода, написанных нашими чеченскими, армянскими, азербайджанскими или пусть даже гуцульскими соседями по общежитию «Россия», мы тоже с нетерпением ждем. Более того: готовы рассмотреть возможность их публикации. Такие книги просто обречены на успех. Ведь русский читатель, как говорится, уже созрел.

Посвящается всем героям Белого Сопротивления

1

Поначалу всегда чувствуешь себя дилетантом. Это закон. По-другому и быть не может. Комплекс новичка мучает тебя и днем и ночью — и чем выше и благородней твои цели, тем сильнее.

Бывает, что страх, глубоко загнанный внутрь, сводит тебя с ума. Тогда живешь только надеждой. Подобные мне люди — романтики. Мы не в состоянии жить без надежды на лучший исход. Вероятно, даже я один такой среди единомышленников. Я несу на себе часть общего груза, убеждая себя в том, что я тоже солдат.

Бывает, что я превращаюсь в одно сплошное отчаяние.

Да, так точно. Я — человек.

Если не твердая убежденность моих товарищей, не знаю, что бы со мной случилось. Один в поле не воин, любит повторять Колючка, значит, только в железном кулаке живет сила.

Правда, все правда.

Понемногу я справляюсь со своими недостатками. Сомнение — вещь, которая не должна быть присуща Белому человеку. Я изгоняю ее из себя, собираю волю в кулак. Хочешь быть здоровым — выздорovej!

Поначалу всегда чувствуешь себя дилетантом.

В начале пути всем трудно, даже Колючке было, я это знаю. Он большой и сильный, у него в душе лежат полярные снега, он не знает, что такое «жалость»... но и Колючка временами становится мрачным, тень набегает на его лицо. Невозможно ему помочь — так же, как мне. Как любому человеку, поставившему себе цель бороться с тьмой.

Время нейтрально само по себе, оно только и умеет, что двигаться по кругу.

Время движется, таща за собой и людей и окружающий их предметы. И замыкается, чтобы снова начаться.

Теперь Колючка замер в неудобной позе. Я хочу сказать ему об этом, но боюсь, что мои слова собьют его с нужного настроения. Колючка уже давно готов. Приклад прирос к его правой щеке, немигающий левый глаз устремился в пространство через массивный оптический прицел. Я сижу в нескольких шагах от него и, потяя, наблюдаю за происходящим. Колючка и его винтовка, ствол которой стоит на двуногой распорке, образуют композицию. Любой скульптор бы умер от инфаркта, увидев подобную дисгармонию. Колючке же было наплевать на уже затекшую спину, на боль в пояснице, грызущую нервы все сильнее, и на весь мир. Ему известно, что у него есть возможность сделать единственный выстрел.

Колючка мне кажется воплощением всей нашей борьбы. Дилетанты, взявшиеся рубить головы Гидре не дожидаясь прихода Геракла. Проблема в том, что Геракл не придет. Он давно мертв. А гидра миготом отращивает головы, снесенные нашими дубинами, и смеется нам в лицо этими самыми новыми головами. Есть от чего сойти с ума.

Широкоплечий стрелок ждет, жду и я. С недавнего времени мы стали постоянными напарниками. У каждого своя роль. Мне сидеть за рулем, мне вести разведку, мне гримироваться, напяливая на себя отвратительные шмотки. В этих шмотках — стилизация под среднестатистического инженеришку — я сижу сейчас на чердаке и обливаюсь потом. Несмотря на то, что на мне только хлопчатобумажная бежевая рубашка. Ноги по всей длине тоже потеют под дурацкими брюками старомодного

покрыя. Сумка с ремнем через плечо, какие обычно носят замшелые интеллигенты, стоит между моих ног. В ней ничего нет, почти ничего, кроме завернутых в полиэтилен бутербродов с колбасой и бутылочки минералки.

До недавнего времени в сумке я хранил недостающие составные части винтовки.

У меня на носу очки в толстой оправе, правда стекла там обычные. На голове потертая кожаная кепка.

Колючка одет в спортивный костюм и старые кроссовки, откопанные им лично где-то в сэконд-хенде. Он похож на охранника рынка. На специальных ремнях, расположенных на ляжках, он унесет некоторые части оружия. Широкие штаны скроют все подозрительные выступы. Другие части заберу я — как и доставил их.

Но это в том случае, если на улице не разразится ад... я думаю, обязательно разразится...

Мы ждем, ожидание давно стало составной частью жизни каждого из нас. У меня чешется спина. Я не шевелюсь. Под потолком чердака вьются огромные злющие комары. Удивительно, что они еще не почувствовали исходящий от меня запах и не ринулись всей оравой, чтобы испить свеженькой крови. Но, видимо, скоро это случится.

— Я его вижу, — говорит Колючка.

Ровный голос — хороший знак.

— Но мы выбрали неправильный угол. Головы все загораживают. Охранники высокие, — добавляет великан. — Неправильный угол. Ниже скул ничего не видно.

Я сижу и думаю, что другого шанса у нас долго не будет. Или вообще не будет.

Хорошо обученный снайпер попадает в цель на расстоянии в два километра и более, был бы хороший ствол. За этот мы заплатили пять тысяч долларов. Продавец говорил, что аппарат отлично пристрелян, потому что участвовал в боевых действиях. Дальнобойная штучка. Хорошо. А плохо то, что хотя у Колючки и стальные нервы и верный глаз, практика оставляет желать лучшего.

Колючка спал почти двое суток подряд. В последнее время он постился и мог позволить себе лишь немного молочных продуктов, чтобы не возбуждать нервную систему. За неделю отказался от сигарет и чая с кофе. Страдал всеми телесными муками. Пил минеральную воду. И все ради того, чтобы в нужную секунду его дыхание оставалось ровным, а палец не дрогнул на спусковом крючке.

Попробуйте постоять на одном колене, как стоит Колючка. Теперь ему еще сильнее приходится напрягать спину, чтобы следить за перемещениями объекта. Я голосовал за вариант с крышей. Лечь, устроиться с удобствами и ждать хоть трое суток. Чердак — неудачно. Однако командование определило, что Колючка займет позицию под крышей, а не на ней.

Кажется, у меня самого начало все болеть. Луч света заполз на правую щеку Колючки, и я увидел медленно ползущую вниз каплю пота. Мой напарник никак не реагировал на этот раздражитель. Случается так, что капля пота или, скажем, песчинка, попавшая в глаз, меняют ход истории. Мир лишается перспектив и рушится. Злодеи получают возможность не скрываясь обдѣлывать свои делишки.

Похоже, сейчас такой момент настал. Колючка находится в ситуации, когда он просто не имеет права утереть пот. Не каждому в жизни приходится с таким сталкиваться. Выйди на улицу и скажи первому попавшемуся прохожему, что он на пять минут лишается права чесать правую ягодицу. Наверное, он сойдет с ума. От желания ее почесать, хотя, вероятно, она не чесалась две недели и бедняга не вспоминал о ее существовании.

Скоро все решиться. На моем лбу у волос сидит комар, первый, вроде дегустатора. Желая ему умереть от белкового отравления. Если я позволю себе пошевелиться, Колючка промахнется.

Вдруг он спрашивает:

— Ты веришь в мой выстрел?

— Верю, — тихо говорю я.

— А я поверил только сейчас. Ты уж извини. — Он делает паузу и вдох. Когда воздух начнет выходить из легких, палец плавно надавит на курок. — У меня все как на ладони, представь.

У меня дернулась щека. Я один сплошной ужас.

Каждый бы испытывал это чувство, если бы его поставили один на один с историей.

Многие люди в эту минуту ждут, нервно облизывая губы. Их пальцы должны придти в соприкосновение с кнопками различных устройств. Интернет напрягся в ожидании беспрецедентной хакерской атаки. Напряжение таится в хаотичной, на первый взгляд, структуре взрывчатки. В соединительных проводах. Она готова разнести и так порядком потрепанную жизнь миллионов к чертовой матери, не оставив на ней камня на камне. Я — романтик. Я хорошо себе представляю то, что должно вот-вот случиться.

Жаркий солнечный день. Гигантским городом овладела сонливость. Обманчивое спокойствие, обеспеченное военным положением.

Нет, я не считаю, что все закончится с удачным выстрелом Колючки. Наоборот, мы ступили на очень длинную дорогу, и придется идти, ломиться через все преграды.

Уже приобретенный тобой профессионализм не спасает от боязни перед будущим. Чтобы быть профи в своем новом мировоззрении, нужно разбиться в лепешку, чтобы по-новому чувствовать, нужно безжалостно расстрелять в себе труса. Мне и моим соратникам безумно тяжело. Это потому, что мы начали борьбу в сознательном возрасте, имея уже за плечами груз старых привычек и клише. Прошрое — как тавро, поставленное тебе на лоб. Если его срезать, останется шрам. Все мы с такими вот шрамами. Нам остается гордиться ими как символами перерождения. Это обереги, обладающие мистической силой.

Когда же наконец Колючка выстрелит?

Распроклятый комар попытался забраться мне в левую ноздрю. По-моему, ничего более раздражающего на свете не бывает.

Когда будет выстрел?

Знаю, кто в конечном итоге является причиной моего здесь появления. Одна моя подруга попала в скверную историю, то есть, в гораздо более скверную, чем та, в которой находился я сам.

Света и ее собака. Из-за животных случается много разных неприятностей. Света и ее полная безалаберность. Она не подозревала о том, в каком мире живет, а когда повязка упала с ее глаз, бедняжка едва не тронулась умом. Я тоже чуть не пополнил собой армию сумасшедших. Но это в прошлом, от которого осталась любовь.

Сейчас легко с улыбкой вспоминать. Тогда моя жизнь скончалась в страшных судорогах и превратилась в гниющий труп.

Колючка чего-то ждет.

— Слушай, — говорит он и застаёт меня врасплох. — Я его потерял, я не вижу.

2

Вы, наверное, представляете себе Белую женщину. Стандартно, скажете вы... — и в то же время трудно описать, из каких частей она состоит. На самом деле все очень просто. Белую женщину окутывает мистический ореол, из нее струится внутренний свет. Его улавливает каждый человек, даже тот, кто принадлежит к чуждой расе. Особенно он. Таких чужаков привлекает в Белой женщине все. В своем беспросветном полубессознательном существовании инородец тянется к солнечному сиянию. Винить черного человека в его стремлении нельзя, глупо, а вот дистанци-

роваться от его выпадов необходимо. Белая женщина — настоящая — символ нордической наследственности, прочтите это у любого расово мыслящего философа.

В мире, где любая вещь идет на продажу, истинным валькириям удалось сохранить собственную идентичность.

Эта не совсем оригинальная мысль пришла мне в голову, когда я увидел Свету в первый раз. Еще я думал о тех бесчисленных продавшихся евреям и неграм блондинках, ставших звездами порнографии и любимицами восточных гаремов. Там наши женщины реципиенты для спермы генетических воров. Возможно, Света стала бы такой же, но ее жизненная дорожка шла в ином направлении. При первой встрече я чуть не выдал своих мыслей. Стоило труда сдержаться.

Мой недостаток заключается в том, что я моментально влюбляюсь в любую высокую блондинку, особенно если она русская. Можно смотреть телевизор и видеть белых женщин, живущих на других континентах. И влюбляться в них. Но те, кто ближе, — ближе и обладают непреодолимой тягой.

Однажды мой начальник, обладатель весьма туманной наследственности, обзвал меня за это мудаком.

О нем речь пойдет позднее. Скажу только, что тогда драки не последовало. Тогда. В те «незабвенные» времена я еще считал себя интеллигентом, уж простите. Помню, что стоял у его стола и улыбался мне, а начальник дышал на меня пивным перегаром и шевелил губами: «Мудак, мудак, мудак, мудак...»

В моей голове был вопрос: «Разве жениться на овце и трахать ее более человечно, чем на женщине?»

Вопрос не приобрел звуковых очертаний.

Свету я повстречал спустя два дня. Говорят, у блондинок ветер в голове. С ней так и было. Света идет по улице, одетая, вернее, раздетая по июньской жаре: обтягивающие шорты, черные, босоножки, пестрая рубашка без рукавов. Длинные белые волосы, темные стеклянные очки. Я шел ей навстречу, теряя почву под ногами. Моя реакция была глубинная, инстинктивная. Кокетства в ее походке не было ни на грош, просто само естество играло первую скрипку. Тогда я еще не знал, что Света моя соседка по дому.

Конечно, она сразу привлекает к себе внимание. Нет ничего более обычного на улицах белых городов: южане, зацепившиеся взглядом за блондинку, начинают раздумывать, как бы «пометить» ее согласно своему пониманию. Их реакция тоже инстинктивна. Дворовый кобель всегда считает каждую суку личной собственностью.

Например, богатенький армянин высовывается из машины и на ломаном русском делает Свете «комплименты». Считается, что каждая Белая женщина клюет на деньги, коньяк, дорогой «мерс» и прочую дрянь. Дальше следуют совместные посещения саун, номера в отелях, рестораны, аквапарки, поездки за рубеж, на дорожные пляжи, где все наводнено смешанными парами со всего мира.

Южные курорты — убийцы белой расы. Там заключаются позорные для белого человека пакты по совместному использованию генофонда.

Продукты этого использования наводняют мир, изначально не понимая, в чем их предназначение.

Армянин действительно появился. Подрулив к обочине, покатил медленно. Света шла и не обращала на него внимания. Я разозлился, встал поодаль, наблюдая. Что делать в случае обострения ситуации, я себе никак не представлял. Из всех белых мужчин, находящихся с блондинкой на одном тротуаре, заметил хоть что-то один я.

«Мерс» откатил на проезжую часть, ничего не добившись. Света стойко выдержала натиск. В этом чувствовалась манера профессионала, всем красивым женщинам приходится обзаводиться комплектом невидимого оружия, чтобы отстаивать свои честь и независимость.

Еще одна опасность появилась спустя минуту, когда света приблизилась к подземному переходу. Из-под земли, словно мерзкие черные карлики, вынырнули не то даги, не то азеры, шестеро. Света оказалась в их неровном кольце, состоящем из гортанной речи и липких взглядов. Естественно, я не понял, что они говорили, потому что стоял метрах в двадцати. Может быть, как это у них принято, они снова наплевали на то, что живут в другой стране, и упражнялись в искусстве лая и хрипа.

Сцена длилась секунд десять. Света остановилась, посмотрела на них сквозь очки, а потом решительно двинулась к ступеням лестницы. Один даг или азер что-то громко сказал, остальные захохотали. После этого, оглядываясь на блондинку, двинулись своей дорогой.

Я отвернулся, боясь, что они заметят зверское выражение на моем лице. Как все, боялся встретиться взглядом с чужаком. Белый сейчас воспринимает как само собой разумеющееся, что перед неполноценными народами надо склонять голову. Один поборник общечеловеческих ценностей, с которым давным-давно у нас было шапочное знакомство, всерьез полагал, что черных надо холить и лелеять, а не то они обидятся. И все потому, что «они тоже люди». На этом его измышления заканчивались, упираясь в вопрос наподобие этого: «Если белые будут заботиться о Черных, кто позаботится о Белых?»

Прохожие, к числу которых я принадлежал в тот день, не напрягают себя неудобными вопросами. Никому неохота получить по морде. Чужаков всегда много. Нормальный русский человек перед ними оказывается в меньшинстве. Я сам превратился в ходячую аллегория потери кровного инстинкта.

И сгорал от стыда. На ум приходил мой начальник, шепчущий: «Мудак, мудак, мудак, мудак...»

Света скрылась в подземном переходе. Мои ноги будто приросли к асфальту. Мир представлялся мне огромным горячим черным шаром с багровыми прожилками. Он, чудовище, распахнул рот, чтобы меня проглотить. Мимо меня прошли два парня с бутылками пива, они вернули меня обратно в действительность. Я посмотрел и увидел, что бандиты исчезли. Вокруг тишь да гладь. Ничего иного обывателю не требуется.

Мне пришлось забыть то, зачем я шел, и двинуться следом за девушкой. Хорошо для среднего незаметного человека на улице вдруг ощутить себя ангелом-хранителем. Но быть ответственным за чью-то судьбу, пусть хотя бы на десять-пятнадцать минут, нелегкая задачка. Для некоторых невыполнимая. Я преисполнился храбрости, готовый защищать блондинку от любых посягательств. Моя кровь неслась по жилам с бешеной скоростью. Это еще не было пробуждением в полном смысле слова. Я был далек от того, чтобы окончательно осознать самого себя в связи с похожими на меня людьми, но, кажется, первый шаг сделал. А блондинка в шортах ничего не подозревала.

Она печатала шаг, словно солдат.

Выпятив грудь вперед, выказывала этому миру презрение.

Я так считал. Потому что влюбился...

В ушах у блондинки сидели наушники. Я заметил, что у нее нет ничего, что обычно есть у женщин на улице, даже если просто гуляют. Ни сумочки, ни ридикюля, ни целлофанового пакета. Пока я строил гипотезы, в чем тут причина, блондинка зашагала по лестнице, ведущей в подземный переход. Солнечный свет сделал ее волосы почти совсем прозрачными. Неожиданно я понял, что расстояние между нами сократилось до опасных пяти метров, и мне пришлось сбавить темп. Не хватает только, чтобы незнакомка заподозрила в моем лице скверные намерения.

Я шел словно на поводке. Всевозможные догадки приходили мне на ум, о ее муже, о ее любовнике, о ее начальнике (и любовнике), о любовнице, о родителях и даже о сутенере. Мысли-то мыслями, но откуда мне было знать, кто на самом деле это божественное видение с туго обтянутыми ягодицами, клонированными с облож-

ки глянцевого журнала. Будучи проституткой, блондинка добилась бы многого. Всю положенную в их среде иерархию она прошла бы без труда и стала бы, к примеру, женой крупного банковского воротилы-еврея или бандита.

Меня затопляла злость, именно затопляла, как пишут в старых книгах. Я воображал, что беру в одну руку меч, а в другую топор и превращаюсь в берсеркера. Передо мной тысячи врагов, и каждый из них боится меня, сошедшего с палубы боевого драккара.

Но мой начальник по-прежнему сидит за столом и повторяет...

Когда-то, будучи либерально настроенным, я сторонился насилия, мне оно казалось чем-то грязным, неприличным, таким же мерзким, как свинина для ортодоксального иудея. Но вспоминая о кривом рте начальника, из которого несло пивом, я воображаю кулак, разбивающий эти пухлые губы. Губешки, похожие на рыбкомутантов. Они расплющиваются и брызжут соком, словно раздавленные клюковки.

Я заметил, что блондинка идет в подозрительно знакомом для меня направлении. Точнее — напрямик к моему дому, который был уже через дорогу. Мы стоим в ожидании зеленого света.

Руки заплесали, когда пришлось вытягивать из пачки сигарету.

Я поспорил сам с собой, правда ли Света идет туда, куда я думаю. Оказалось, что правда. Я выиграл. В нашем доме два подъезда, он пятиэтажный. Когда-то подобные им коробочки предназначались для советской рабочей интеллигенции. Сейчас в них живут опустившиеся потомки этой мифической прослойки. Рабочая интеллигенция в России если не вымерла полностью, то близка к этому. Для нее впору устраивать охраняемые заповедники, главными посетителями которых станут еврей- и полуеврей- и четвертьеврей-олигархи. Я снова выиграл спор с собой, в какой подъезд войдет блондинка.

Вошла в мой. Я сел на скамейку перед раскрошившимся крылечком и курил, пока сигарета не кончилась. Вероятно, Белая женщина приходила к подружке либо знакомому-любовнику-начальнику-любовнику. Хотя нет, у нас в доме не живут крупные шишки. Остаются подружка и просто знакомый-любовник.

Если все так, то это просто кошмар. Я не умею отбивать женщин у их кавалеров.

На работе у меня есть одна сварливая толстая брюнетка, не оставляющая попыток меня соблазнить. Не понимаю, как она не устает вращать глазами. Почему-то бедняжка думает, что это возымеет действие. Но если брюнетка не отвечает моему либидо, у нее нет шансов.

Мне пришлось задать себе самому вопрос: чего я хочу?

Ответа на него тогда не было.

Человек, которого позже мы звали Генералом, пришел ко мне тем же вечером. Его привлекли происходящие во мне перемены.

Он сел напротив меня, внимательно глядя через очки. Я спросил, в чем дело.

— Я слышал ваш разговор с Поляковым, — сказал Генерал. — Я не подслушивал — случайно получилось.

Пришлось кивнуть. Разумеется, все подслушивают абсолютно не нарочно. Этот человек работал вместе со мной, ничем особым не выделялся, за исключением нескольких случаев, когда я видел его на улицах в компании странных людей. На рабочем месте Генерал — типичный русский интеллигент, тихий, покладистый. Вещь в себе.

И странные хмурые люди, идущие вместе с ним. Что странного в них? Не знаю. Казалось, они все занимаются одним делом — не работают над чем-то вместе, а посвящают собственную жизнь какой-то цели. Больше никак я эту странность определить не могу.

Приход Генерала стал настоящей неожиданностью. Не помню, когда в последний раз у меня бывали гости. В квартире, конечно, развал. Я извинился, однако визитер сдержанно промолчал.

— Какие у вас мысли по поводу вашей стычки?

Я молчал.

— Я слышал, как обозвал вас Поляков, — уточнил Генерал. — Вы считаете оскорбление справедливым?

— Нет, конечно.

— Хорошо.

— Что «хорошо»?

— По крайней мере, вы не безразличны. Это вселяет надежду.

— На что? — Совсем не понимаю, к чему он клонит. У него довольно щуплая фигура, он ниже меня, ненамного, у него светлые соломенные волосы и яркие голубые глаза, в отличие от моих темно-русых волос и серых глаз. Тем не менее у нас было большое сходство. Его характер в тот вечер мне не был понятен.

— Вас беззастенчиво оскорбляют на рабочем месте, начальник помыкает вами, — сказал Генерал, — он знает, что вы ничего ему не сделаете, а если отважитесь, на вас обрушится вся сила закона, которая ставит насилие со стороны белого человека на одну ступень с самыми тяжкими преступлениями либерального мира. Сегодня все живут по таким законам. Все люди. Все белые люди.

Мне потребовалось время, чтобы переварить сказанное. Я был в каком-то сонном состоянии, я устал.

— Если у вас есть вопросы, я отвечу.

— Пока нет.

Генерал был решителен. Его взгляд просверлил во мне две дыры.

— Вы поставили под сомнение, что Сивинский правильно женился на представительнице иной расы.

Я тупо моргнул.

— Иной расы?

— Его жена — турчанка по происхождению, — сказал Генерал.

Да, до меня начало доходить, о чем идет речь. Этот разговор перекликался почти напрямую с тем, что было днем. Я вспомнил дагестанцев, пытавшихся остановить блондинку. До того вялый и спокойный, я мигом разозлился. Кровь опять взбунтовалась.

— В этом корень конфликта между вами и Поляковым.

Я ответил, что никакого конфликта нет, просто... просто... Какого дьявола?

Генерал умел ждать и быть сдержанным.

— Вы выразили свое мнение, это произошло, может быть, случайно, а Поляков почувствовал угрозу для своего собственного мира. Вы покусились на святая святых. На всеобщую политику интеграции.

Я сказал, что не совсем понимаю, о чем идет речь, что устал и что мои мозги не работают.

Генерал словно меня гипнотизировал.

— Из таких вот мелочей, когда их много, складывается общая картина. В один прекрасный день человек спрашивает: что же происходит? Как насчет вас?

— Не знаю, — сказал я. — Мне нет дела до Сивинского и до его жены, какой бы она ни была.

— Хорошо. А вас не удивила реакция Полякова? Ведь не в его адрес вы позволили себе иронию?

— Не знаю, — повторил я.

— Рыбак рыбака видит издалека, — сказал Генерал, — и Поляков и Сивинский — евреи по отцу, полукровки.

— Откуда вы знаете?

— Неважно. На самом деле они поддерживают довольно близкие отношения. Поляков был на его свадьбе.

— А мне наплевать.

— Логично. Конечно, сами эти факты интересны только в коротком временном отрезке. Вероятно, вы уже выбросили из головы все произошедшее. Но не забывайте об общей картине.

Я пообещал, что не забуду.

Передо мной был совсем не тот человек, которого я привык видеть на работе. Казалось, со мной разговаривает переодетый в гражданское полководец, только что вернувшийся из района боевых действий. Внутри этого худого жилистого блондина прятался стальной стержень.

С какой бы целью он не пришел ко мне, я чувствовал, что это важно. Для нас обоих.

Ему хотелось доверять — я чувствовал наш общий ритм. У меня не было слов, чтобы объяснить все эти странности. В один прекрасный день к вам приходит человек и открывает правду. Узнавать правду страшно, Генерал это знал, поэтому старался щадить новичка. Не стал вываливать все сразу.

— Я давно к вам присматриваюсь, — сообщил Генерал, — вы мне кажетесь вполне способным к действию.

— К действию?

— Со временем, если у вас будет желание, вы все узнаете, обещаю. У вас возникнут вопросы, вам нужны будут ответы на них.

Он положил передо мной на стол свою визитку, на которой был лишь номер сотового телефона. Вопросительно поглядел на меня. Я взял кусочек картона в руки, размышляя над тем, что сегодня произошло с блондинкой из моего подъезда. Общая картина. Да, этот эпизод — часть большой мозаики.

— Выбросьте из головы, — сказал Генерал.

Я не понял, о чем он.

— Выбросьте из головы эту заразу: «Мне нет до этого дела»... — Мой гость поднялся из-за стола. Его глаза сверкали, в них была злость, даже ярость. Так смотрят фанатики и сумасшедшие.

Я вдруг понял, что хочу стать таким же, как Генерал. Этот человек четко знает, в каком направлении движется.

— Вы должны понять, кто вы! Вам есть, чем гордиться.

— Чем же?

— Тем, что вы Белый человек! — сказал Генерал.

Он произнес слова, которые я боялся произносить даже про себя. Я будто слышу мысли Генерала.

Все те, кого мы считаем братьями по расе, запуганы до крайности, они разучились слышать зов крови. Им нужны деньги и карьера. Им ничего не стоит преломить хлеб с врагом. Им наплевать, когда Белые испытывают колоссальное давление сверху и вынуждены ходить с пристыженным видом, будто быть Белым равнозначно быть прокаженным. Они умиляются фильмами, где недочеловеки предстают героями, и говорят: «Этого не может быть», когда слышат о преступлениях, совершаемых инородцами. После нашей беседы с Генералом, я стал мыслить иначе. Сказано было так мало, однако эффект от разговора был не меньший, чем от удара в челюсть. Боксер в нокадауне ощущает то же самое. Я был в одном шаге от того, чтобы стать другим.

Я — бабочка, едва начавшая вылезать из кокона. Пройдет еще много времени, прежде чем обсохнут мои крылышки и я смогу летать сам.

Я чуть было не рассказал Генералу о случае с блондинкой. Не сделал я этого только потому, что у меня вдруг страшно разболелась голова, а мой рассказ вызвал бы ответную реакцию. Генерал наверняка мог распространяться часами. Видимо, внутри него, кроме полководца, есть еще и проповедник.

Пожелав мне удачи и крепости духа, Генерал ушел.

Я стоял у окна и смотрел на него. Стоящая у выезда со двора машина открыла перед ним дверцу, и мой гость сел внутрь. За рулем сидел другой человек. Неужели у Генерала личный шофер?

У меня были вечер и ночь для раздумья. Мне предстояло пережить переломные часы в одиночестве, наедине со страхом. Думаю, в большинстве случаев люди, ступившие на этот путь, испытывают страх. Он сопровождает их весь первый период — ослепляющий и жуткий страх. Потом его интенсивность снижается. Многие члены Сопротивления насовсем избавляются от него, им везет. Другие борются всегда, каждый день, каждый час, каждую минуту. Потому что иного выхода нет.

Поняв, кто ты и какова твоя миссия, ты становишься мертвецом, обреченным на борьбу. Если выбор сознателен, ты полностью перерождаешься. Ты — часть целого, ты видишь горизонты, к которым стремишься. Ты вне добра и зла. Мертвецу нечего терять.

Осознай это — и твои деяния отразятся в вечности.

Я напился снотворного, но все равно не мог уснуть, а утром мое лицо напоминало старый истрепанный собачий коврик. Я отправился на работу с твердым желанием избить Полякова, если он только позволит себе отпустить какую-нибудь шпильку в мой адрес. С помятой опухшей физиономией в то утро я был готов к насилию. Главное — мне было плевать на последствия.

3

Мать Светы — бывшая учительница литературы, она уже на пенсии и посвящает все свое время просмотру сериалов. Как будто с детства это была ее заветная мечта. Десятки каналов, сотни сериалов из Латинской Америки. Мать Светы убеждена, что ей показывают реальную жизнь. На самом деле сериалы эти созданы для воспитания глобального человечества, они выполняют роль нитей, связывающих обывателей на разных континентах. Домохозяйки, пенсионерки, бывшие и настоящие феминистки, брошенные женщины, потасканные, никому не нужные шлюхи, девочки-подростки с упоением принимают телевизионный опиум, чтобы потом ненавидеть мужчин. Сериал — идеология без идеологии. Свобода.

Ключевое слово в мире, зараженном раком безграничного социального сатанизма.

Мать Светы сидит в своем любимом кресле. Ест конфеты и смотрит бразильский сериал. Она гораздо больше знает о Бразилии нежели чем о России. Телевизор работает едва ли не на полную громкость. Возвращаясь после работы, Света делает матери замечание по поводу звука и совершает ошибку, раз за разом. Мать не желает, чтобы даже ее единственная дочь покушалась на ее драгоценный мирок. Света уходит в свою комнату, телевизор проплывает мимо нее, а в экране женщина-монстр, обтянутый кожей скелет, говорит: «Я вообще против всяких предубеждений, в независимости от их причин!» Это она про одного голубого парня. От Чили до Чукотки все уже знают, что голубые — это современно, демократично, человечно. Возлюби уроды как ближнего своего, аминь. Голубой — такой же символ мира, как белый голубь. Кинозвезды, участники самых грандиозных кинопроектов, командуют Парадами Любви. Геи становятся «сэрами», борются за свои права, основывают секты, где работают над программами клонирования. Израиль — страна геев. Ему на пятки наступают Франция, Англия, Швеция, а Голландия делает все, чтобы выслужиться перед мутантами. Эти страны изо всех сил ползут на кладбище истории. У них соревнование.

Мир будущего — мир мужчин с глазами изнасилованных мальчиков и детей, вылупившихся из искусственной матки.

От Чили до Чукотки нет предубеждений, о нет.

Мать Светы никогда в жизни не видела вблизи ни одного голубого, поэтому ей нравятся эти высказывания насчет предубеждений. Женщина-монстр, эталон усредненной общечеловеческой красоты, не может быть неправа.

Если бы кто-то сподобился создать Красную Книгу человечества, Белая женщина стояла бы первой в списке вымирающих видов. Рождаясь непонятно для чего в мире, где правит толерантность ко злу, она считает, что не быть женщиной, носительницей здоровой наследственности — ее истинное призвание. Все, что было когда-то, — варварство. Рожать, любить мужчину — трагедия, грех, досадная неприятность. Девяносто процентов Белых женщин в мире обожают повторять фразу: «Пусть живут как хотят!» Нет более действенного заклинания, когда речь заходит о том, чтобы расставить все по своим местам.

Будь мать Светы такой же молодой, как ее дочь, она стала бы, наверное, главой феминистской организации. Мать Светы ненавидит отца Светы и горда тем, что когда-то сама выгнала его из дома. Мать Светы рыдает в голос, наблюдая за перипетиями сериала. У ней чувство, что она смотрит в зеркало. Настолько эти женские судьбы похожи на ее собственную.

Мать Светы ненавидит Светину собаку, как все, что принадлежит дочери. Колли по кличке Рекса была ангельским созданием. Родись она человеком, ее взяли бы только в монахини. От темных собачьих глаз веяло непонятной святостью. На все выпад материи Светы Рекса отвечала кротким молчанием, исполненным достоинства. Ей неизвестно простейшее правило: око за око, зуб за зуб.

Говорят, собаки такие же, как хозяева. Правда. Но в случае Светы и Рексы верно лишь то, что они обе не умели за себя постоять. Как создание от природы не призванное думать и анализировать Рекса не терзалась вопросами о смысле бытия.

В тот день, когда я следил за блондинкой, Света поссорилась с матерью из-за собаки. Мать отказалась кормить животное, заявив, что ей совершенно некогда было. Рекса весь день пролежала под кроватью. Света, движимая угрызениями совести, отправилась с ней на улицу. Потом она говорила мне, что для собачьего здоровья очень вредно долгое сдерживание естественных позывов. От этого у них портится мочевой пузырь и прочие органы, а моча всасывается в кровь и разъедает мозги. Воспитанная собака будет терпеть, пока не умрет, но не сделает лужи на линолеуме. Света страдала вместе с Рексой. Она не могла уходить с работы даже во время обеденного перерыва, чтобы выгулять собаку. На риторический вопрос, почему мать так себя ведет, я не нашел ответа. Сериалы хуже героина, они выключают человека из жизни навечно. Тут никакая терапия не поможет.

Чтобы выяснить подробности насчет Светы, я смотрю в окно. Я устроился основательно, надеюсь не упустить ее выхода. Я еще не в курсе, что у блондинки есть собака, однако предчувствую скорое появление обтягивающих шорт. Видимо, во мне говорит сексуальный голод, и ничего удивительного. Я здоров и не стар. Странно, но раньше я не видел блондинку в нашем дворе. Мы жили в разных вселенных, находящихся в одной точке пространства. Вчера мембрана между ними лопнула.

На работе начальник взирает на меня осторожно. Генерал уткнулся в свой компьютер и делает вид, что меня не замечает. Видимо, это нелишняя предосторожность. Теперь уже нет никаких сомнений, что он — представитель некой подпольной организации. Любая организация заинтересована в вербовке новых членов. Я стал очередным объектом в процессе пропаганды, мне оказана честь. Отчасти я ощущаю свою связь с теми, кого Генерал считает своими товарищами, с самим Генералом. Ночь без сна не прошла даром. Вопросы множатся, делятся с бешеной скоростью, словно вирус гриппа. В голове гудит точь-в-точь как при простуде.

Я решаю позвонить Генералу находясь на работе. Для этого я отправляюсь в туалет, захожу и проверяю, нет ли в кабинках людей. Забираюсь в одну из кабинок с телефоном в одной руке и визиткой генерала в другой. На своем рабочем месте

Генерал снимает трубку с пояса и отвечает. Кажется, он совершенно не удивлен. Если его и забавляет эта моя конспирация, то вида он не подает.

— Надумали, — говорит Генерал сухо. — У вас есть что сказать мне?

Я сижу в кабинке на крышке унитаза. Знаю, что выставляю себя полным дураком.

— Мне... вы просили позвонить, если будет что спросить, да? Что должно произойти? Что должно происходить?

— Завтра суббота, — отвечает Генерал, — приходите в 14:00...

Дальше я слушаю его инструкции, боясь, что кто-нибудь войдет в туалет. Но я запоминаю все до мелочей.

— Возьмите с собой друга или подругу, в которых вы уверены. Если хотите, конечно. Только одного — таковы правила, — добавляет Генерал.

Я соглашаюсь. В туалет входит Поляков, я слышу это по походке. Телефонная трубка отправляется в карман пиджака. Начальник сопит, словно пришел сюда заниматься онанизмом. Он топчется возле раковин. Я смываю воду, выхожу насвистывая. Встречаюсь взглядом с начальником. Мы оба глядим в зеркало. Моя физиономия излучает злобу, будто я разъяренный бультерьер.

Вероятно, Поляков думает, что я собираюсь отплатить ему за «мудака». А сейчас мне просто на него наплевать, я отчасти могу контролировать себя. Все-таки я нахожусь на работе. И месть — блюдо, которое подают холодным.

Мою руки, вытираю салфеткой, выхожу из туалета. Поляков выглядит так, будто только что повстречался со своей смертью.

На стене дома возле моего подъезда прочувствованная надпись: «Бей натуралов! Бей натуралов! Бей натуралов!» Раньше я ее не видел, еще вчера стена в том месте была чистой. Под надписью сидит то ли пьяный, то ли наширившийся подросток в грязной футболке. Спит. Может быть, эту надпись сделал он в порыве умопомрачения. Его одолевают темные страсти дегенерата. На лице печать вырождения.

Я останавливаюсь и смотрю, сжимая в карманах кулаки. Двор стал сумеречным, неприветливым, однако владельцы собак упорно несут свою вахту. В отдалении раздаются голоса. Где-то среди местных собачников находится блондинка. Пять минут назад я увидел ее из окна — она выводила из нашего подъезда лохматую рыжую колли. К выходу я готов заранее, остается только надеть ботинки.

Постояв рядом с гомосексуалистским заклинанием и пьяным подростком, я отхожу к середине двора. Не имею понятия, как поступить в этой ситуации, и не думаю, что кто-то имеет. Избить вырожденца до полусмерти здесь же — не совсем удачный вариант. Суббота будет днем вопросов и ответов, если верить Генералу. Следующий маленький шаг к новому существованию. Мои крылышки сохнут.

Я не иду туда, где толпятся владельцы собак. Мне неинтересны их разговоры, их лица. Я подожду, когда блондинка пойдет назад. Миновать меня она не сможет, ей волей-неволей придется познакомиться со мной. Решение принято. Я хочу вести ее завтра к Генералу.

Приходится выкурить множество сигарет и долго сидеть на стылой деревянной скамейке, прикидываясь человеком, которому просто нечего делать. Почти стемнело — насколько возможно, когда день еще увеличивается. Во дворе горят три желтых фонаря. Я вижу, как постепенно расходятся собачники. У некоторых по целому выводку разномастных догов или пуделей, у других овчарки, доберманы, ризеншнауцеры. Колли лишь у блондинки, на которую я охочусь. Собаки гавкают, люди над чем-то смеются. Меня трясет. Я озяб.

Блондинка не идет обратно, хотя вглядываясь в дальний угол двора, я определил, что там она осталась в одиночестве. Потом я только узнал о ее ссоре с матерью. Света была в ужасном состоянии духа, хуже некуда. Я поднимаюсь со скамьи, затаптываю окурки.

Как раз в этот момент во дворе и появляются черные, трое. Один ведет тигрового стаффордширского терьера на длинном поводке. Другие вразвалку идут слева

от него и громко гундосят на своем языке. Свету не видно во мраке под деревьями, однако стаффорд тянет именно туда, настойчиво, потому что учуял суку. Хозяин тянет в свою сторону и ругается. Наконец сдается. Через секунду он понимает, как ему крупно повезло. Под деревьями троица нашла Белую женщину. Одну, ночью.

Переключатель в моей голове, я его четко вижу. Как-то само собой я перевожу его в иное положение. Вместо страха и неуверенности приходит ледяное спокойствие. Бешеная ярость не обжигает, а холодит. Я почти не чувствую своего тела от новой легкости. Черные смотрят на меня, появившегося из темноты в виде еле очерченной тени. Их разговоры смолкают. Хозяин паскудной псины, помогающей Рексы, стоит ближе всего к блондинке, у него рот разинут от изумления. Они освещены лучше, чем я.

— Кто такой? Чего надо? — Знакомый лай. Это те, которые встретились Свете у выхода из подземного перехода.

— Пошел! — говорит другой, плюя мне под ноги.

Не собираюсь даже.

— Пошел! — рывкает еще один.

Мой двор. Гуляю где хочу.

— Свинья, собака русская, иди-иди, пока не зарезали, — советует хозяин стаффорда.

Слышно, как вздыхает блондинка, перепуганная до полусмерти. Градус моей берсерковой ярости повышается медленно, но верно. Мне кажется, я вижу мир в инфракрасном диапазоне, меня переполняет радость, предвкушение.

Я слишком долго беседовал с этими типами, много чести.

Рекса жметя к ногам хозяйки, обматывает ей колени поводком, уходя от наглого пса. Маленького толчка хватит, чтобы свалить блондинку на землю. У нее типичное онемение, Света стоит соляным столбом.

Я бью первым и так, как себе представляю надо бить. Современные мужчины, если они далеки от спорта, учатся драться по фильмам. Известно мне только одно в ту минуту: крепче сжимай кулаки. Позже, когда один дагестанец, запутавшись в своих ногах, упал набок, я открыл еще одно: надо быть как можно более быстрым. Как я попал первому в скулу, неизвестно. И потом кидаюсь на собачника, совершенно не беря в расчет, что он может спустить на меня свое животное. Третий достает меня вскользь по шее и плечу, но я почти ничего не чувствую. Я вцепляюсь собаководу в воротник, дергаю в сторону. Меня в лицо бьют два кулака, с двух сторон. Я ору от ярости. Мои руки работают как ветряная мельница.

Один дагестанец падает со стоном. От моей правой ноги. Она словно одержима своим собственным духом мести.

Визжит колли, визжит блондинка. Свете удастся отбежать в сторону. Там она кричит и зовет на помощь милицию. И соседней, не спешащих откликаться.

Меня свалили. Я качусь по утопанной земле, ощущая торчащие из нее верхушки камней. Кровь течет по лицу. И никакой боли. Черные накидываются. Я лягаюсь и ору. Опять попадаю кому-то ногой, кажется, в пах. Стаффорд рычит. Даг орет на своем языке. В ладони сам собой оказывается камень. Встав и получив по морде еще раз и зарядившись новой порцией бешенства, я бросаюсь в атаку снова. Камень в кулаке будто кастет. Я бью им словно ножом, острый кончик торчит наружу.

Друг собаковода кидается наутек через двор. Я получаю по левому уху. Даг обещал меня зарезать, но, видимо, ножа у него нет, иначе бы я давно познакомился со своими кишками. Кровь в глазах мешает видеть. Мои кулаки летают наугад. Один раз попадаю по чужим зубам, они крошатся. Черный вопит.

Тогда же стаффорд вцепляется мне в ногу. Из дальнего конца двора раздается свист и окрик. Из-за угла вырывает компания чуть подвыпивших русских парней, человек семь. Они видят, что происходит. Я их не замечаю. Стаффорда оттащили. Я взмахнул рукой в последний раз, попав, кажется, по затылку и понял, что рядом

уже никого нет. Кто-то пронесся мимо с дикими воплями. Это уже свои. Как мне рассказали потом, даги улепетывали со всех ног и разве что не взлетали над асфальтом. Никого из черных не поймали.

Утираю рукавом ветровки глаза. Теперь вижу. Край камня, которым я отбивался, покрыт бурым, к нему прилипли черные волоски.

Парни подхватывают меня и помогают сесть на скамейку.

Со мной все нормально. Правда, спасибо.

Слышь, мужик, у тебя вся харя раздолбана. Уроды черножопые!

Разберемся, парни, спасибо...

Света набирается смелости, чтобы подойти ко мне. Парни ругаются изо всех сил. Те, что преследовали черных, вернулись. Ни следа врага. Я выбрасываю камень.

Я говорю парням спасибо еще раз. Они смеются, спрашивают, вызвать милицию или нет. Света говорит вызвать. Я говорю не вызывать. Блондинка зовет свою колли.

— Где вы живете? — спрашивает Света.

Я говорю. Она удивляется.

— Пойдемте к вам, вы весь в крови измазались.

Света обладает красивым голосом. Мне хочется спросить, может, она хорошо поет, но вдруг кружится голова. В это время парни уходят, пожелав мне удачи. Переждав приступ, я даю согласие. Не знал, что именно с этого начнется наше знакомство.

Света еле-еле затаскивает свою испуганную псину в мою квартиру, закрывает дверь. Рекса жметя к порогу, дрожит. У бедняжки стресс. Я смотрю на себя в зеркало, висящее в прихожей, и смеюсь. Блондинка спрашивает, в чем дело, отчего мне так весело. Я говорю, что за всю свою жизнь ни разу не подрался так, чтобы выглядеть подобным образом. У меня никогда не было стремления выглядеть куском мяса. Раньше я был либералом.

— Зачем ты влез? — спрашивает Света, отбрасывая формальности. — Они бы тебя убили!

— А тебя?

Она предпочитает не говорить. Сама снимает с меня заляпанную кровью ветровку, охает, разглядывая и футболку, на которой отпечатались багровые континенты.

— Аптечка есть? — спрашивает Света.

— В ванной, в шкафчике было что-то, — отвечаю я.

Я представился, блондинка улыбнулась, сказав, что ее зовут Светлана. Почти целый час после она обрабатывает мою опухшую физиономию. Перед этим она заставила меня обнажиться до пояса и ополоснула меня душем. Я стонал и хохотал, когда вода начинала нещадно драть мои раны. Хохота почему-то было больше. Я вообразил, что будет, если я припрусь в таком виде на собрание, устраиваемое Генералом.

Ухо опухло, на лбу две глубоких ссадины, под левым глазом налился черно-синий синяк, в нескольких местах лопнула кожа, особенно глубоко была задета бровь у переносицы, оттуда долго текла кровь. Света настаивала тотчас отвести меня в травмпункт, чтобы наложили швы, но я отказался. Мне хочется иметь отметины. Пусть символизируют мой отказ от стиля жизни безропотной овечки.

Пусть Поляков полюбуется.

Я сказал об этом Свете, а она вытаращила на меня глаза.

— А нога? Вдруг у тебя бешенство будет?

Да, нога тоже доставляла проблемы. Стаффорд порвал кожу и кое-где сумел глубоко погрузить клыки, но до крупных сосудов не добрался. Я чувствовал, что икра набухает. И все равно отказался от врачей. Мне тогда было наплевать, умру я от бешенства или нет. Света занялась ногой и неуклюже перевязала ее, неровно, но

от чистого сердца. Сквозь бинт проступило немного крови. Я перенес на раненую ногу вес тела и нашел ее состояние вполне удовлетворительным.

Смотреть на себя в зеркало было просто страшно. Постепенно вспухла другая часть лица и верхняя губа с правой стороны. Улыбки доставляли боль. Света наклеила мне на физиономию пластырь. Я стал похож на тряпичную куклу, случайно попавшую в электрическую мясорубку, а после заботливо сшитую заново из мелких кусочков.

Света спросила, больно мне или нет. Было очень больно, но я не ответил. С какой стати я буду жаловаться? Я — Белый мужчина.

Теперь я знал, кто я.

Представьте, отнюдь не каждому в жизни выпадает счастье сказать такое про себя.

Света хмуро глядела на меня, долго, а потом отправилась к входной двери. Я испугался, что она уходит вовсе. Ведь я многое собирался ей рассказать.

— Я отведу Рексу домой. И принесу болеутоляющее. У меня есть сильное, — говорит она.

На меня нападает запоздалый мандраж, я собираю всю волю в кулак. Переключатель в моей голове давным-давно сам вернулся в исходное состояние. Я больше не берсеркер, а среднестатистический придурок с набитой окровавленной мордой.

Это во мне говорит старая моя часть. Та, что не представляет себе жизни без тихих часов самобичевания и одиночества. Без оторванности и отчаяния. Старая часть сопротивляется попыткам бабочки летать. Гусенице приятней ползать среди травы, где ее не высмотрит даже шустрый воробей. Бабочка летает и ежесекундно рискует собственной шкурой.

Я слышу треск. Это моя жизнь расплзается по швам.

Вернувшись, Света поит меня болеутоляющим, от которого моя голова идет кругом. Я лег на диван, наблюдая вращающуюся вокруг оси комнату. Ночь предстоит провести в лихорадке. Я ранен в самом настоящем бою, я пойму это позже, когда Генерал объяснит мне все до конца. Света хочет уйти, убедившись, что со мной нормально. Я держу ее за руку.

Мне надо с тобой поговорить. Рассказать обо всем.

Нет, она не понимает зачем.

Лекарство снижает мои умственные способности, боль прошла, однако наваливается усталость.

Приходится приложить максимум усилий, чтобы до Светы дошел смысл моих слов. Во мне нет таланта Генерала к проповедничеству. Я перескакиваю с одного на другое. У меня не хватает аргументации. Видимо, этот монолог напоминает бред горячечного больного. Что-то такое и было. Света внимательно слушала.

Она не верит.

В конце концов я умоляю о единственном — составить мне компанию.

Нет, это не укладывается у нее в голове.

Как ты пойдешь с таким лицом по городу, спрашивает она.

Я смеюсь.

Этажом ниже старуха выговаривает Свете, что та мешает ей спать и ходит по ночам как помешанная. Она даже не спрашивает, в чем причина. Любительнице сериалов плевать, у нее другая система координат, свой набор ценностей.

Рекса забралась под кровать и пытается уснуть. У собаки чуткий сон. Квартира Светы пропахла корвалолом, запах впитался в обои и шторы. По невидимым порам корвалол просачивается ко мне наверх. Я думаю, это предвестник скорого упадка. Молодая здоровая женщина не должна жить в таких условиях — рядом с покойницей, мечтающей о Латинской Америке.

Я лежу на своей кровати, одурманенный лошадиной дозой обезболивающего. Больше всего у меня болят кулаки. На костяшках кусочки пластыря, суставы опухли, стали синими. Единственные приятные мысли — о том, что черным досталось сильнее, чем мне, а ведь я был один. У меня целы зубы. Мой кулак разбил чьи-то передние резцы, значит, расквасил и губы врага. Ему должно быть во сто крат больнее.

Сон не приходит. И меня бесит бездействие.

Я пропускаю через себя время, пытаюсь прочувствовать его субстанцию. Оно холодное и липкое, словно железо на морозе. Не прикасайся языком, иначе лишишься его куска.

Время отвечает за жизнь и смерть. Рождаешься во времени и умираешь в нем же, никак иначе. Все знают, что умрут, но никто не хочет умирать без цели. Дайте цель, тогда пожалуйста.

Боль в костяшках моих кулаков стала острием ножа, рассекающего мою жизнь. Я чувствую судороги сознания.

Утверждают, что время идет по прямой. Что планета Земля образовалась из пылевого облака и когда-нибудь умрет, распадется на те же частицы. Что Вселенная, остывнув, сожмется опять. Что было сотворение мира, значит, будет и конец его. Апокалипсис. Враг Белого человека внушает ему мысль о бесполезности борьбы. Действительно, раз все подлежит распаду, к чему сопротивляться? Необходимо смирение. У нас вытягивают энергию — у изобретателей иудаизма и христианства это хорошо получается. Исконное белое время разорвано, из круга превращено в линию. Мы не знаем единого ритма, наш организм почти забыл необходимую ему биологическую цикличность. Глобализация требует ускорения. Но сил ускоряться уже нет.

Ускорение — катализатор нашего сумасшествия. Не-белые учат нас жить по их законам, учат, как сходить с ума. Возводят это в моду. Спасибо Зигмунду Фрейду, он добился большего, чем все равнины вместе взятые.

Ныне благоденствие держится не на чистоте. Не на строгости линий. Не на тщательном расчете и порядке. Что простоят дольше: пирамида Хеопса или груда щебня аналогичной высоты? Нас пытаются убедить, что щебень. Скидайте в одну кучу все народы, приправьте удобоваримой философией, внушите всем и каждому чувство собственного достоинства, но запретите нациям думать о себе, что они самодостаточные единицы. Это рецепт счастья. Лев лежит рядом с ягненком. И ему хорошо, потому что каждый день он получает на обед нового — охотиться больше не нужно.

Дайте каждому сколько ему хочется веселых разноцветных вещичек. Дебил любит разные штучки-дрючки, они отвлекают его от мыслей о своей неполноценности.

Миллионы инорасовых побрякушек имеют хождение в Белом мире. Навешивая на себя африканские бусы и слушая черную музыку, Белая женщина приучает своего белого ребенка, находящегося в утробе, быть негром. Младенец рождается с мозгом, настроенным на сатанинский мир. Став подростком, он отращивает дреды и начинает курить траву, напяливает широкие штаны и прется от рэпа. Его дальнейший путь — дурдом и морг. Родившись с чужими ритмами в мозгу, ребенок с первых дней превращается в культурного отщепенца. Он разлагается. Его отец и мать расово чисты, но для белой семьи он потерян.

Я будто слышу мысли Генерала.

В детских книжках пишут, что черный человек отличается лишь цветом кожи, будто этим можно объяснить двести тысяч лет пропасти между неграми и белыми. Будто эти заклинания о равенстве могут исправить звериную натуру.

Я будто читаю мысли Генерала.

Смешайте литр мазута и литр молока и попробуйте что-нибудь сделать с этой смесью. У вас ничего не выйдет. Зато мазут сам по себе весьма полезная штука. А молоком можно утолить голод и жажду.

Выпейте смесь из молока и мазута — и я приду на ваши похороны.

Старый добрый Белый Свет! Теряй, теряй свою идентичность! Пригласи к себе на обед своих убийц, мило побеседуй с ними, подставь горло под мясницкий нож! Старый добрый Белый Свет!

Верните мне мой круг, мое солнце, которое несется по небу по часовой стрелке! Я не хочу сгинуть во тьме, подчиняясь чужим пророчествам! Верните мне мои символы! Я желаю поклоняться солнцу, а не луне!

Я вдыхаю мерзкий корвалол, обоняние обострилось. Кажется, мать Светы принимает лекарство прямо у меня в квартире.

Убирайся, говорю я матери Светы, убирайся в Латинскую Америку. Дай мне спать.

На работе меня бы посчитали за восставшего из могилы мертвеца. Отек не спал, даже как будто наоборот. Раны подсохли, покрывшись корками, а то, что делается под кусочками пластыря, я не знаю. Места, где больше всего опухло лицо, походили на студень. Один глаз почти не видел, его застилало что-то липкое. Стоит задуматься над словами Светы, каким образом я собираюсь показаться на людях. Но это не имеет значения. Нос цел. Сломай его черные, было бы еще хуже. Что касается ноги, то на нее я вообще старался не смотреть.

Сморкаться тем не менее больно, вместе с соплями выходит кровь. Обломки образовавшейся за ночь коросты в носовой полости. Организм не хочет признавать реального факта, что получил встряску, и удивительно бодр. Улыбаюсь себе в зеркало. Какой кошмар! Я должен пойти сегодня к Генералу. Если там соберутся сомневающиеся, я выступлю наглядным пособием, ходячим постером из серии «А ты записался добровольцем?» Меня надо сфотографировать, я выставлю вперед указующий перст. Даже страшную морду не нужно корчить. Моя сегодняшняя просто супер.

Этажом ниже Света уже поднялась, она сказала мне, что даже в выходные вскакивает в семь утра. Раньше для меня не существовало пространства под моей квартирой. В нынешние времена там живет женщина, к которой стремится моя плоть и кровь.

Бреюсь с трудом, размышляя: «Передумала она или нет?» Прожевать бутерброд с копченой колбасой — настоящий подвиг берсеркера. Всюду в лице гнездится ноющая боль. Тщательно вычищаю ротовую полость и заодно обследую ее, нет ли где вызванных ударами повреждений. С зубами и деснами все хорошо. Нахожу темные очки, чтобы на улице хоть как-то скрыть мой кондовый синяк. Теперь сходство с мертвецом сильнее.

Света признается, что ей все труднее проводить время дома и что скорее всего она снимет комнату и оставит мать одну. Старуха будет счастлива, никто больше не встанет между ней и Сюзанной Виэйрой. У Светы изможденное лицо, легкий макияж не может этого скрыть. Откровенность блондинки меня немного пугает. Девушка не спала всю ночь. Я хотел сказать, что ей надо было придти ко мне и провести время тут. По крайней мере мы бы могли проговорить до утра. Довольно романтично встречать рассвет вдвоем. И не в постели и не после нее. Но не сказал, боясь разрушить хрупкий мостик, переброшенный между нами.

Пойду искать варианты, когда мы вернемся, говорит Света. Показывает мне лист, вырванный из газеты, на котором напечатаны объявления о сдаче квартир и комнат. Девушка общается со мной будто спустя полгода. Это меня пугает. Позже, примерно, через полчаса до меня доходит, насколько Света одинока. В подобной изоляции оказываются лишь самые красивые женщины, не знающие альтернативы той жизни, которую они отвергают.

Света замечает, что я плохо побрит. Проводит мягкой красивой рукой по моей опухшей щеке.

Я сказал, что буду сопровождать ее в поисках нового жилья.

4

Сорвав двумя пальцами пробку с пивной бутылки, Колючка передает бутылку мне. Мы сидим у него в машине. Колючка срывает другую пробку с другой бутылки. Глядит перед собой.

После глотка газы выходят у него из горла.

— Не имею понятия, как быть наставником, — произносит он.

— Ты никогда им не был? — спрашиваю я.

— Никогда. Но в Сопротивлении все должны хотя бы раз побыть им. Таков закон.

Пиво щекочет язык. Колючка смотрит на меня. В Сопротивлении никаких имен, просто прозвища. Чем меньше зацепок будет у режима, тем лучше. По всей видимости, где-то существуют списки всех членов, но о существовании этого места не знает никто. Кроме основателей.

Я спрашиваю, что дальше. Колючка думает. По его мнению, ему должны при-
слать инструкции, по которым нам обоим предстоит жить некоторое время.

Колючка говорит:

— Тебя проверяют все время. Бывает, где-то рядом вертится «хвост», эти люди выясняют, чем занимаются наставник и ученик. Благонадежность. Лояльность. Умение выполнять приказы. Специальный дисциплинарный отдел суммирует данные после испытательного срока. И выносит вердикт.

— Что бывает потом?

— По-разному, — говорит Колючка. Кажется, интереса ко мне он не испытывает совсем. Этот огромный человек с боксерской прической весит не меньше ста двадцати килограмм, под его тяжестью тяжело стонет водительское сиденье старой «пятерки». — Главное — вычислить шныри. Они появляются время от времени.

— Что делают со шнырями?

Колючка говорит серьезно.

— В дисциплинарном комитете есть группа ликвидации с постоянно меняющимся составом членов. Тебя могут выбрать в эту группу сразу, как ты только стал членом Сопротивления. Могут через полгода. Могут никогда. Неизвестно, какими мотивами руководствуются дисциплинарщики. Я думаю, это тоже проверка. В группе ликвидации ты находишься месяц, потом возвращаешься к основным обязанностям. Группа — иммунная система Сопротивления. Шнырям, стукачам у нас делать нечего. Любой организм должен защищать самое себя.

Колючка скучает, прихлебывая пиво. Наверное, ему не нравится, что я приставлен именно к нему. Он прибавляет, опережая мой следующий вопрос:

— Я был в группе ликвидации. Мы занимались устранением одного замаскированного врага.

Никаких подробностей, тем более мне, новичку, стажеру, так сказать. Достаточно знать пока, что с предателями в Сопротивлении не церемонятся.

По сравнению с великаном Колючкой я кажусь невзрачным гномом. Стоит посмотреть на него, как в голову приходят мысли об уличных бандах. С другой стороны, о профессиональном боксе или бодибилдинге. Не сильно промахнусь, если поспорю с кем-нибудь о его прошлом. На его лице несколько мелких шрамов, нос глядит немного в сторону. Сквозь светлые волосы проглядывает рубец.

— Суть одна: ты должен выполнять приказы, как в армии. Был в армии?

— Нет. Учился на филфаке, потом в магистратуре, а потом меня потеряли из вида. Я не был.

— Ну и ладно. Важно, что именно с этого дня ты стал солдатом, — говорит Колючка. — Мои приказы для тебя закон. — Он смотрит на меня своими светло-серыми глазами. — Однако я тебе не нянька и не любимый сержант. Я — просто тень, о существовании которой ты забывать не должен. Твой истинный начальник совсем другой.

— Кто? — спрашиваю я.

— Твоя кровь. Это твой единственный бог, единственный авторитет.

Моя физиономия практически зажила, остались красные отметины на том месте, где срослась кожа. Кто-то у меня на работе заметил, что с момента, как я поддрался, в моих глазах появился агрессивный блеск. Я мог быть удовлетворенным. Я сижу и смотрю на свое отражение в зеркальце заднего вида.

После подобных событий в застоялой жизни в тебе включается другая программа. Добрый робот Вертер превращается в Терминатора.

Колючка внушает уважение. Не страх, а именно уважение. Я слишком много видел людей с высшим образованием, чтобы сомневаться. Любой боксер, с девяти лет получающий по морде, при желании может понахвататься из книг всякой чуши и жонглировать ею перед дешевыми шлюшками из кафе. Колючка не лезет за словом в карман и не пытается меня поразить.

Организованная группа, состоящая из подобных людей, как правило, добивается многого. Боевая и интеллектуальная гвардия.

Появляется он сегодня вечером, подкатывает к моему офису и звонит без пяти минут пять, что ждет меня во дворе. Темно-синяя «пятерка». Я собираюсь медленно, поглядывая на Генерала, а он погружен в работу. Лишь когда я ухожу, он бросает на меня один-единственный взгляд и подмигивает. Мы почти не общаемся на работе, у нас конспирация. По сложившейся традиции, я ухожу в туалет и звоню ему оттуда, но только в самом крайнем случае.

Пока, пока, всем пока.

Пусть видят, что я в отличном настроении. И это правда.

Колючка долго трясет мою руку, будто испытывает ее на прочность. И возвышается надо мной как Эйфелева башня, превращенная чернокнижником в человека. Рука тяжелая, стальная, костяшки, как я замечаю, сбиты. Кожа на них огрубела от постоянного воздействия. Колючка может сломать мое запястье, если решит хорошенько сжать кулак. Монстр.

— С сегодняшнего дня я буду твоим наставником, — говорит он. — Генерал сказал мне твой адрес, но я приехал сюда, чтобы не терять время.

Я отвечаю, что меня не предупредили заранее, а Колючка отмахнулся. Никого заранее не предупреждают.

И вот мы пьем пиво. Колючка говорит, снова улавливая мой резонный вопрос:

— Где-то поблизости есть группа наблюдения. Мы в прицеле. Не обращай внимания, ты все равно их не разглядишь. Обычное дело. Это не паранойя, а безопасностью.

Я думаю о Свете. Ее наставник — женщина, но кто она, я не знаю. Может быть, Света расскажет сегодня вечером. Если мы встретимся. Теперь я отчасти в этом сомневаюсь. Мне нужно с ней серьезно поговорить и выяснить, каков у нее настрой на будущее. Страшно — не отрицаю. По ночам приходят кошмары, я сплю по-настоящему по три-три с половиной часа в сутки. Перерождаюсь.

Колючка ведет машину плавно, его руки сжимают маленький руль. Город наводнен людьми. Все отдыхают после работы или только возвращаются с нее, чтобы присоединиться к празднующимся. Грязные лица инородцев, кляксы на светлом фоне. За них так и цепляется взгляд. Где все они были раньше? Почему я их не видел? Антирусские, антибелые законы набрасывают на чужаков магический флер, позволяет им применять мимикрию, приспособливаться. Ничего удивительного — паразиты живут лишь благодаря этой тактике. Их словно бы и нет, но существование черных отравляет нашу жизнь ежеминутно. Генерал во всем прав. Он не-

заменяем как рупор идей Сопrotивления, он убежден в том, что говорит, потому что говорит правду.

Жду, когда же Колючка начнет рассказывать. О чем угодно. Больше всего, конечно, мне хочется узнать о нем самом.

Я задаю себе вопрос, какое значение может иметь мое прошлое? Бесцельное. Тупое. Унизительное для Белого человека.

Наверное, никакого.

Вместе со своими согенниками ты говоришь: «Мы лучше!» — и твое прошлое умирает. Аналогично умирает прошлое монаха. Преступника, приговоренного к смерти. Нет, кое-что имеет значение. Для монаха — его мирские грехи. Для маньяка-убийцы — его преступления. Для члена Сопrotивления — его равнодушие. Никто не вменяет ему это в вину, он сам осуждает собственное бытие. В Великой Священной Войне он никак не проявлял себя. В его мирке была работа на чужого человека, зарплата, уют, быт, благополучие, удобное существование. Стабильность, кредиты, жизнь в долг. Бизнес-курсы, курсы английского языка, выезды с друзьями по работе на природу. Одежда как в рекламе, сотовые телефоны последней модели, машины. Респектабельность. Он мечтает умереть респектабельным в окружении детей и внуков.

Он говорит, усаживаясь у телевизора: «Лишь бы не было войны!», «Мы живем в свободной стране!», «Сделаем мир лучше!» Слушая новости, он ужасается выходкам исламистов, леворадикалов и осатаневших сектантов. Он убежден, что их нужно уничтожать. Не потому что они зло, а потому, что они угрожают его комфортной жизни. Не потому, что вся эта шайка — убийцы Белой расы.

Раньше он был обывателем, сожравшим бесчисленное количество пицц, хот-догов и выпившего сотни литров кока-колы. Равнодушие на фоне показного сочувствия чужому горю. Такой стиль жизни распродается оптом и в розницу через телевидение. Общечеловеческие ценности весьма ходкий товар, они дешевы и действительны, просты в употреблении. Любое чудовище в человеческом обличье знает, что с ними делать.

В один прекрасный день приходит человек и говорит тебе правду. Прогони его, как Свидетеля Иеговы, покрути пальцем у виска. Или же выслушай и попытайся понять. Взбунтуйся, разозлись, выпусти естественную энергию.

Равнодушие исчезает по мановению руки, просыпается кровь. Чем чище она в тебе, тем ее угрожающий рев мощнее. Ты грозишь врагам и чувствуешь нерушимую связь с теми, кто вышел из одного корня с тобой. Ты становишься романтиком, устремленным в будущее. Смеешься над духовной импотенцией большинства. Любые проблемы кажутся ничтожными, их масштаб уже не поражает твое воображение, потому что оно как у тигра, а не как у мыши. Будь тигром, волком, орлом, кошкой, лисом, но не будь мышью, бараном, морской свинкой или откормленной на убой коровой.

Уже никогда не можешь быть скотом.

Борись, дерись за своих. Скажи врагу: «Ты не получишь ни капли моей крови просто так! Убей меня! Только так ты поработишь Белого человека!» Возможно, враг и заберет твое тело, но твой бешеный дух обретет свободу. Прольется чистая кровь и удобрит почву для других поколений.

Я лечу на гребне невидимой волны, а Колючка смотрит на меня и усмехается. Видимо, замечает мои горящие щеки. Его ученик напоминает мальчишку-подростка. Все — часть моего начального курса подготовки. И этот гигант когда-то прошел через обряд инициации. Мы — варвары на улицах мегаполисов. Шаг за шагом вверх, стройными рядами. Режим не знает и не видит нас и нам это на руку. Я будто читаю мысли Колючки. В Белом Мире нет ничего, что противоречило бы Белому человеку.

«Белом Мире нет ничего, что противоречило бы Белому человеку!» — говорит Генерал, стоя перед заполненными людьми рядами стульев.

«Вы — носители высочайшей морали. Но она ничего не имеет общего с тем, к чему вы привыкли! Забудьте прошлое. Задавайте врагам детские вопросы, пока у них достанет сил повторять свои басни снова и снова!» — говорит Генерал. Его голубые глаза — два исландских ледника, сверкающих на солнце.

Я испытываю ужас, словно стал свидетелем перемены полюсов на планете Земля. Ужас испытывают все, кто рядом.

Голос Генерала действует словно удар хлыста. Блеск сдвоенных серебристых молний. Вспышка. Удар. Иудейская пентаграмма над Россией рассыпает в прах, пораженная Перуновой молнией.

Визжащая тьма.

Я оглушен ею.

Колючка говорит мне, что надо уметь смотреть по сторонам. Да, я понимаю, отвечаю я.

— Преврати свое зрение в рентген, чтобы от него не укрылось ни единой детали, — говорит великан, — куда бы ты не смотрел, везде примечай суть. Это необходимо для поиска самых уязвимых мест режима. Тренируй нюх. Глаз. Будь волком и вороном.

Час спустя Колючка держит на прицеле наркоторговца на краю автостоянки. Еще светло, и меня охватывает страх, что нас сейчас заметят. Но никого нет в округе, даже тех, кто обычно приходит к этому месту покупать у подонка дурь.

Колючка возвышается над отвратительных созданием, приставив дуло ПМ к его лбу. Наркодилер никак не может понять, что вдруг произошло. Просто не способен. Я замер в стороне от правого плеча Колючки.

Вероятно, он демонстрирует мне, что значит быть волком и вороном. Зоркий глаз, острый клык, острый нос. Загоняй добычу, пусть она истечет своей поганой кровью.

Цыган пришел сюда как на работу, тут у него купленное место. Колючка говорит мне, что все подобные углы давно зафиксированы, все фамилии занесены в списки. Он называет зверю его имя и фамилию, ввергая его в мистический ужас. Наркодилер не в состоянии понять ничего. Ничего не в состоянии понять отвислая нижняя губа, похожая на дохлую пиявку, оттопыренные под прямым углом чебурашкины уши, жиденькие черные волосы и приплюснутый нос. Ничего не в состоянии понять низкий рост, сгорбленная спина и обезьяньи руки. Тысячи поколений назад предком наркодилера мог быть неандерталец. Боюсь, говорит Колючка, боюсь, что столбов нам не хватит. Возможно, он прав.

Из лап наркодилера сыплются деньги. Под ноги Колючке. Сыплются героиновые дозы, завернутые в микроскопические кусочки целлофана. Цыган всерьез полагает, что мы — посланцы его конкурентов.

— Что ты хочешь этим сказать? — спрашивает Колючка, впечатывая дуло пистолета в плоский лоб существа. — Покупаешь меня? Чтобы я тебя отпустил? Что ты будешь делать, если мы просто уйдем?

Эх, существо, ты отвратительно на вид. Способен ли хоть чем-то оправдать даже то, что ты делаешь, не говоря уже о своей жизни?

— Если мы просто уйдем, что будешь делать? Исправишься? Пойдешь работать на завод? На бензоколонку? Дворником пойдешь?

Нет, не пойдет. И не в состоянии соврать, дать слово, от которого через пять минут откажется. Я оглядываюсь по сторонам. Я бы предпочел, чтобы все уроки проходили в темноте, а не на виду у возможных зевак. Но я обязан слушаться Колючку.

Время тянется. И никого поблизости нет. Кусок пространства омертвел. У великана стальные нервы. Цыган по-прежнему пытается вразумить Колючку, переходит от стонов к угрозам и обратно. Вас всех найдут и убьют, нас тут много, мы везде, ты не знаешь, кто стоит за мной.

— Знаю, — говорит Колючка, — вонючий сброд. Нелюди. Пока вас действительно много, но скоро мы вычистим ваши гадюшники, не волнуйся.

Ни капли иронии, голая убежденность. Железобетонная.

Колючка смотрит на меня через плечо и спрашивает, не желаю ли я привести приговор в исполнение. Я думаю недолго. Отвечаю, что нет. Не готов. Глаза убийцы белых детей лезут на лоб. Колючка приказывает ему идти за гараж. На асфальте лежат рассыпанные деньги и наркотики. Великан и наркоторговец скрываются за ржавой коробкой гаража. Дым от моей сигареты сносится ветром в сторону. Мы варвары, разрушающие падший Рим. Компромиссов нет. Никто и не думал оставлять нам иной выход.

Тело упало. В тишине я услышал, как цыган стукнулся локтем о стенку гаража. Зашелестела полынь. Потом под старыми кроссовками Колючки заскрежетала щебенка. Он вышел ко мне, откручивая глушитель от ПМ. Пошли, сказал мне.

Я хочу посмотреть.

Нечего смотреть, пошли.

Я жалею, что отказался взять пистолет в руки.

Это все равно придется сделать.

Группа наблюдения смотрит за нами. Призраки прячутся в этой пустыне за каждым камешком, скрываются за каждым стебельком травы. В журнале под заголовком «Новичок» ставится первая запись: «Отказался от экзекуции. Экзекуция проведена наставником. Взять на заметку».

Я сажусь в машину Колючки. Он кивает на переносной холодильник, намекая на то, что надо бы еще выпить пива. Я беру себе одну бутылку, даю ему следующий. Пиво ломит зубы. Напряжение потихоньку растворяется.

— В Сопротивлении ты можешь быть кем угодно. Нам одинаково нужны и те, кто хорошо владеет автоматом, и кто умеет делать взрывчатку, и кто хорошо варит обеды, и кто вышивает крестиком или умеет вворачивать лампочки.

— Вышивать крестиком?

— Да. Мы — это жизнь. В нашем составе десятки этнократических объединений. Ты идешь по улице, смотришь на людей и можешь не знать, что именно они являются твоими братьями. Они не отличаются ото всех других. Специалисты по программированию, хакеры, а таких немало, воюют с оккупантами через Интернет. Бывшие военные делают взрывные устройства из батонов и забрасывают их в учреждения. Нет плохих или хороших дел. Есть полезные и бесполезные. Все методы хороши, кроме тех, которые не приносят ни малейшего результата.

Надо бы рассказать матери Светы, как много людей стараются помешать ей смотреть латиноамериканские сериалы.

— Если я взрываю редакцию еврейской газеты, это равносильно тому, как если бы я просто вымыл пол в штабе во время дежурства?

Колючка смотрит на меня и смеется.

— Совершенно правильно. Это и называется общее дело. Сегодня люди забыли, что значит идти в одном направлении, все прутся в своем собственном. Или сидят на своей грязной заднице, как бастующие хиппари. У таких нет и не может быть будущего.

— Хочешь, мы сделаем это прямо сейчас? — говорит Колючка.

— Что? — не понимаю я. Мои мысли занимает Света.

Вполне возможно, что сейчас она занимается со своей наставницей. Что они, интересно, делают? Бомбы из батонов или крестиком вышивают?

Пиво настойчиво толкается в горло, и я даю ему полную свободу. Духота. Жара. Похоже, я понемногу напиваюсь. Футболка липнет к телу.

— Акцию. На двоих. Когда мы ездили с моим наставником, я видел кое-что, нам повезло пересечься с другими новичками. В одном месте женщина около пятидесяти лет проткнула шины у дорогой тачки, которая принадлежала чеченскому бандиту. Хулиганизм помогает размять психические косточки.

Психические, спрашиваю я.

— Ну да. Проще — избавиться от мелочного страха. В другой раз две школьницы забросали армянское летнее кафе коктейлями Молотова. Сами же вызвали пожарных. На них, конечно, никто не подумал.

А что же сделаем мы, спрашиваю. Великан подмигивает. Скука наконец уходит с его лица.

Он дает мне пистолет, показывая, как прикрутить к нему глушитель.

Сначала Колючка заканчивает спортивный факультет педагогического университета, а потом его тянет на исторический. Уже после армии. Он занимается боксом, готовится стать кандидатом в мастера спорта. Уже в пятнадцать лет Колючка примыкает к бригаде бритоголовых. В карательных операциях против нелюдей он оттачивает свои навыки, полученные на тренировках. Ему кажется, что в одиночку ему под силу разорвать весь мир.

Со временем бригада переходит под его командование, Колючка проявляет себя талантливым вождем. Акции его бойцов устрашают инородцев, о них в нашем городе помнят до сих пор. Ни разу никто из его парней не оказался у режима на крючке. У Колючки врожденный нюх на врага.

Эти подробности я узнаю немного позже и от других людей. Сам мой наставник скуп на детали из своего прошлого. Тем более был тогда, в первый день, когда для него я еще ничего из себя не представлял.

Свою деятельность в скиндвижении он не оставляет и участвует в университете. Со спортом к тому времени покончено. Махать кулаками на ринге ему больше не интересно.

В нем растет бунт против сложившегося положения.

Только после армии он задумывается над масштабами стратегии борьбы. Этот великан вырос из уличных потасовок как младенец вырастает из распашонок. Поручив руководство бригадой надежному человеку, Колючка уходит в свободное плавание. Никто не говорит ему, что он предатель. Это чревато последствиями. Он просто не может отказаться от идеи тотальной войны. Лишь самый тупой не поймет эту истину.

Колючка долго ищет единомышленников. Вплоть до четвертого курса исторического факультета. Он работал в охране и учился, когда повстречал человека, рассказавшего ему о Сопروتивлении. Колючка уже готов ко всему, накопленная энергия требует выхода. Его глаза по-прежнему открыты и взирают на окружающий мир. От Колючки не укрывается ни одна деталь. Для такой организации он просто находка. Он удостаивается чести с первого дня и возглавляет местное боевое отделение Сопротивления.

Опыт работы с новичками у него огромный. Колючка чувствует, кто на что способен, а я чувствую, что он чувствует. Возбуждение обжигающей волной прокатывается по моему животу.

— Хочешь что-то сделать прямо сейчас — делай! — говорит великан.

Глушитель прикручен к пистолету. Вот здесь предохранитель. Патронов почти полная обойма, объясняет Колючка.

Мои руки не дрожат.

— Я должен импровизировать? — спрашиваю я.

— Все в твоих руках. Действуй.

Место, куда мне предстоит пойти, находится в семи метрах от обочины. Я смотрю на павильон, торгующий цветами. В разноцветных благоухающих зарослях маячат два черных лица.

Колючка бросает мне на колени черную шапку-маску с прорезями для глаз, носа и рта. Эта вещичка весьма кстати. Ее надевать мне еще никогда не приходилось.

Действуй же!

Действуй!

Действуй!

— Мне нужно кого-то убить сегодня?

— Я не отдаю тебе таких приказов, — говорит великан. — Если инструкции о проведении точечной ликвидации придет сверху, тогда другое дело. Решай. Проявляй инициативу.

Колючка едва не силой выталкивает меня из машины, веля бутылку пива оставить здесь. Я делаю глоток, выхожу. Вокруг почти никого нет. Великан сказал, что павильон этот не оборудован тревожной кнопкой. Ничего такого опасного. Нет и камер слежения. Если только никто из двух продавцов не успеет позвонить по сотовому. Но у тебя же пистолет, улыбается Колючка, а это круче, чем мобила, так? Конечно.

Мысли летчика-камикадзе.

На тебя несется палуба американского авианосца. Считанные метры.

Он ведь и в самом деле вышел. Стоило на него надавить чуть посильнее, и сопротивление сломалось. Точнее, не на него, а на его жену.

Павильон не полностью стеклянный, к тому же его закрывают с трех сторон деревья. У крыльца стоит голый продавец. Голый, босой, а на груди у него табличка. Прямоугольный кусок картона, на котором написано черным маркером: «Пособник оккупантов».

Кретин — не мог не допустить ошибку. «Пособник». Картонка держится на куску шпагата, пропущенного через отверстия в углах.

Задание у голого такое: выйти из павильона и пройти квартал, потом вернуться обратно.

Если он не возвращается через десять минут, я убиваю его жену.

Если он бежит в милицию, я убиваю его жену.

Если что-нибудь еще произойдет, я убиваю его жену.

Я сказал, что за ним будут внимательно следить.

Мы с женщиной в темноте, сидим по ту сторону прилавка, глядя друг на друга. Меня закрывают бутоны и стебли каких-то цветов. Запах лезет в ноздри, хочется чихать. Я смотрю наружу. Видна машина Колючки, она трогается с места и медленно следует вдоль обочины за голым продавцом. Голый идет, закрывая свое жалкое достоинство, затерявшееся в растительности между ног. Трусит по асфальту, испытывая вселенский ужас. Что окажется сильнее: ошеломляющий стресс от подобного стыда или боязнь за свою женщину? Надеюсь, Колючка понял мой замысел.

В сумерках уродливая фигура продавца походит на инопланетянина. Довольно быстро он скрывается из поля зрения. Десять минут. Время тянется. Где-то прохожие начинают открывать рты от удивления.

Рот женщины залеплен прозрачным скотчем, он блестит в слабом мерцании, пробивающемся снаружи. Глаза тоже блестят, от слез. Она шмыгает носом.

Первым делом я приказал им выключить в павильоне освещение. Со стороны весьма хорошо видно, что человек в маске зашел не за тем, чтобы купить букет цветов.

— Быстрее, — говорю я мужчине и перепрыгиваю через прилавок. Как партизан, прячусь в зарослях. В павильоне стоит удушливая атмосфера. В таком смешении запахов немного кружится голова.

Идея созрела у меня сразу, как только я вошел. Я приставляю дуло женщине к виску. Заткнись, говорю. А ты иди закрой дверь и повесь табличку, что закрыто. Рядом с женщиной-южанкой стоит тощий субъект с гусиной шеей и уродливым кадыком. По его глазам видно — он готов безоговорочно подчиниться.

— Фамилия!

Женщина называет мне свою фамилию. Все верно, армянка. За моей спиной тощий субъект запирает павильон.

— Только ничего нам не надо делать! — говорит она.

Заткнись.

— А ты!?

Тощий уже перелез обратно, как я ему приказал. Тут я не ошибаюсь тоже. Он — настоящий еврей. Неправильную голову щедро украшают смоляно-синие кудряшки. Глаза черные как душа банкира. Даже сквозь цветочное благоухание я ощущаю его запах. Так пахнут только истинные евреи.

Большую часть его лица составляет огромный горбатый нос. Этим он похож на свою женщину.

Сейчас в темноте не видно, но у нее под носом черные усы. Она будет отрывать скотч вместе с ними.

Еврей смотрит на меня, молчаливо спрашивая, что же дальше. В углу за прилавком лежат большие картонные коробки, я указываю еврею на них.

— Оторви прямоугольный кусок и напиши на нем то, что я скажу.

— Ладно, — тут же соглашается он.

— Вы что, любовники? — спрашиваю я.

Армянка мотает головой.

— Что? Говори!

— Мы женаты, — выдает она тайну.

Ничего сенсационного. Генерал говорил, что методика подрывной деятельности армян на русских землях не отличается от еврейской. Тотальный контроль над ключевыми точками. Контроль над финансами. Павильон с цветами — символ сраживания двух небелых антирусских фронтов.

Эта парочка мечтает о том, как сюда ворвутся горбоносые парни, их родственники, и храбро дадут отпор русскому ублюдку.

Еврей стоит с картонкой в руке. Не знает, что делать. Я спрашиваю у них, почему вдруг они решили пожениться и почему у них разные фамилии. Никакого ответа. Похоть ничем невозможно оправдать. Животное не несет ответственность за свои действия. Похоть. Благодаря ей совершаются расовые преступления.

Но лично мне нет дела до того, соблюдает ли еврей расовую гигиену. Я зол. Я объясняю тощему, как приладить к картонке шпагат, и требую скотч. Еврей артачится, подозревая нечто для себя нехорошее.

— Ты собирался всю жизнь прожить в свое удовольствие? Плодить мутантов? Зарабатывать деньги своим обычным путем — высасыванием крови из тела иного народа? — спрашиваю я. — На каком основании ты считаешь, что белые должны вкалывать ради твоего блага, надрываться на заводах, горбатить спину на стройках? Твои родичи въезжают в жилье, построенное русскими, а сами русские ютятся в коммуналках!

Я хочу, чтобы моя речь была жесткой и обличительной, но до Генерала мне далеко. Армянка выпучивает глаза, понимая наконец, что я не простой грабитель. Меня их поганые деньги не интересуют. Тычок моего пистолета ей в висок подтверждает догадку. Она в полуобмороке прислоняется к стенке.

— Я ни в чем не виноват, — тихо говорит еврей.

Пошел к черту, отвечаю. Я смотрю на армянку.

— Вы плохо знакомы с историей. Каждый завоеватель получал от нас унижение, голод, холод, смерть, боль. Это наше меню для оккупантов, фирменное блюдо.

Колючка, наверное, сказал бы лучше.

Армянка забывает, как моргать. Я ненавижу ее нечеловеческие турецкие глаза. Я приказываю еврею отрезать полоску скотча и заклеить жене рот. На скотче нет моих отпечатков. Теперь я объясняю тощему, что он должен сделать. Нет, ему не хочется, он пробует возмущаться, из его горла рвутся всегдашние заклинания о несчастном народе. О недостижимом покое, который наступит для них лишь тогда, когда Белые исчезнут с лица земли.

Слова немного не те, но смысл ясен.

Женщина мычит словно корова и трясет головой. Я обещаю, что застрелю их обоих тут же, если еврей не подчинится. Ему остается только подчиниться.

— Не тряси своими шмотками рядом со мной.

Неожиданно меня мутит и от его вони, и от запаха цветов. Женщина тоже начинает источать зловоние. Что испытывают уборщики клеток в зоопарке? Этих парней можно пожалеть.

Выходи, говорю я тощему, выходи с табличкой и чеши целый квартал. Через десять минут вернешься, иначе я убью твою жену. Дрожащей пятерней он берет табличку, которую я ему протянул, качает головой, повторяет неслышно. Он не верит, что в свободной стране кто-то способен ткнуть носом в говно самоизбранный народ.

Нет, нет, нет, нет.

Да, да, да, да.

Меня поджаривает адреналин. Ладонь на рукоятке ПМ липкая от пота. Что обо мне там думает Колючка? А группа слежения? Под носом у меня тоже вспотело. И виски под шапкой-маской. Еще десять минут, если все пройдет хорошо.

Я не вижу, как Колючка совершает обход в окрестностях павильона для цветов. Один раз к дверям подходит парочка навеселе. И быстро исчезает. Армянка напротив меня хочет кричать, вопить, звать на помощь. Великан убеждается, что опасности нет. Затем он едет за голым евреем, следя, как он выполняет мое поручение. У тощего из одежды только часы. Иначе время ему никак не определить.

Каждый встречный прохожий — еще одна пощечина попранному достоинству. Может быть, этот вырожденец окажется потом в психушке. Мало кто из его собратьев там не был или не испытывал потребность там оказаться.

Да, твердят телеведущие, белый расист появляется в магазине цветов и унижает ни в чем не повинного гражданина. СМИ бьют тревогу. Губернатор заявляет, что подобная гнусная выходка не останется безнаказанной.

Такое невозможно в стране, которая поклоняется гуманистическим ценностям. О чем вы! Все имеют право на жизнь! Пока не установится Мировое Правительство, мы все так и будем барахтаться в вонючей луже, утопать в варварстве. Поверьте в «холокост» и обретете счастье! Для этого нужно просто ничего не делать. Поверьте в то, что небелые должны управлять планетой, — и вам обеспечат свободное от расовых предрассудков будущее. Звоните прямо сейчас и Всемирный Еврейский Конгресс ответит на интересующие вас вопросы. Несогласных ждет пожизненное заключение, газовая камера, доза смертельного препарата. Выбирайте.

Злая Фея Статистики возьмет тебя за горло и рявкнет так, что будешь корчиться от боли.

Белые не способны заговаривать Фее Статистики зубы, и это делают евреи. И вам никогда не узнать, что...

...Нью-Йорк наводнен черными бандами. Москва умерла, раздавлена нашествием чужаков, оглушена звериным тарбарским наречием. В Тель-Авиве легально с молотка продают в рабство Белых женщин. В Париже скоро объявят конкурс: кто больше найдет на улице нечерных лиц. Победителю — бесплатную кофеварку.

Я вижу ошеломленное и испуганное лицо Светы. Ни о чем подобном она раньше не слышала. Когда она сидела рядом со мной, стараясь не пропустить ни слова из рассказа Генерала, я чувствовал ее напряжение. Судорогой от ужаса сведена ее душа.

Звоните прямо сейчас!

Всем миром дадим отпор подонкам! Ставьте подписи. Белые, пожалуйста к нам! Ставьте подписи и получайте ваши тридцать сребреников.

Ведь главное — мир и покой!

Не знаю, что делать, если с этой армянкой случится обморок. К нему она, похоже, подошла вплотную. Я спрашиваю, как у нее дела, а она мотает головой. То ли хорошо, то ли наоборот.

Остается времени четыре минуты. Пот впитывается в черную маску. Армянка громко и натужно сопит. Я — человек, захвативший заложника. Еще сегодня утром я не собирался никого захватывать, черт побери. Три минуты. Жду, когда завоют сирены.

Садись на табурет, говорю я заложнице, указав пистолетом. Она села на него своим широким задом, который свесился по обеим сторонам маленького сиденья. Привязывай себе ноги, велю я. Армянка глядит в провал дула — так в фильмах бывает — и, наверно, вспоминает всю свою конвульсивную жизнь. Да, настоящий ужас. Еврей психолог сказал бы, что я испытывал в тот момент лишь упоение властью. Замену оргазма. Что я ущербен, что я маньяк, обиженный с детства на весь мир.

Дерьмо собачье.

Мне жаль эту волосатую телушку. И ее, и ее мужа. Их двое, за их спинами стоят значительные силы, в том смысле, что приди сюда сильное подкрепление, нам с Колючкой пришлось бы рвать когти. Ни тощий еврей, ни его благоверная не попробовали даже сопротивляться. Они сильны лишь когда их много.

Сирен нет. Я устал. Женщина привязала сначала левую ногу, затем правую, выпрямилась, сделав вопросительную мину. Будто я вижу ее гримасу. Но свет немного падает на ее физиономию. Руки привязывай, отвечаю. Куда? Пришлось в дело включиться мне. Заматываю мясистые запястья скотчем, заложница сопит шумно, точно ветер дует в зарослях. Чтобы справиться с ее руками, приходится положить ПМ на пол возле себя.

Прошлый я протестует где-то в глубине, бьется в стену клетки, которую я собираюсь похоронить навсегда. То чудовище с моим лицом требует человеколюбия. Я почти поддаюсь. Нет, нет, нет, Стокгольмского синдрома мне не нужно. Сирены не звучат.

Если вдруг тощий еврей убежал, унося на себе табличку: «Пасобник оккупантов», мне придется выполнить обещание.

Снаружи раздаются свист и хохот. Армянка вскидывает голову, будто к ней пришло спасение. Я смотрю, как «пятерка» Колючки притормаживает у бровки тротуара. Еврей отчаянно дергает дверь. Он забыл, что нужно толкнуть ее от себя, там так и написано.

Я кричу ему, чтобы толкал. У него грязные ноги, грязное тело, грязное лицо, он — животное, сбжавшее из клетки. Даже в сумраке я вижу, что из правой ноги еврея идет кровь, по полу тянется темная полоса. Он наступил на стекло. Вероятно, когда крался по кустам, избегая людных мест. Кто-то его видел совсем близко. Машина Колючки мигнула фарами.

Тощий меня обманул.

— Не стреляйте, — говорит он, тоже глядя в бездну пистолетного дула. — Вы обещали.

Может, я и совершаю предательство, не нажимая на курок. Обещал ли я? Да, обещал.

Еврей запрокидывается и со всей силы ударяется затылком о стекло витрины с внутренней стороны. По стеклу идет трещина до самой металлической рамы наверху. Я вспоминаю драку с черными. Но череп тощего гораздо легче и мягче. Ударь я посильнее, его мозги вылетели бы наружу. Армянка бьется в темноте и мычит, стонет.

Выйдя из проклятого салона, я запрыгиваю в машину Колючки. Он едет без включенных фар. На улице какие-то люди, но они исчезают. Звонит ли кто-нибудь из них в милицию сейчас? Великан сам стаскивает шапку-маску с моей головы, потому что я забыл. Вынимает пистолет у меня из пальцев. Я не чувствую его в руке. Ладонь пахнет оружейной смазкой. Колючка уверяет, что все в порядке.

Почему-то мне приходит в голову спросить, где теперь наставник Колючки, чем он занимается. В эту минуту важно это знать.

— Его убили. Я видел, как ему размозжили голову ментовскими дубинками.
— За что? — спрашиваю.
— Они знали, кто он такой. Зачем тратить средства и силы на следствие, допросы, суд, зачем вся эта волокита, когда можно просто уничтожить врага?
Колючка хочет, чтобы и я смирился с этой мыслью.
Он говорит, что сегодня я могу поехать домой.

5

Могло быть так, что они все походили бы на меня. Они сидели бы вдоль стен на казенных стульях. перевязанные, загипсованные, залепленные пластырями мумии представителей Белой расы. Лица, искореженные ссадинами, синяками размером с куриное яйцо, кровоподтеками, с переломанными скулами и носами. Это были бы следы битв.

Обыватели дерутся за каждый квадратный метр дворов и подъездов, на огромном театре военных действий разворачивается сражение, состоящее, как мозаика, из десятков тысяч микроскопических конфликтов. Эти люди сидели бы и смотрели на меня бешеными яростными глазами. В какой-то момент домохозяйки начинают точить ножи, чтобы использовать их не по прямому назначению. Теперь нож спрятан под юбкой. Старухи скрывают в палках длинные спицы. Бывшие алкаши готовят коктейли Молотова и заливают смесь в пустые бутылки из-под водки. Все заражены телепатией — достаточно беглого взгляда для установления контакта. Известен день и час генерального наступления. Утром за завтраком никто не говорит об этом. Мужчины отправляются на работу, а женщины принимаются гладить одежду, которая завтра или уже сегодня вечером будет залита кровью. За ужином никто не говорит об этом.

Они пришли бы сюда, к 14:00 рассказать о своей жизни. О своей собственной борьбе. Именно этого жаждет Генерал. Откровенности. Отказа от прошлого. Духовного экстремизма и разрушения основ. Света слушает внимательно. Происходит невероятное: самая красивая женщина из тех, каких я встречал, безоговорочно мне доверяет.

В общественном транспорте одни смотрят на меня как на чокнутого, другие с сочувствием, третьи совсем иначе. Эти, последние, понимают гораздо больше остальных. Нельзя выиграть боксерский поединок, ни разу не получив по морде. Некоторые люди кивают мне, по их губам пробегает призрачная усмешка. Света держит меня под руку, и от ее присутствия мое тело не так сильно болит. Гормоны играют, способствуя выделению внутренних обезболивающих средств. Недавно я понял, что забыл дома лекарство. Мое дыхание сиплое — то, что через нос. Дышать ртом долго невозможно — все внутри пересыхает.

В автобусе есть один черный. Мой взгляд натывается на него, чтобы прожечь дыру в спине под голубой майкой. Черный сидит через четыре ряда сидений впереди. Вокруг него словно зачумленная зона, стоящие белые пассажиры соблюдают дистанцию, опасаясь запачкаться. На сиденье, развернутом спиной к водителю, женщина с маленькой дочерью. Они не сводят с черного глаз. Взгляд у них одинаковый. Чужак вдруг понимает: он привлекает к себе внимание. Но оборачивается, чтобы посмотреть прямо на меня. Ничего не стоит испугаться моего разбитого лица. Черный и правда испытывает страх, мой забитый нос улавливает то, насколько сильно он боится. И ты чувствуешь это не рецепторами, спрятанными в ноздрях, а нутром. Так вожак волчьей стаи узнает, что пора резать вконец доведенного до безумия оленя.

Света говорит, что черный выйдет на ближайшей остановке, и оказывается права. На залитом солнцем асфальте он кажется кляксой.

Света принимается рассказывать про свою мать. Месяц за месяцем та становится все хуже и требует к своей персоне больше внимания. Ее гнетет ужас перед

будущей смертью. И еще мать Светы плачет навзрыд, когда видит ухоженных богатых стариков из бразильских сериалов. Ей хочется быть такой же. В том, что она не ухожена и не богата, виновна, разумеется, Света. Слушая, иногда я отключаюсь, анализируя боль в ноге, укушенной стаффордширским терьером. Раньше я не был таким безалаберным. Раньше я сразу пошел бы в больницу и получил курс уколов от бешенства. Я решил, пусть это будет вызов самому себе.

Я спрашиваю, не боится ли Света оставлять Рексу наедине с матерью. Как я и ожидал, девушка отчаянно боится. Сегодня утром — после прогулки и кормежки — Рекса, казалось, умоляла хозяйку: не уходи, не уходи, не уходи.

На новом месте все будет по-другому, сказал я.

Есть ли мне что рассказать взамен? Чтобы сблизиться, всегда необходим обмен информацией. Играешь сам с собой в психолога. Уверен, что умеешь сопоставлять и строить выводы лучше, чем кто бы то ни было. Ну, я и поведал, что мои родители умерли, один за другим. Мать — от осложнений на сердце после гриппа, а отец — от солнечного удара, вызвавшего инсульт. Дистанция между ними составила два года. Хочется думать, все прошло безболезненно. Для меня же было совсем наоборот. Нет, у нас в семье не было никакого понимания, мои родители походили на Светину мать. В войнах друг с другом они использовали меня в качестве связного. Я пробирался по минным полям, под бомбежками, под прицелами снайперов, всеми силами стараясь донести важный пакет, пусть даже в нем и содержалось нечто вроде: «Вынеси мусорное ведро». Никакой любви, хотя это неправильно. Мне было девять лет, и я пролил много слез — и никто из них потом не сказал мне даже спасибо. Перемирие наступало очень ненадолго.

Мальчик-миротворец с моим именем не в силах предотвратить новые витки конфликта. Не существует такого понятия, как Стол Переговоров. Мы — антисемья.

Мой отец настаивает, чтобы после школы я изучал сельское хозяйство, а мать — чтобы психологию. Я дезертирую с фронта и поступаю на филологический факультет. Меня забрасывают письмами, где предают анафеме. Сначала отец, потом мать. Мать однажды пишет, что я попусту потрачу пять лет, когда мог бы изучать медицину. Будто хотела этим намекнуть: кто будет лечить и кормить нас в старости? Мы были традиционной семьей, в которой положено обвинять друг друга за неудавшуюся жизнь, деградировать, теряя человеческий облик, изливать желчь по любому поводу. Отец не ушел к другой женщине лишь потому, что был ленив. Мать была одинока словно единственная рыбка в аквариуме. Им обоим жилось неплохо, если удавалось не соприкоснуться друг с другом. Если соприкосновение произошло, враг мгновенно получал солидную порцию тяжелых бомб и отравляющих веществ. Потом они жили без связного и тяжело страдали от необходимости время от времени разговаривать.

Мои родственники смотрят на меня косо. Им было бы легче, если бы оба родителя умерли на моих руках. Они полны ненависти. Мы — антисемья. Антирод.

Мы со Светой опережаем время. Я говорю:

— Давай выйдем на одну остановку раньше.

Она говорит:

— На улице жарко.

У нее что-то вроде приступа агорафобии. Дыхание учащенное, ноздри подрагивают, грудь резко поднимается и опускается. Света оставляет на моем предплечье следы от ногтей.

Мы выходим, и подбираемся к месту сбора словно разведчики. У меня такая привычка — туда, где я буду впервые, я иду пешком. Мне нужно осмотреться, изучить обстановку. Создается иллюзия, что я сумею в случае чего контролировать ситуацию — мать и отец сами того не зная приучили своего отпрыска отовсюду ждать неприятностей. Вероятно, подсознательно я ищу, какой дорогой бежать. На настоящей войне, подобное стремление весьма бы пригодилось.

Я думаю, что мог бы выступать в роли диверсанта.

Разведчика.

Снайпера.

Надо пройти через арку, чтобы попасть во двор. Я сверяю по памяти номер дома и подъезд. На месте подъезда — вход в магазин компьютерной техники. Сегодня закрытый. О нем и говорил Генерал. Возле пластиковых дверей, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, собираются люди. Они похожи на меня, да, но никто из них не напоминает зомби. Мужчины, женщины, дети. Света говорит, что приезжают семьями, указывая на стоявшую в стороне машину с открытыми дверцами. Внутри — отец, мать, сын и дочь, подростки.

Густо растущие деревья скрывают от остального двора этот уголок. Света сказала, что нам нужно устроиться где-нибудь в сторонке. У нее по-прежнему агорафобия. Вынув платок из сумочки, она вытирает им испарину с шеи. Потом проверяет свой внешний вид при помощи зеркала.

Мы все присматриваемся друг к другу, кто-то пытается заводить знакомства. Уже слышны первые разговоры. Тихие и неуверенные. Мне не надо прислушиваться, о чем говорят две девушки, находящиеся в четырех метрах от нас. И так ясно.

Появляется машина. Колючка сразу привлекает мое внимание, он вырастает точно из-под земли, внимательно осматривая двор. Я ничего еще не знаю о том, что мы будем работать вместе.

Я не знаю ничего ни о чем.

Пока Генерал идет к двери, я испытываю нарастающее беспокойство. Есть третий — он уступает в росте моему будущему наставнику, однако такой же широкий в плечах. Тяжело выдержать его пронизывающий взгляд. Его зовут Резак. Его лицо точно грубо вырезанный из дерева славянский идол.

В нашей группе копится внутреннее электричество. Между нами проскакивают разряды.

Колючка плотно завернут в черный костюм, черную рубашку, черный галстук. Короткий ежик волос. Кажется, ни его, ни остальных двоих не смущает жара под тридцать градусов. Генерал и другой мужчина по прозвищу Резак похожи на черных воронов. Мы — поборники новой веры, высадившиеся на пустынном берегу неизвестного континента. Мы не имеем понятия, что с нами будет с этой минуты. Ведь даже самым сильным и твердым духом мужчинам нелегко, когда приходится отказываться от прежней жизни. Очень похожие на мой взгляды я улавливаю среди пришедших. Сначала их привлекают следы от ударов, а уже потом настороженное ожидание в моих глазах. Потому что очки я снял.

Наши со Светой места у стены небольшой комнатки, расположенной позади торгового зала. В зале компьютеры накрыты прозрачной пленкой, чтобы меньше собиралось пыли. Оргтехника — хороший источник дохода для подрывной деятельности, думаю я. Мою уверенность в том, что я связался с людьми, затеявшими революцию, ничто уже не могло поколебать. В комнате два письменных стола, поставленных боком друг к другу. За ними на стене висит написанный на белом шелковом полотнище слоган: «Если ты русский — будь русским». Похоже на рекламу. Но сегодня никто не понимает текстов, если они не облечены в до ужаса аскетичные формы. Хайку отдыхает. Поэзия отдыхает. Литература — кладбище надежд и фантазий. Сочини поэму в одну строку — и продашь самый неходкий товар. Нормально.

Правильно, говорит негромко Света, подхватывая мои мысли. Можно разрекламировать, что быть настоящим человеком — круто, и все начнут изменяться. Просто никто за это не берется.

Я смотрю на нее, не веря своим ушам.

Никто за это не берется. Кто может сказать точнее? В Свете я не ошибся. Я метал дротик находясь в темной комнате с завязанными глазами и попал в яблочко. Сколько в нашем городе женщин? Я выбрал ту, что живет в одном со мной подъез-

де. И еще в ней много того, что способно развиться и усовершенствоваться. На миг мне становится страшно.

Генерал стоит и взирает на нас, словно спрашивает, откуда мы все взялись. Резак и Колючка исчезают в боковой двери, ведущей в подсобку. Дети и подростки, приехавшие сюда по воле родителей, сидят тихо. Ощущение, что мы попали в плен. Власть Генерала очевидна.

— В ваш дом ворвались бандиты. Им нужно ограбить вас, — говорит он, — а потом, возможно, и убить. Смотрите криминальную хронику? Трупы, лежащие в нелепых позах, и все эти перерезанные горла, раскроенные черепа, вывернутые наружу внутренности.

Сразу же в зале шок. По спинам бежит холод. Голос Генерала звучит так, что ты сразу видишь картинку.

— Какая у вас будет реакция на чью-то попытку ограбить вас и убить? Уничтожить. Выключить из жизни. Вы! — Генерал указывает на женщину, сидевшую в третьем ряду. Женщина вздрагивает. — Пожалуйста, скажите, вы будете рады этому нашествию?

— Нет. Нет, конечно, не буду.

Женщина вытаращивает глаза. Ей совершенно неожиданно залезли под кожу, обрисовав малопривлекательную перспективу.

— Так почему же мы принимаем у себя убийц и бандитов, которые приезжают только для того, чтобы хорошо пожить за наш счет? В ваш дом врываются, а вы приглашаете чужаков пить чай, а не хватаете молоток, чтобы разбить им головы. Кое-кто говорит, что они бедны и несчастны. Будто это оправдывает не только само их никчемное существование, но и совершаемые преступления. Кое-кто врет нам в глаза, что именно подставлять себя под нож — это благородно, гуманно, справедливо. Что не убить врага, насилующего твою дочь, — это подвиг и даже просто достойный поступок. Не убить. Вы все делаете только одно — говорите дочери, как ей удобней устроиться, чтобы облегчить насильнику задачу!

Из легких женщины позади нас со Светой выходит долгий-долгий вздох. Где-то в животе у меня разрастается раскаленный шар ярости. Ногти Светы все сильнее вдавливаются в кожу на моем предплечье. При этом я испытываю легкость, словно ко мне привязали сотню наполненных гелием воздушных шаров.

— Повторяю, — говорит Генерал, — вы все так поступаете! Я не собираюсь щадить ваши уши и ваши нервы. В эту субботу вы выбрали не аквапарк или поездку за город. Вы всей семьей приняли приглашение. И вы здесь, чтобы я рассказал вам, насколько вы опустились!

Генерал говорит:

— Вы все — сборище потерявших разум скотов!

— Неправда! — Это горячится молодой парень из середины комнаты. В его сторону поворачиваются лица. — Мы не... То есть, нас бы тут не было!

— Да, — говорит Генерал, — для вас не все потеряно. Безнадежно больным мы не даем приглашения на беседу. Но многие из тех, что пришел, больше ни разу не посетят эту комнату или какую-нибудь другую, если встреча пройдет там. А оставшиеся попытаются стать другими.

Как и мне, многим речь кажется проповедью. Но на самом деле это гораздо больше.

— Обладать чувством расового достоинства — большая ответственность. Я знаю, что есть те, которым эта ноша не под силу. Их плечи и разум слабы. Из вас сделали животных, дали вам развлечения, дали возможность заработать. Вам дали иллюзию полной свободы. Таким образом вы свободны от расы, народа, к которому принадлежите, от семьи и традиции. От себя. От разума. От чести. От совести. Кто-то думает, что после встречи пойдет подавать на меня в суд за мои слова, но я его предупреждаю, чтобы он оставил этот бред. У нас надежная защита от русофобских законов. Вам оказана честь, вас признали Белыми людьми. Вам дали понять, что

быть Белым — значит, занимать самое почетное место среди живущих. Это удача. Это благословение. Это торжественная миссия. Ничто не способно сравниться с этим. Поэтому если кто-то не согласен со мной — может уходить, потому что дальше он узнает гораздо более жестокие вещи.

Жестокие вещи? Я быстро поворачиваю голову к основной массе народа. Нет, переглядывание — не ответ на вопрос.

Генерал спрашивает:

— Есть такие? Я жду.

— Кто считает, — произносит он, — что Белые не имеют права на самозащиту — пусть катится отсюда ко всем чертям!

— Кто собирается аргументировано оспорить мои утверждения? — рычит он. — Имейте смелость!

Один находится.

— Но надо же жить мирно. Со всеми людьми. Мы же помним, как было в истории.

— Вы хотите сказать, что помните это как непосредственный свидетель? Вы можете рассказать больше того, что вы услышали по телевизору?

— Нет, но...

Естественно, аргументов у спорщика не находится. И даже просто выдержать взгляд Генерала трудно. Он разглядывает меня, мое похожее на подгоревшую картофелину лицо.

Он говорит:

— Белых заставили жить в иллюзорном мире, где извращения — это индивидуальность и потому должны уважаться. Десятилетия беспардонного вранья — и как результат — комплекс неполноценности у каждого Белого человека. Ему внушили, что каждое животное на двух ногах должно плевать ему на голову, а он обязан писаться от радости по этому поводу. Черный говорит: «Кукарекуй!» — и Белый спрашивает: «Как громко?» Вам говорят: «Смешивайтесь, потому что все равны!» В итоге — миллионы сумасшедших домов мире заполненные сотнями миллионов сумасшедших, которые не в силах справиться со своей дурной наследственностью. Среди вас есть здоровые мужчины, которые никогда не будут трахать козу или корову. И в мыслях нет, не правда ли? Но многие не прочь бы отхендожить негритянку. Почему вы думаете, что это разные вещи. С каких пор скотоложство стало нормой?

В комнате гул. Матери жалеют, что привели с собой детей. Дети слушают развесив уши и открыв рты. Для них Генерал с этой минуты гораздо круче любого мультсериала-анимэ или навороченного боевика. Мужчины, которые никогда не мечтали трахать коз и коров, но задумывались о негритянках, смотрят куда-то в сторону. Выступить и возмутиться означает признать, что Генерал попал в цель.

— Мир? Прекрасно. Но никто не знает, что это, никто из тех, кто призывает к лояльности и межрасовой интеграции. Для них — это простое отсутствия насилия. Но его все больше. Насилие будет множиться и нарастать, пока Белые и черные будут жить вместе, пока вам будут вдалбливать в головы, что неполноценные народы всего-навсего живут бедно — отсюда и их проблемы. По-настоящему проблема одна. Единственная проблема. Мира не будет, пока черные не займут отведенное им природой место. Пока мы не поставим раз и навсегда нерушимую границу. Уничтожьте в себе все иллюзии. Когда человек понимает, кто на самом деле его враг, он не может сидеть сложа руки. Гордость солдата, сражающегося за свою кровь, гораздо важнее гордости миротворца, того, кто во имя избежания конфликта предает собственных согенников. — Генерал выдерживает новую паузу, удостоверившись, что возражений нет. Он хочет их услышать, но люди молчат. Большинству из них никогда не доводилось испытать на себе шоковую терапию. Эти люди здесь потому, что усомнились в правильности хода вещей. Им нужны подтверждения или опровержения, однако не каждый готов к такой порции правды.

По сути, Генерал еще не сказал ничего.

— Белое общество обязано стремиться к оздоровлению, а не к разведению неполноценных. Раса должна самоочищаться, нация укреплять генофонд. Запомните как дважды два! Как молитву, как мантру. Либеральная чума сравнима по действию со СПИДом, она уничтожает в Белых инстинкт самосохранения, необходимость самоидентификации и соблюдения гигиены. Сборища дворян с непонятной наследственностью и извращенной психологией выходят на улицы, с пеной у рта требуя уничтожить и раздавить таких, как мы. Они стремятся жить в атмосфере разрушения. Метис гребет под себя, его никто и ничто больше не интересует. Ничего не вызывает у безродного пса такой жгучей ненависти, как животное чистой крепкой породы. Эта ненависть происходит из зависти. Это генная зависть. Стройте по-иному образ мысли, приучайте к нему своих белых детей. Гордитесь тем, что вы Белые, что вы русские. Держите дистанцию. Ваш нордический дух пробудится сам, только не мешайте ему, а кровь подскажет, как поступить в той или иной ситуации. Перестаньте думать, что биология — это грязно. Рассчитывайте, выбирайте. Не нужно приглашать в дом инородца лишь из вежливости. Отвечайте своим врагам жестко, бейте их собственным оружием. Вам не в чем оправдываться перед небелыми, вы ни в чем не виноваты. Сделайте ваш мир раз и навсегда этноцентричным. Дистанцируйтесь, соблюдая собственные интересы.

Света шепчет мне, что у нее кружится голова, а я ее слов почти не воспринимаю.

— Свобода может осуществиться только через расу. Свобода не как эгоизм. Свобода через обязанности и знания, а не только потому, что вам разрешили делать что угодно. Раса — это ответственность. Свобода — награда за осознание этой ответственности, — говорит Генерал.

Люди в комнате сливаются в единый организм, слова Генерала спокойно протекают через него, пробуждая и активируя секретные коды. На генном уровне включаются дремавшие до этого механизмы. И все это сопровождается болью, обидой, страхом. Люди задыхаются от отчаяния и ненавидят самих себя. И потом приходит очищение.

Я знаю, на что это похоже. Что делает Генерал.

Он просто выпорол нас всех тут сидящих. Его фразы — росчерки гибкого хлыста. Кровь на коже, вместе с кровью выходит яд. Бесплатный и жестокий курс оздоровления.

Генерал говорит, что сейчас он даст всем возможность немного поразмыслить и уйдет на пять минут. За это время, говорит он, вы должны либо уйти, либо остаться. Оставшись, вы подтвердите, что принимаете истину и готовы к трудностям. Я отвечу на ваши вопросы: каждый напишет свою мысль на листе бумаги и опустит в ящик, а я буду вынимать их по одному и отвечать. Имена не нужны. Анонимность поможет вам стать искренними. Я требую искренности.

Почему-то он кивает мне, словно я заговорщик или подсадная утка, внедренная в зрительный зал.

— Я не знаю, что писать, — говорит Света.

— Ты не хочешь уйти?

— Нет. Не хочу.

— А вот некоторые уходят.

Встали и направились к выходу трое. Они — женщина и двое не очень молодых мужчин — старались не смотреть в сторону появившегося в комнате Колючки. Великан в черном и вида не подал, что его хоть как-то эти типы интересуют.

Оставшиеся словно на неуправляемом плоту. Мы еще плывем, а до благословенного острова далеко.

Мои крылышки значительно высохли. Колючка проходит вдоль рядов, раздавая небольшого формата листы, спрашивает, нужны ли кому-нибудь ручки. Мы послушные ученики, мы пишем. Дети спрашивают у родителей, можно ли им. Родители

спрашивают у Колючки, можно ли детям писать свои вопросы. Великан неразборчиво бубнит, но видимо, разрешает.

Генералу нужен полиграф — машинка для утилизации ненужных людей.

Но он не дурак и те, кто его окружают, кто выше его в невидимой организации, тоже. Иная реальность, вложенная внутрь той, которая нам известна. Полные ярости Белые люди, знающий, когда наступит час X. Может быть, в эволюции они ушли дальше других и умеют читать мысли. Может быть, Генерал уже прочел мысли всех здесь сидящих.

В комнате нет видеокамер, по крайней мере тех, что на виду. Я обшариваю углы и стены взглядом. Сзади нас компьютерный салон, а значит, должны быть средства слежения. С сегодняшнего дня мы обязаны отказаться от части личной жизни во имя общего дела. Кто-то пожелает отказаться полностью и насовсем.

Мне ясен принцип отбора, согласно которому сюда приходят люди. Здесь нет даже темноволосых Белых. Позже я имею возможность познакомиться с пунктами инструкции для вербовщиков.

Рост не ниже ста шестидесяти сантиметров.

Нордическая внешность. Имеется в виду строение головы и тела (грациальное сложение).

Светлые волосы — от совсем белых до темно-русых.

Бело-розовая кожа.

Предпочтение северно-славянскому типу лица.

Глаза от бледно-серого до зеленого и ярко-голубого.

Если вы никогда не находились среди своих, вам не понять моих ощущений. К примеру, вас запирают на неделю в палату для психов, а потом выпускают в нормальный мир. То же самое внезапно испытываю и я. Только тогда соображаешь, что среди сдвинутых тебе делать нечего.

Пока мы слушаем Генерала, он опутывает нас невидимыми тенетами.

Сидящие пытаются отдышаться и привести в порядок мысли.

Колючка стоит перед нами и объявляет:

— Следующая встреча состоится через неделю, здесь же.

В комнату возвращается один из тех, кто недавно ушел. Видимо, решил не обижаться, что его разочаровали. В субботу в 14:00 он намеревался посетить обычную вечеринку

Кончик стержня неожиданно сохнет, когда я пытаюсь вывести на клочке бумаги слова. Пробую еще и еще. Света уже написала свой вопрос. Я спрашиваю, можно ли мне посмотреть. Конечно, смотри. «Как сильно ударит по нам война?» Нам, спрашиваю.

— Если мы установим свои правила игры здесь, понравится ли это всем другим? — сказала Света.

Женщины всегда боятся войны, и это весьма логично. Кому из них захочется рожать детей, если их потом отправят умирать.

Но ведь смотря за что умереть.

Каков же мой вопрос? Колючка уже начинает собирать листки с сообщениями в картонную коробку из-под каких-то расходных материалов.

«Кем мы должны стать?» Я пишу это Светиной ручкой.

Кем мы должны стать, чтобы о нас больше не думали, что мы прилипшее к ботинку дерьмо?

Кому мы должны вцепиться в горло, что нас стали уважать?

Когда мы выйдем из разряда современных среднестатистических неврастеников?

Генерал сказал, что ему нужен лишь один вопрос. Остальные я приберегаю для другого случая.

У меня снова болит лицо, но я заставляю боль отойти на задний план. Генерал вынимает из коробочки сложенные вдвое и вчетверо бумажки. Словно это лотерея. Каждому хочется, чтобы его мысль извлекли на свет как можно быстрее. Все смотрят на Генерала глазами проголодавшихся волчат. Он оседлал стул, разрушая ауру абсолютной недоступности.

Могу ли я быть наглым и отвечать черным тем же?

Да, разумеется. Признаки Белых людей — скромность, воспитанность взвешенный подход к проблеме, говорит он. Черные чувствуют свою ущербность и компенсируют ее развязностью и иллюзией открытости. Они признают лишь язык силы.

На работе меня высмеивают за то, что я заявил, что я истинный русский. Как быть?

После каждого озвученного Генералом вопроса по комнате проходит невидимая волна. Амплитуда ее колеблется от негодования до полного одобрения.

— Это невероятно, — шепчет Света.

Генерал сказал:

— Подайте в суд за дискриминацию по национальному признаку. Суньте им под нос их же конституцию. Будьте напористей. Кстати, если эта проблема реальна, мы предоставим вам бесплатно квалифицированного белого адвоката.

Этот человек подойдет к Генералу позже.

У кого-то другой вопрос: что важнее — государство или нация? Генерал замечает, что это отличный вопрос. И говорит:

— Государство вторично по отношению к нации. Нация вторична по отношению к расе. Раса — фундаментальная ценность. Краеугольный камень. Ваш коллективный опыт и символ чистоты.

Его глаза — зеркала, в которых отражается наш ужас. Он имеет в виду, что все Белые — участки огромной цепи ДНК, растянутой в пространстве и времени, и что раса — понятие, не изменяющееся в зависимости от государственного строя. Государство на самом деле фикция, бред шизоидного больного. Строй разваливается под ударами извне. Раса остается. Генерал говорит нам, что Кровь — наша совесть. Она вне конкуренции. Величие Белого мира в его аутентичной чистоте.

Задача всех здесь сидящих состоит в том, чтобы оградить генетическое ядро Белой расы от посягательств. Для этого они сюда, оказывается, и пришли.

Мое лицо болит. Я испытываю катарсис. Сажу с закрытыми глазами, стараясь представить себе, как себя бы повели здесь те люди, которых я когда-то знал. Довольно забавно измерять их иными инструментами, чем делал раньше. Те люди все будто призраки, даже их лица размыты. Чтобы приобрести новое — потеряй абсолютно все. Не этому ли нас учат книги и фильмы?

— Прекратите приток чужеродных белков и ваши собственные уже в следующем поколении дадут положительную картину, — говорит Генерал. — Раса умеет самоочищаться, так дайте ей время и эту возможность.

Генерал безжалостен, будто скальпель хирурга. Скальпель лечит.

— Если кто из вас сделает свой выбор, он обязан быть готов умереть каждую минуту. Наладить связь с такими подобными же ему людьми. Отказаться от всех контактов с чужаками.

Света спрашивает, плохо ли мне. Я качаю головой, нет, все хорошо. Не буду отрицать, что мечтаю о дозе обезболивающего и теплой кровати. Выматывает усталость.

Ответ на чей-то новый вопрос, вытащенный из коробки:

— Современные боги и божки больше не имеют значения. Их вам присылают по почте, соблазняя вас красивой рекламой. Верьте, любите, доверяйте. Однако больше их не существует. Ваш Бог — это Чистая Кровь. Ваш обряд — это проверенная чистая родословная. Преподнесите ее внукам в подарок.

— Готовьтесь к смерти!

— Для вас есть одна-единственная форма гуманизма — только по отношению к Белым людям.

Генерал обращается к детям.

— Забудьте о ненависти к родителям, не уподобляйтесь тем отбросам, которые называют себя современной молодежью. Научитесь себя уважать.

Нет наркотиков.

Нет половой распущенности.

Нет чужой музыки.

Нет пьянства.

Нет наплевательства

Есть расовая гигиена.

Есть образование.

Есть гордость.

Есть знание корней.

Есть любовь.

Позади меня подростки и дети, кажется, впервые в жизни слышат эти слова. Позади меня некоторые взрослые впервые слышат эти слова.

— В Белом Мире нет ничего, что противоречило бы Белому человеку! — говорит Генерал, стоя перед заполненными людьми рядами стульев.

— Вы — носители высочайшей морали. Но она ничего не имеет общего с тем, к чему вы привыкли! Забудьте прошлое. Задавайте врагам детские вопросы, пока у них достанет сил повторять свои басни снова и снова! — говорит Генерал. Его голубые глаза — два драгоценных камня, сверкающих на солнце.

Из коробочки появляется бумажка с вопросом от Светы. Она права, мы словно попали на групповой сеанс к психологу. Да, но кто из поборников Фрейда способен добиться таких результатов?

— Нам не нужна чужая земля, потому что в ближайшие века нам предстоит наводить порядок на своей. Нам не нужен конфликт, но уклоняться от войны мы не будем. — Генерал смотрит на Свету, будто точно знает, чьей рукой написано послание от ошеломленного сознания. — Приготовьтесь умереть за Расу.

Десятки бессонных ночей. Сидящие за моей спиной уже предугадывают такое развитие событий. Очень непросто узнать, что ты был тем-то и тем-то и даже не подозревал о своей принадлежности к высшей породе.

Порода нуждается в укреплении.

Итак, кем мы должны стать?

— Самими собой, конечно, — говорит Генерал.

Он утверждает, что остальное не имеет смысла.

6

Великан с лицом разъяренного Перуна держит меня за шею огромной пятерней. Я сожму пальцы и сломаю тебе позвонки. Ты умрешь мгновенно, ничего не почувствовав.

Я согласно киваю, хотя это трудно. Меня совершенно не пугает перспектива отправиться в небытие — я подошел к той грани, когда сам ты неважен. Истина ускользает, воочию увидеть ее невозможно, но тебе известно, что она существует где-то за тонкой преградой.

Сегодня с Колючкой что-то происходит. Раз он схватил меня за горло и пышет яростью, то у него, видимо, есть на то причины. Мне виден потолок гаража, с которого свисает лампочка. Вокруг лампочки вьются здоровенные жирные мухи. Я говорю Колючке, что сегодня, именно сегодня мне не страшно умереть.

Он заглядывает мне в глаза и спрашивает:

— Ты врешь?

— Нет.

— Ты должен говорить своему наставнику только правду!

— Я и говорю правду, — мычу я. Огромная рука сжимается, кислорода все меньше. Лицо наливается кровью, и я жду появление галлюцинаций. Трудно двигать челюстью.

Он молчит, думая, и от него несет пивом будто из бочки. Никогда раньше я не видел его пьяным. Сомнительно, чтобы и для него это было нормально.

— Что дальше? — спрашиваю я, когда проходит минуты полторы.

Мои руки висят вдоль тела, просто я не знаю, куда их можно деть в моем положении. Справа от меня стоит машина — старая «пятерка» Колючки. Может быть, сегодня великан расскажет мне нечто такое, о чем я не подозревал. Я жду.

Гараж принадлежит Сопrotивлению, здесь одна из опорных точек за пределами города. Хранилище всевозможных материалов и средств. Бензин, ацетон, бикфордов шнур в больших мотках, электрический шнур, взрыватели, самодельный и промышленно изготовленный динамит, пластит, толовые шашки, баллоны с пропаном и метаном, селитра, алюминиевая пудра. В коробках и ящиках я видел мешки с резиновыми перчатками, упаковки охотничьих спичек, пластмассовые зажигалки, огромное количества скотча, радиостанции на батарейках. Одежда всех фасонов и размеров, разложенная по комплектам и занимающая одну треть подземного хранилища. Слово это магазин сэконд-хэнд. Все пронумеровано. Комплекты камуфляжной формы, ее хватило бы на роту солдат. Я смотрел на две сотни черных масок, вроде той, в которой я ворвался в цветочный ларек, и представлял себе отряд с такими вот черными головами, захватывающий здание местной администрации.

Хорошо обученные люди поднимают над крышей совсем другой флаг.

Я поинтересовался, для чего так много гражданской одежды. По лицу Колючки расплзается усмешка. Он говорит, чтобы я представил старушку с тяжелой сумкой на колесиках. Кто ее заподозрит в чем-то плохом? А ведь внутри сумки — мощная бомба, начиненная гвоздями.

— Это может быть обыкновенная старая женщина, — поясняет великан, — а может быть просто талантливая девушка, которую загримируют наши специалисты. Девушка, конечно, предпочтительней.

Я спросил:

— Почему?

— Она оставит бомбу в каком-нибудь здании и сумеет быстро убежать.

У Колючки железные пальцы. Интересно, он в состоянии завязывать в узел подковы? Я пытаюсь что-то прочесть по его ледяным глазам. В них арктическое спокойствие, невзирая на ярость.

Мы приехали сегодня сюда с Колючкой, чтобы забрать кое-что для изготовления взрывчатки. Группа из соседнего региона готовит по приказу командования показательную акцию.

— Модно одетый подросток звонит по телефону. Все это видят, и ни у кого, естественно, не возникает ни малейших подозрений. На самом деле он приводит в действие противотанковую мину, которая разносит к чертям собачим еврейский правозащитный центр. Этот подросток — член Сопrotивления. Он партизан.

Партизанская война. Дом за городом и хранилище — часть широкой сети из тысяч, а может, десятков тысяч подобных по стране.

Тогда Колючка был еще трезв. По его словам, в двадцати километрах отсюда есть еще один пункт. В том схроне, сказал он, лежат автоматы Калашникова, снайперские винтовки, глушители, гранаты, две тонны мясных и рыбных консервов — на «черный» день. Автомобильные аптечки, перевязочные материалы. Ты когда-нибудь видел тридцать тысяч пузырьков с медицинским спиртом, спросил великан. Если нет, то при случае покажу.

Взяв то, что нужно, мы отправились на условленную встречу. Согласно правилу, передача материалов должна происходить в два этапа. Встречающие нас люди

распределяли между собой компоненты взрывчатки и расходились каждый по своему маршруту.

Членов Сопrotивления обучают конспирологии, нам известно, насколько важны эти знания. Они сохраняют жизни. Свободу.

Ждем курьеров. Ими может быть кто угодно. Я смотрю, что называется, в оба, и потягиваю холодную минералку. Пот водопадами стекает с моей шеи на ключицу. Там его скорость замедляется. Пот становится желеобразным и вызывает зуд кожи.

После того, как я бросил курить, мой организм ведет себя безобразно. Не желает отвыкать от яда и жутко потеет. Колючка считает, что причина в сердце. Пей минеральную воду, говорит.

— Один сказал мне: какой смысл в этом всем, если мы не знаем, чьи представляем интересы? Он имел в виду лидеров. Раньше все было проще — было кого приветствовать, был тот, кто вел Белых вперед. Сейчас-то где всё? — Колючка смотрит перед собой и барабанит пальцами по рулевому колесу. — Знаешь, я никого не видел из высшего командования Сопrotивления. Такие, как мы, можем только улавливать их присутствие по косвенным или непосредственным результатам деятельности. Наше сопротивление рассеянное.

Я думаю, что вопрос, заданный великану, резонный. Есть Генерал, есть те, кто выше его. По моим представлениям, выше только вакуум. Либо же неосязаемый разум, управляющий нашими действиями. Быть может, один из тех, кто вдохнул жизнь в нашу расу.

Неподалеку от нашей машины остановились две высокие девушки, блондинка и брюнетка. Одно из двух — либо проститутки, либо те, кто ищет нашу взрывчатку.

— Идея простая, — говорит Колючка, — это называется Правило Одной Ступени. Ты знаешь лишь того, кто стоит выше тебя на один уровень. Выше — не твоего ума дело. Наша верхняя ступенька — это Генерал. У Генерала кто-то другой. Таким образом мы видим, вернее, ощущаем нерушимую перманентную иерархию. Ее невозможно разрушить в одночасье, потому что люди, достигшие самой высокого уровня хранят клятву молчания. Впрочем, ее соблюдают все. Тебе предстоит ее дать. Ты закончишь прохождение курса обучения, и мы перестанем быть учеником и наставником. Исходя из написанного мной отчета, нас могут сделать напарниками, мы станем мобильной ячейкой, наиболее мелкой в организации. Мы — атом Сопrotивления. Не один, а двое. Ты делаешь дело, а я страхую. И наоборот.

Я ответил, что все понял.

— Лишь благодаря этому Сопrotивление еще не было уничтожено режимом. Сопrotивление продолжается. Мы начинаем крупномасштабную войну.

Высунувшись из окошка, великан подозвал девушек к машине и стал торговаться. Они смеялись, поглядывая на меня. Я не понимал, зачем Колючке понадобились шлюхи именно сейчас, когда мы ждем курьеров.

— Садитесь назад, — велит он им. Девушки одновременно открывают дверцы и здороваются со мной.

— Почему это надо делать сейчас? — задаю я вопрос Колючке.

На мое раздражение он реагирует ухмылкой.

«Пятерка» делает почти полный круг и выезжает на дорогу. Великан смотрит в зеркало заднего вида. Девушки крутят головами. Потом блондинка как ни в чем ни бывало вынимает из сумочки зеркальце и осматривает себя. Это напоминает мне Свету, мою безумную, обретшую смысл жизни женщину.

Теперь эта парочка не похожа на проституток. Я выставил себя законченным кретином. Брюнетка сказала, что одному из курьеров пришлось изменить маршрут, потому что он подозревает слежку. Другой, работавший с ним в связке, тоже отошел в тень. Блондинка называет улицу, где, по ее мнению, безопасно произвести обмен. Там, говорит она, ждет машина номер один.

Я участник большой шпионской игры, я часть конспирологического процесса. Пора привыкнуть к тому, что моя жизнь постепенно переходит в иную плоскость пространства и времени.

Брюнетка говорит в миниатюрную рацию:

— Плюс пятнадцать.

Только два слова. Я молчу. Позже Колючка объясняет мне:

— Радиочастоты, вероятнее всего, прослушиваются. Но рации удобнее сотовых телефонов, потому что ты не платишь никому за выход в эфир, ты аноним. Учитывая возможность контроля, лучше всего шифровать сообщения. Цифрами. Ничего не значащими фразами, типа: «У моей бабушки заболел кот».

— А плюс пятнадцать? — спрашиваю я.

— Ситуация под контролем.

«У моей бабушки заболел кот». На мой вопросительный взгляд Колючка говорит:

— Однажды в нашем городе произошло ограбление инкассаторской машины. Трое сопровождающих были убиты, все они оказались черными. Полученные средства пошли потом на нужды Сопrotивления. Фраза про кота значила, что операция прошла успешно.

Кот. Почему-то часто упоминаются именно животные.

Вспоминается Рекса. Собаку Светы раскатали по асфальту. Я видел, что от нее осталось. Интересно, что мне ответит Колючка, если я ему расскажу эту историю. Наверное, он посоветует отомстить.

Колючка сворачивает туда, куда указывает брюнетка. Машин, которые бы упорно следовали следом за нами, видно не было. Я разглядываю девушек в зеркало заднего вида, украдкой. Тот, кто завербовал их в Сопrotивление, видимо, знал, что делал. Такие совершенные экземпляры попадаются крайне редко, даже среди прошедших отбор Белых активистов. Красота отвлекает внимание, красоте мужчина хочет услужить.

Женщины в Сопrotивлении имеют право выбирать — занимать ли им оперативно-диверсионной работой либо чем-то еще, менее опасным.

В любой момент они могут потерять жизнь, им это известно.

Их дети навсегда останутся нерожденными. Большой риск и потеря для расы.

Это несправедливо. Но вспомни наркоманию, проституцию, пьянство и воровство среди белых женщин. Взвесь на двух чашах весов, какой способ жить более достойный.

Вытрави в себе сомнения, потому что Белому человеку они не к лицу, когда речь заходит о биологической целесообразности. Вид избавляется от слабых и больных. Если общество закрывает глаза на законы природы, оно гибнет. Если к власти на планете приходят мутанты, появившиеся на свет в результате десятков поколений смешения и дегенерации, такая планета гибнет. Дерись или умри. Просто дерись или умри, говорит Генерал.

Другая машина нас ждет в неблагополучном районе. Трущобы с покосившимися фасадами. Обшарпанный драндулет с какими-то людьми на сиденьях менее всего привлекает внимание. Колючка останавливает «пятерку» и выходит вместе с блондинкой наружу. Мы с брюнеткой сидим внутри. Она спрашивает, как меня зовут. Я отвечаю. Тогда она спрашивает, был ли я когда-нибудь в семнадцатом ангаре. Нет, я не был. Ангарами в Сопrotивлении условно называются небольшие поселения, где живут Белые. В ангарах свои законы, своя иерархия, они почти полностью автономны и должны служить пунктами по оказанию помощи повстанцам в случае революции. Сейчас это колонии. Часто в ангарах живут женщины, занимающиеся разной работой. Той, о которой говорил Колючка. Там же можно найти себе невесту по внутренней базе данных Сопrotивления. Там живут и рожают беременные Белые женщины. Колючка говорил, что там расовый контроль осуществляется непосредственно.

Думая о Свете, я держу в голове какой-нибудь ангар.

Большинство русских у нас не подозревает о существовании подобных мест. Снова одна реальность вкладывается в другую.

Я спросил брюнетку, каким образом она попала в Сопротивление.

— Меня подобрали с улицы. Они иногда это делают, если видят возможность переделать человека. Я сбежала из дома, сидела на игле и трахалась со всеми, кто мог обеспечить мне дозьяк, — говорит девушка.

Только поэтому ты и в Сопротивлении, спрашиваю я.

— Нет. Они помогли мне слезть с иглы и посмотреть вокруг другими глазами. Ты не знаешь, как я боялась, что не пройду расовые тесты. Я бы снова оказалась в дерьме.

Блондинка и Колючка стоят у открытого багажника. Великан что-то ей передает, какой-то компонент взрывчатки.

— Теперь, — продолжает брюнетка, — я знаю, к чему стремлюсь. Я вношу вклад.

И еще она говорит:

— Я не хочу чужой крови, я намереваюсь сохранить свою. Передать ее дальше.

Так говорят только женщины в Сопротивлении. Генерал утверждает, что ничего не может быть почетней, чем стать матерью Белых детей.

Я думаю вслух. Я тоже поеду в ангар, при первой же возможности. Со своей женой. Вспоминая о Свете, я имею в виду генетический социализм.

Колючка расцеловывается с блондинкой, и она направляется к обшарпанной машине, унося в сумочке частицу чей-то смерти. Садясь в «пятерку», великан говорит, что все в порядке. Мы едем на новую встречу.

В гараже Колючка сказал мне, что руководители Сопротивления объявили трехдневную готовность.

— Мы начинаем крупномасштабную войну...

Я слушаю, то ли в предвкушении, то ли в страхе.

После часа X все выпуски новостей по стране будут заполнены сообщениями о различных диверсиях и терактах. Наступление на режим начнется по всей линии фронта. Колючка назвал мне несколько вариантов воздействия. Например, имитация пожара на атомной станции. Например, захват в заложники высокопоставленных чиновников. Например, уничтожение бойцов спецподразделений, которые обязательно будут использоваться властью против нас.

— Как же это произойдет? Спецназ — не послушные овечки.

Колючка ухмыляется. Он вообще мастер на эти дела.

— Для чего, по-твоему, у Сопротивления свои люди в структурах безопасности? Биологическое и химическое оружие, применяемое локально. Ворованные из секретных баз данные сведения о тех или иных сотрудниках и командирах спецотрядов. Подлежат ликвидации те, кто не захочет перейти на нашу сторону. Генерал мне сказал, что работы предстоит много, потому что слишком много стало в службах черных.

Мы едем на новую встречу, хотя еще не знаем, где она произойдет. Я глотаю минералку.

— Когда же будет час X? И что нам делать? Мне что делать?

— Что я прикажу. А конкретного часа нет. Просто сначала стартуют самые важные проекты. Мне неизвестны планы руководителей и вообще не моего ума это дело.

Больше я вопросов не задаю, Колючка не любит, когда ему зудят под ухо. Передав взрывчатку и отпустив брюнетку, мы разъезжаемся. Мой наставник посылает шифрованное сообщение координатору так:

— Вчера купил новый диван, заходи, посмотришь.

Всюду по стране разносятся в эфире фразы навроде: «Протекает крыша, помоги починить», «Завтра жди меня у входа в метро, ну, ты знаешь где, да, милый?»

«Мы не хотим, чтобы ты выходила за него замуж, мы же подруги!», «Займи мне сотку до послезавтра!» В огромном потоке разной информации, циркулирующей в этом временном отрезке, наши враги не знают, за что ухватиться. Волны моря голо-сов высотой с девятиэтажный дом захлестывают разум.

Когда мы встретились с ним спустя несколько часов, Колючка был уже пьян. Было ощущение, что он в одночасье пережил большое горе.

Атлант, держащий на плечах неподъемный небосвод.

Никто у него не спрашивает, счастлив ли он, не устал ли бедняга надрываться? Атлант, имеющий цель, стоит и не рыпается. Отойди он на пять минут, чтобы уединиться и разобраться в себе, мир рухнет к чертям собачьим.

Открывай глаза.

Закрывай глаза.

Открывай глаза.

Закрывай глаза.

Тусклый свет в гараже действует на зрительный нерв даже через веки. В голове взрывается боль, ослепительно-белый протуберанец, словно с поверхности солнца, вытягивается в пространстве.

Открывай глаза.

Я представляю себе синяки от пальцев Колючки на своей шее.

— Что дальше? — переспрашивает Колючка. — Почему ты спрашиваешь?

Я пожимаю плечами. Довольно идиотская ситуация. Великан приехал и послышался у ворот, и я открыл. Примерно через четыре минуты, выйдя из машины, он схватил меня за горло. Мы стоим в скульптурной композиции, но я не знаю, как ее можно назвать.

— У меня болит голова, туда прилила кровь. Если ты сожмешь еще сильнее, я могу потерять сознание, понимаешь. Я не вижу в этом смысла, — говорю я.

Сколько же выпил Колючка пива, если от него так тащит перегаром.

— Ты мог мне наврать.

— Насчет чего?

— Что не боишься умереть.

— Я не знаю. Честно.

И тут он выпускает меня. Резко. И я чуть не падаю спиной назад. Хватаюсь за борт машины и смотрю на Колючку.

— У меня есть девушка, на которой я собираюсь жениться. Я только-только начал меняться и менять свою жизнь. Мне это нужно. Я занялся тем, что мне предначертано по праву рождения.

— Зачем же мне сейчас умирать?

— Ну? Зачем?

— Когда я ничего еще не сделал?

Колючка молча стоит посреди гаража, опустив огромные руки.

— Это та девушка? Блондинка, да?

— Да, да, да, да! — Я почти кричу. Мной овладевает ярость. Я пинаю ногой пустую канистру из-под бензина, и раздается грохот. — Она! Так зачем мне сейчас умирать?!

— Хорошо, — говорит Колючка.

Хорошо? Хорошо? Что «хорошо», спрашиваю я. Мы стоим как два боксера друг напротив друга, а моя не выплеснувшаяся ярость нацеливается на великана. Он размажет меня по стенке с огромным удовольствием. Впечатает мое лицо в кирпичную кладку. Одного удара кулака в ребра хватит, чтобы проткнуть меня насквозь.

— Хорошо, что ты злишься! Ты живешь! Твоя ярость прибавляет смысла всему! И ненависть!

— Ты не ответил! — говорю я.

— Если ты в самом деле не боишься смерти, мне больше нечего сказать. Я не могу лишать Соппротивление полезного члена. К тому же, твоя смерть бессмысленна. Колючка забрался в машину и выставил на пол гаража ящик с пивом.

— Пей, угощайся.

Я ловлю на лету брошенную открывалку.

— А ты-то отчего напился? А?

— Я имел в виду самопожертвование, — произносит Колючка в пустоту.

— Что?

— Я думал я самопожертвовании. Насколько оно необходимо нам каждый день. Помогает ли готовность к нему нам жить или, наоборот, мешает.

Атлант, держащий на своих плечах небо. Колючка вырос до самых туч, задевая их бритой макушкой. Я гляжу на него снизу вверх.

— Не всегда можно выдержать этот груз, — говорит он. — Солдату нужны передышки, потому что он не чертова машина. Иногда нет иного способа, кроме как напиться. Воюешь, убиваешь, скрываешься, выслеживаешь, собираешь сведения — это предстоит всем, кто вступает в Соппротивление. Чтобы разрушить старый мир, надо прыгнуть выше головы. Тренируйся, если хочешь совершить этот прыжок! Закаляй свою шкуру!

Колючка отломал рукой горлышко от бутылки и стал пить. От неуклюжего движения край стекла повредил ему нижнюю губу. Струйка крови вперемешку с пивом течет по подбородку. Капли попадают на грудь, затянутую футболкой.

Колючка говорит:

— Те, кто по-настоящему жертвовали собой, уже мертвы! Остались только мы. Мы не успели.

Великан хохочет, пока я открываю свою бутылку.

— Тебе тоже надо надраться сегодня, — говорит он, утирая слезы.

— Почему?

— Я так хочу. Пусть это будет частью учебы. Я твой командир, слушайся приказов.

Я ничего не имею против. Гнев уходит, но свято место пусто не бывает и появляется скорбь. Я вдыхаю запах одряхлевшего Белого мира и ненавижу его за то, что он не хочет меняться.

Мы с Колючкой садимся во дворе на пустые ящики, курим и пьем пиво. Бросить курить нелегко, особенно в подобные моменты. Колючка треплется о том о сем, а когда настает моя очередь говорить, я рассказываю ему о мертвой Рексе.

7

Света приходит ко мне, и мы занимаемся любовью. Нет, мы трахаемся. Мы изголодавшиеся по телу животные. Об этом я думаю, вбивая в нее свой член. Мы оба совершенно некрасивы в эти минуты, но обоим нам наплевать. Мы слишком долго жили, не зная, кто мы. Внутри своего мира мы стали свободными. Наше целомудрие состоит не в отказе от телесности, а в признании факта, что нам предстоит внести вклад в банк чистого ДНК. Катаясь по ковру, мы ведем разведку боем. Сначала выясняем, на что мы способны, а потом пожираем друг друга. Запах секса пропитывает мою квартиру, он давно поборол вонь корвалолола, который принимает мать Светы. Это победа жизни над увяданием. Обретение бессмертия.

Света приходит и остается у меня на ночь. Натрававшись вволю, мы говорим о том, что услышали на занятиях Генерала. Мы вдвоем посещаем лекции, которые читает или сам Генерал, или кто-то из доверенных лиц. Нас учат быть русскими людьми, изо дня в день доказывают, что это совсем нелегко. Курс рассчитан на два месяца, параллельно мы проводим некоторое время с наставниками. В конце кандидатов на вступление в Соппротивление ожидают какие-то экзамены. Никто не знает, в чем будет состоять испытание, и нам страшно.

Света задерживается на работе, поэтому ей сложнее, чем мне. Ее наставница — Олеся — девушка, которой недавно исполнилось девятнадцать. Студентка гуманитарного факультета, не стесняющаяся ходить с бритой налысо головой и в высоких тяжелых ботинках. Света говорит, что она сумасшедшая и что подстроиться под ее образ мысли очень непросто. Ничего плохого она, конечно, не имеет в виду. И Света старается делать свою работу.

Часто они сидят в штабе у Генерала и приводят в порядок постоянно пополняемую базу данных, редактируют проекты акций информационной войны, составляют расписания занятий и встреч. Бывает, Олеся и Света выходят на улицу, чтобы почувствовать всю мерзость происходящего, посмотреть в лица тем, кто живет умиротворенно, думая, что достиг предела свободы. Света и ее наставница наблюдают за миражами. Они среди врагов. На поле боя. Навстречу им плывут сотни и сотни черных нечеловеческих лиц. Им приходится ждать удара в любую секунду и с любой стороны.

Света спрашивает у Олеси:

— Есть ли у тебя какой-нибудь план?

Это напоминает мне мой разговор с Колючкой.

— Ничего у меня нет, — отвечает Олеся, — мне это не нужно. Вот ты у меня третья. Я тобой довольна. Такой отчет я и напишу. Проще пареной репы — не старайся мне нравиться. Если ты слишком хорошо подчиняешься и не думаешь головой, ты просто дура. Если чересчур наглая и независимая — тоже ничего хорошего.

Сходные обстоятельства, сходные беседы. Не представляю, какой бы из меня вышел наставник.

Я спрашиваю, не пекут ли они там пироги, не вышивают ли крестиком.

— Нет. Хотя, может, лучше бы пекли. — Я понял, о чем она говорит.

Олеся заставила Свету подстричься коротко и надеть ботинки. Я говорю, что это не совсем подходит. Моя блондинка — не уличный боец. Есть еще неудобство, так как на работу ей приходится переодеваться в более привычную одежду.

Света теперь другая. Переход от теории к практике выражается в ее постепенном раскрепощении. О том, чтобы так заниматься любовью, как делаем мы, раньше моя блондинка и не думала.

— Но участвовать в уличных побоищах я не намерена, — говорит она однажды, лежа рядом со мной. Раздетая, Света находится в пятне света, падающего из окна. Во дворе шумит ветер. — Олеся сказала, что многие молодые девчонки стремятся в штурмовые отряды. Намекала, хочу ли я туда. Я не дала ответа. Пока что.

Я сказала, что она вольна принять любое решение. Расовые интересы выше личных.

Я трогаю рукой ее короткие волосы. Они отрастут вновь, когда моя блондинка переродится в новое существо.

Света шагает по улице, похожая на свою наставницу, и черные смотрят на нее с недоумением. Что-то происходит на той земле, которую они явились растоптать и исковеркать. Вдохновленный этим, я говорю ей, что нам нужно пожениться. Да, она, говорит, да, да — и ложится своим животом на мой живот. После клятвы. После того, как мы вступим в Сопротивление.

Я отвечаю, что согласен.

Мы снова трахаемся. До самого утра, будто ровно в 6:00 нам запретят этим заниматься навсегда.

Рексу уничтожили на следующий день.

Я ухожу на работу и занимаюсь тупой рутинной, надеюсь, что после посвящения для меня найдется в Сопротивлении иное занятие. Более полезное. Генерал придерживается старой линии поведения. Он перевоплощается в скучного занудного типа, которого ничто в окружающем не интересует. Только когда он смотрит в мою

сторону или передает сообщение по локальной сети, я чувствую его истинное присутствие. Мы — призраки, постепенно обретающие плоть.

Я чувствую, как внешняя среда меняется. Но я еще ничего не знаю о начале крупномасштабного наступления на режим.

Тогда же произошло нечто еще. Один из людей в офисе проявил себя с неожиданной стороны. Он стоял на пороге дверей начальника и говорил:

— Если вы позволите снова упрекнуть меня в чем-либо, касающемся моей национальности, мы будем разговаривать по-другому. Я предупреждаю.

Этот парень с рыжеватыми волосами и глазами цвета полуденного неба пришел к нам полгода назад. Он был из породы кротких овечек, а сейчас его голос крепок и спокоен. Я как раз проходил мимо, когда уловил эти слова. Для начальника проблема в том, что парень — русский, и он жалеет, что принял его на работу.

Я стою неподалеку от двери. Я слышу голос человека, обретшего смысл жизни, того, кто больше не желает поклоняться призрачному праву чужаков управлять собой. Выходя из офиса начальника, парень встретился со мной взглядом. Мы разошлись молча, понимая, что здесь не место и не время, чтобы выяснять подробности. Я посылаю Генералу сообщение из одной строки: «Он один из нас?» Генерал отвечает: «Да. Уже пять дней».

И снова рутина. Она требует от меня присутствия в офисе до пяти часов вечера, и я высиживаю время до конца. По эффекту это сходно с китайской пыткой водой. Капли падают тебе на лоб до тех пор, пока ты не свихнешься.

Я прихожу домой с полным отсутствием всяких желаний. Колючка не требует меня сегодня, зато спустя полчаса приходит Света и говорит, что ее собаку убили. Освободившись раньше, моя блондинка отправляется прогуляться. Сегодняшний маршрут оказывается длиннее обычного, а Света, погруженная в свои мысли, этого даже не замечает, пока не слышит визг тормозов. Из-за угла, нарочно заехав на газон, вылетает иномарка. Рекса не успевает даже гавкнуть, как ее накручивает на переднее колесо. Шкура растягивается и лопается от натяжения и то, что под ней, сминается в аморфный ком. Из куска мяса торчат кости. Света стоит и смотрит на происходящее. Несколько секунд принимают размеры вечности. Проклятие матери сбылось. Из массы того, что остается от Рексы, смотрит непонятно как уцелевший глаз, и переднее правое колесо иномарки все в крови. Машина дает задний ход, отовсюду смотрят люди.

Из машины появляются черные. Света говорит, что узнала их. Уроки Олеси ей ничего не дадут сейчас, потому что врагов слишком много.

Света испытывает цунами ярости и гнева.

Они выслеживают ее и убивают собаку, намекая этим, что в следующий раз и блондинку ждет то же самое. Черный стоит напротив Светы и брызжет слюной ей в лицо. Из пасти его воняет гнилью, и он пропитан запахом анаши. Он говорит, чтобы она передала привет «своему поганому белому ёбырю», они и до него доберутся. Смеясь, черные садятся в машину.

Собираются люди, двор гудит от голосов. Пожилые женщины и старухи возмущены и полны праведного гнева. Одной из них почти плохо — раздавленная собака не прибавляет самочувствия. Света просит у одной из них ручку и обрывок бумаги. Ей дают их. И взирают с соболезнованиями. Возможно, девушка сошла с ума. Пропуская мимо ушей все увещевания, презрев слова утешения, моя блондинка записывает номер иномарки.

Ее гнев и ярость становятся ледяными торосами с острыми, как бритва, краями. Они окрашены отблесками кровавой зари.

Забрав поводок, Света уходит.

Она стоит обняв меня и молча льет слезы в черную рубашку на моем плече.

— Я не хочу идти домой, — говорит она. — Я не хочу идти домой. Я не хочу идти домой. Я не хочу идти домой...

— Ты не пойдешь. — Что мне сказать еще? Я забираю у нее из вспотевшей руки листок с номером машины. — Пожалуйста, останься.

Один конец поводка окрашен кровью, брезент оборвался рядом с карабинчиком, что крепился к ошейнику.

Из моей бутылки с пивом выплескивается пена. Думая о Свете, я плачу. Я пьян и меня несет неизвестно куда. Я вижу созвездия, повисшие над нашими с Колючкой головами и над двором. Твержу великану, что Света может сделать что угодно пока меня нет. Конечно, конечно, конечно, я боюсь за нее. Я твержу, что схожу с ума от ужаса.

— Она с наставником? — спрашивает Колючка.

— Да, наверное.

Мой голос точно и не мой. Он доносится из глотки неуспокоившегося мертвеца.

Колючка говорит:

— Через полчаса тебе могут доставить их.

— Кого?

— Тех, кто убил вашу Рексу.

— Как это возможно?

Я утираю слезы с глаз. Моя старая жизнь расплзлась по швам. Сейчас во мне нет ничего, кроме скорби. Я оплакиваю и себя, и Свету, потому что мы прошли свою точку без возврата.

— Ты до сих пор не понял, на что способно Соппротивление. И что оно значит для русских? Только в железном кулаке живет сила. Это единственное место, где ты можешь рассчитывать на справедливость. Так ты хочешь самостоятельно наказать их?

Я отвечаю, что нет. Пусть врага покарают профессионалы, а я не готов.

— Тогда дай мне номер машины. Ты делаешь выбор, мы помогаем тебе, брат.

Я вытаскиваю из заднего кармана клочок бумаги с приговором, состоящим из четырех цифр и трех букв. Колючка ждет. Я захватил с собой и поводок. Все это я протягиваю великану на вытянутых руках.

Колючка все понимает.

В квартире каждый сантиметр пространства пропитан нездоровым возбуждением, бредом. Кажется, чтоходишь в палату для стариков, страдающих деменцией. Мать Светы взирает на меня как на воплощение зла, потому что едва ли не зримо ощущает тот мир, который за моей спиной. В ее ушах шумят иные ветры и раздаются иные голоса. Не отвратительное шамканье продавцов сомнительной общепринятой морали, но сильный грозный рев тайфуна, грозящего снести загнившую реальность. Я стою на пороге комнаты, где работает телевизор, и мать Светы принимает меня за свою дочь. Мне хочется сказать, что она больше не появится здесь.

Ее руки постоянно в движении, поглаживают друг друга.

— Света, почему ты так поздно?

— Я пришел забрать ее вещи. Света мне поручила, — говорю я. — Понимаете, я — не она!

Мать Светы произносит слова вкрадчиво, будто поверяет мне самую страшную тайну.

— Пойми же. — Шепот и движение старческих рук. Эта женщина распадается до срока. От нее идет тяжелый сладковатый запах. — Я же тебя ненавижу, потому что ты не даешь мне то, что нужно. А ведь надо деньги, чтобы поехать в Бразилию. И жить там. А раз ты не можешь, ты не зарабатываешь, то я, конечно, тебя ненавижу. Я зря тебя родила. Не хватает, не хватает, не хватает пенсии-то, чтобы поехать.

Она словно молится, вздымая кривые пальцы и сухие ладони ко мне. Они шуршат, будто ветви засохшего дерева.

— Как ты будешь жить, если я тебя ненавижу? — спрашивает мать Светы.

— Я не ваша дочь, — говорю я.

— Как ты будешь жить, если я тебя ненавижу?

Я — в аду. Моя женщина прожила здесь сотни и тысячи лет, вдыхая этот нечеловеческий смрад. Рекса получает отдохновение от эры ужаса, которую пережила. Света принимает правильное решение не возвращаться домой. Я гадаю, сколько всего страшного и унижительного для нее произошло в этой квартире.

Я — вор, я копаюсь в комоды и шкафу, собирая вещи Светы в сумку. Ярость почти задушила меня. Стены тонкие, и слышно, как мать Светы разговаривает с кем-то в другой комнате. Я вздрагиваю от ужаса, когда старуха вдруг возникает передо мной. Она держит в одной руке пустую миску Рексы и спрашивает меня:

— Куда ты девала собаку? Назло мне ее отдала кому-то?

— Отдала. Отдала. Подружке. Потому что ты...

Нет, все бесполезно.

Сейчас я хочу просто уничтожить, крушить и ломать. Лично войти в историю в как тот, кто поверг в ад современную цивилизацию, построенную на крови Белых людей. Почему же мы ждем? Чего мы ждем? Какое мы имеем право бездействовать?

Мать Светы так и стоит с пустой миской в руке.

Я должен увидеть место, где погибла Рекса. Важна не собака, а то, как нагло и безо всякого права враг вторгся в жизнь Белой женщины. Моей Белой женщины. Не разбираясь в вещах, я бросаю их в сумку, затем нахожу всевозможные мелкие штуковины, которые необходимы женщинам каждодневно.

Останавливаюсь и оглядываю комнату, понимая, что придется вернуться еще.

— Вы не моя дочь, — произносит старуха у меня за спиной.

— Я не ваша дочь, — отвечаю.

— Где она?

Я прохожу мимо матери Светы, устремляюсь к двери. Поднимаюсь к себе наверх. Моя блондинка сидит на краю дивана, заплаканная, и не зажигает люстру, чтобы я ничего не видел. Я сажусь рядом, беру ее за руку, холодную, словно в ней был кусок льда.

— Твоя мать сошла с ума.

— Я знаю.

— Надо что-то с этим делать.

Света не хочет думать о ней сейчас. Я говорю, что пойду прогуляться, и она начинает возражать. Я говорю, что в последний раз погляжу на Рексу, если ее, конечно, не убрали. Света закрывает дрожащими руками лицо.

Надо чтобы она немного побыла в одиночестве.

Собака на месте, просто кто-то, может, дворовые мальчишки, накрыли ее куском картона от коробки из-под телевизора. Видны следы от протекторов иномарки и колеи на газоне. Обрывки травы со следами крови разлетелись в разные стороны. В наползающих сумерках бродят бездомные кошки, принюхиваясь к запаху из-под картонки, пока еще слабому. Я вспоминаю пустую миску Рексы, я хочу, чтобы черные оказались здесь, ведь они намерены добраться и до меня. Я беру дома большой мешок для мусора, возвращаюсь к трупу Рексы и засовываю его внутрь. Ночью я хороню собаку в парке, расположенном в двух кварталах от нашего дома.

Спустя два дня Колючка протягивает мне два полароидных снимка. На них висят трупы с сильно вытянутыми шеями и связанными сзади руками. Пятеро. Грудь каждого украшена табличкой, написано неразборчиво, но Колючка объяснил:

— «Зверь не заслуживает такой милосердной казни».

— Кто это сделал? — спрашиваю я.

— Группа ликвидации. Оказалось, что эти молодчики замешаны кое в чем по-серьезней убийства собаки. Два изнасилования Белых женщин. Драка с Белыми с нанесением тяжких телесных повреждений. Подозрение в убийстве русской девочки — после надругательства. В каждом случае дела закрывались из-за «недостатка

улик», у этих черных свои люди в правоохранительных органах. — Та же ледяная ухмылка на губах у Колючки. — Но они у нас тоже есть.

— Что они сказали перед смертью?

— Ничего. Они делали все, что им скажут, пытаюсь сохранить жизнь. А когда их подвешивали, они мочились в штаны и опорожняли кишечник. Обычная реакция. Им зачитали приговор, объяснили, в чем они виновны, даже не затрагивая расовую сторону вопроса. А они не поняли. Вообще. Удивились тому, что кто-то лишает их «права» творить все, что им вздумается. С таким я уже сталкивался. Им внушили, что они хозяева жизни и любые блага им доступны уже при рождении, только по той причине, что у них две руки, две ноги и они умеют говорить. Это еще не делает их людьми. Смотри, водитель повешен на поводке, том самом.

— Я понял. Я вижу. Спасибо.

Тем же вечером я показываю снимки Свете. Она сожалеет:

— Лучше бы они меня взяли с собой.

Мой желудок проявил себя не лучшим образом, и вплоть до ночи я блюю.

8

Теперь я знаю, что кислород, впущенный в плотно запертое помещение, может придать пожару новую силу. Небольшой источник огня постепенно съедает весь воздух внутри и будто бы гаснет. На самом деле он просто притаился, ожидая пищи. Ты открываешь дверь — и тебе в лицо дышит пламенем бешеный дракон.

Огонь разом охватывает десятки квадратных метров площади, температура достигает тысяч градусов. Человек не может выжить, если оказывается в эпицентре.

Это как магия. Одним щелчком пальца я вызываю огненный ад.

Три секунды назад в еврейском общинном центре вылетели все стекла на окнах и вышибло все двери. Кто пытался проникнуть туда через главный ход, лежат на бетонном крыльце, оглушенные и ничего не понимающие. Мне видно в бинокль, что там разворачиваются настоящие боевые действия. Вот эти люди начинают отползать, опираясь на локти, будто под обстрелом. Из дверного проема вырывается пламя, дыма становится все больше. Площадка перед фасадом усеяна сверкающими на солнце осколками.

— Второй этаж уже горит, — говорит Колючка, приставив бинокль к глазам.

Мы вдвоем лежим в кустах примерно в семидесяти метрах от места акции и наблюдаем. Слышно, как в эфире перекликаются голоса наших соратников, рассредоточенных в десяти различных точках. Общинный центр в кольце.

Это мое первое серьезное задание. Колючка объяснил мне, что я должен делать. В половине одиннадцатого вечера мы с группой таких же стажеров подъезжаем к старинному двухэтажному особняку и прячемся в темноте. Нами руководит один из инструкторов. В машине, припаркованной в тридцати метрах в переулке есть две канистры с зажигательной смесью, похожей на коктейль Молотова. Она горит долго и дает стойкое пламя, и главное, что его невозможно потушить подручными средствами — лишь пожарной пеной. Колючка сказал, что до приезда огнеборцев здание выгорит почти полностью.

Инструктор лично производит разведку и куда-то отправляет двух людей. Они обесточивают здание, чтобы обезвредить сигнализацию, и тут в дело вступаем мы. Я удивлен, насколько слаженно действуют дилетанты.

Перебежками, одетые в черное, словно бойцы спецназа в фильме, мы приближаемся к дверям. Снаружи металлическая дверь, но с ней быстро справляются при помощи какого-то приспособления. Открыв, врываемся внутрь центра. За две секунды единственный заспанный сторож положен лицом вниз, наручники застегнуты у него на запястьях за спиной, на рот прилеплен скотч.

Мимо меня, стоящего над сторожем, пробегают на второй этаж трое. Два человека несут канистры со смесью, третий что-то в коробке из-под обуви. Инструктор

оставляет меня на вахте, чтобы я следил за дверью. В руке у меня пистолет с глушителем.

Оборачиваясь, я вижу, как в темном холле бешено прыгают лучи фонариков. Я жду завывания сирен, как ждал и в цветочном павильоне. Нервы на пределе. Мы лишь начинаем пробовать блюдо под названием Партизанская Война. Мы робко прожевываем жесткие куски и уже понимаем, что не все так просто, как нам представлялось вначале.

Несколько очагов возгорания устроены наверху, к ним подведены провода. Поджигатели с канистрами возвращаются, другие налетчики вытаскивают системные блоки от компьютеров и исчезают в темноте. Колючка потом сказал, что в них может содержаться ценная информация о еврейских террористических группах. Все происходит практически без слов.

Сторож лежит смиренно возле моих ног и мерно дышит. Наверное, потерял сознание. Я освещаю лучом фонарика его лицо, чтобы определить национальность. Это нечто среднее между черным из Средней Азии и евреем.

— Мы не могли просто взорвать здание, — говорит Колючка, — вокруг в домах живут русские. Это опасно из-за взрывной волны. Огонь же так далеко распространить не сумеет, потому что центр отделен от остального стоянкой и полукруглой зоной, где густо растут тополя.

Диверсанты тщательно проверяют, чтобы были закрыты все окна и двери. Они заклеивают вентиляционные отверстия полосами скотча. Пожар с оттяжкой.

Три минуты — и весь первый этаж залит горючей смесью. У нее резкий запах. Мы уходим, таща с собой сторожа, который успевает придти в себя. У него дико выпученные глаза.

Операция занимает минут семь-восемь, но инструктор недоволен, хотя и делает скидку на нашу неопытность. Мы поработали на твердую четверку.

— Местное отделение Соппротивления во главе с Генералом откопало интересные факты о том, что местные евреи поддерживают тесную связь с террористической организацией «Всемирный Израиль», которая посылает сюда эмиссаров каждые примерно полгода. Известно, что у «Всемирного Израиля» есть контакты со всеми масонскими ложами на разных континентах. Оттуда приходят огромные деньги. Их цель — одна. Она следует из названия. На встречах местных влиятельных богатых евреев обсуждаются вполне определенные планы. Они собираются развернуть массированную антибелую пропаганду. Естественно, под знаменем борьбы за права человека и за мир во всем мире. Цель Соппротивления — нанести упреждающий удар. Сожжение центра — только небольшое звено в цепи. — Колючка смотрит в бинокль. — Почти каждый раввин в нашем регионе — агент «Всемирного Израиля». Двоих из них группа ликвидации обезвредила на прошлой неделе. Мы схватились один на один со стоголовым драконом, и работы будет еще много.

Сторожа налетчики закидывают в багажник машины, где были канистры. Мгновенно четверо людей в черном уезжают с места действия. Другие — и те, что контролируют операцию со стороны, занимают места в окрестностях. Началось ожидание.

Колючка смотрит на часы и произносит шепотом:

— Через три минуты.

Лежать на холодной земле в кустах холодно, у меня мерзнут ноги и живот. Я не надел ничего теплого. Летнее утро становится совершенно ледяным, и у меня прихватило мочевого пузыря. Пришлось отползти и приткнуться в какой-то угол, где мне запястья обожгла крапива. Моча дымится на воздухе, словно кислота. Я вернулся как раз к моменту, когда должны сработать специальные зажигательные устройства. Я жду чего-то из ряда вон выходящего, но ничего особенного нет. Ни взрыва, ни огня. Колючка говорит: подожди двадцать минут. На несколько мгновений в окне первого этажа, за жалюзи, мелькнул оранжевый отблеск. И тут же погас.

— Кислород должен прогореть уже сейчас, — говорит великан, — если, конечно, наши ребята сделали все правильно. Иначе мы получим банальный пожар. Найди воздух лазейку, огонь вспыхнет моментально.

Я слежу затаив дыхание. Пальцы рук дрожат.

Просыпается город, и мне неуютно. Нарастает гул от идущего в разные стороны транспорта. Много лет я не выбиваюсь из привычного установленного ритма, а теперь превращаюсь в поджигателя. Много лет я не видел утра. То есть, по-настоящему.

Теракты не всегда такие шумные и красочные, как бывают в кино. Мы ждем долго, когда что-нибудь произойдет и мы поймем, получилось у нас или нет. Вот к дверям общинного центра подходят двое. Им, естественно, никто не открывает, несмотря на настойчивые звонки в дверь. Один вынимает из кармана телефон и пробует достучаться до вахты, до сторожа, о судьбе которого больше никто никогда не узнает. Двое ждут, ходят, заглядывая в окна на первом этаже.

Колючка причмокивает. Он говорит, что рассчитывал, что у этих имеются свои ключи от железной двери.

— И что делать? — спрашиваю я.

Ничего, пожимает он плечами.

Вот приближается третий, и ему объясняют ситуацию. У него есть ключ, а значит, никаких проблем быть не может. Через пару секунд дверь приоткрывается всего на сотую долю миллиметра, впуская внутрь чистый утренний прохладный воздух. Здание содрогается, стекла волной вылетают наружу, дверь распаивается под напором огня изнутри.

Все это я вижу, смотрю широко распахнув глаза. Нет, все-таки наша акция получилась внушительной. Здание старой постройки, капитального ремонта в нем не было давно, поэтому огонь стремительно сжигает перекрытия и полы. Современный пластик не хочет поддаваться пламени, но и он к приезду пожарных расчетов, наверное, расплавился. Улица затянута дымом. В окнах соседних домов возникают испуганные лица. Зеваки собираются на гарь.

Мы с Колючкой садимся в машину и молча уезжаем.

9

Лицо Светы покрыто слезами, и я думаю, что все произошло чересчур быстро. Света была готова расстаться с прошлым, но, вероятно, не так, не так. Все рухнуло. Мне понятна каждая мысль, которая появляется в ее голове, потому что это и мои мысли тоже. Слезы бегут по ее щекам и сверкают.

— Врачи сказали, что она наглоталась пуговиц от халата.

— Пуговиц? Как это пуговиц? — спрашиваю я.

— Она откручивала их руками, она не могла их отрезать, потому что ножниц не было, это не разрешается. Откручивала и складывала в тумбочку. Потом начала глотать.

— А кто-нибудь это видел? — Тупой вопрос, точно.

— Соседка по комнате видела, — говорит Света, стараясь представить себе воочию все, что произошло с ее матерью.

В доме престарелых сотни никому не нужных старух. Лишенных право на личную мгновенную смерть. Обреченных на забвение. В отличие от них, мать Светы имела связь с внешним миром, она могла рассчитывать на поддержку, даже если этого не осознавала. Даже если бы отвергала свою дочь.

Моя невеста не собиралась от нее отказываться и вычеркивать из своей жизни.

В доме престарелых пожилая женщина умирает от того, что пластмассовая пуговица застревает у нее в горле. Сутки назад мать Светы, потерявшая большую часть своего разума, решила закусить перламутровыми шариками и задохнулась. Все последние дни, по словам врачей и сестер, она твердила, что собирается по-

ехать в Бразилию и постоянно перебирала вещи. Из ее рта вываливались неуклюжие имена бразильских актеров, выученные наизусть, точно молитва. Соседка по комнате, не менее сумасшедшая, после получаса перечислений начинала орать тонким высоким голосом, словно маленькая девочка, и накрывать голову подушкой. Приходилось колоть ей успокоительное.

Об этом Свете рассказали в доме престарелых.

Слишком быстро. От момента, когда мать Светы увезли на машине скорой до ее гибели в охраняемом здании прошло пять дней. Всего лишь пять. Документы, которые моя блондинка оформляла задним числом, остались наполовину незаполненными. Мы вместе едем утрясать все формальности, связанные с телом и кремацией, а потом едем на кладбище хоронить урну. Пришлось из крематория нести ее мне и чувствовать тепло неостывшего пепла. В машине Света сидела отвернувшись и глядела в окно. Она сказала, что хочет тихих и незаметных похорон.

И вот она плачет у меня на плече. До этого два часа она пребывала в молчаливом оцепенении. Я рассказываю ей про похороны моих родителей, однако ее горе, конечно, больше, сильнее. Смерть превратила ненависть между матерью и дочерью в любовь. И неужели это единственное средство что-либо реально изменить в этой вселенной?

Я не настаиваю ни на чем и не спорю, даю Свете выплакаться.

— Поедем домой, да?

Она как-то вся обмякла. Я не знаю, что делать, когда она упадет в обморок, и нервничаю. Люди из похоронной команды, уходя, сумрачно посмотрели в мою сторону. Видимо, их смущает мой внешний вид. В последнее время я постоянно в движении. Первая часть дня посвящена никчемной работе в офисе, вторая — различными заданиям. Их придумывает либо сам Колючка, либо они поступают от невидимой группы наблюдения. Неуютно чувствовать рядом с собой настоящих профессионалов, умеющих сливаться с окружающей средой и ничем себя не выдавать. Люди-невидимки следят за каждым твоим шагом. За все время моей стажировки я не получил осязаемых доказательств их присутствия рядом с нами. Колючка отказывался выдавать тайну, хотя наверняка и он не видел всего. Он объяснил это тем, что в Сопротивлении есть вещи, о существовании которых он и не подозревает. Человек, посвятивший свою жизнь борьбе, постепенно откроет все без исключения потайные двери. Ему нужно только запастись терпением.

Терпение.

Терпение.

Чертово терпение.

Я боюсь, что у нас ничего не выйдет. Враг слишком силен.

Не хочу быть ущербным и сомневаться. Ярость составляет мою сущность в те минуты, когда я осознаю собственные сомнения.

— Поехали, — говорит Света. Добавляет: — Я не хочу жить в таком мире. — Ее лицо четко вырисовывается на фоне панорамы оскверненных злом улиц нашего города. — Я не хочу жить в таком мире, понимаешь?

Да, я понимаю.

Я думаю о том, что нам с Колючкой предстоит сделать послезавтра.

Я беру Свету за руку.

Так мы ставим точку на определенном отрезке своего прошлого. Избавляемся от старых вещей. Выбрасываем ненужные книги. Испытываем отвращение к мелочам, которые раньше были дороги и казались незаменимыми. Производим ревизию памяти, чтобы выбросить оттуда накопившийся мусор.

Очищаем сознание от призраков и устаревших взглядов. Все ради единственного — сохранить себя, то лучшее, что осталось после лет вранья и заблуждений. Я — недавно вылупившаяся бабочка, и мои крылья почти высохли, почти готовы для полета. А быть может, я уже лечу. Один шаг до полного осознания собственного

«я». Смерть матери Светы завершает для нас двоих подготовительный этап, а на следующий день моя невеста говорит мне, что намерена подать заявление и уехать жить в колонию-ангар Русколань. Впрочем, название может быть каким угодно, и не это главное. Света не в состоянии больше быть здесь и испытывать постоянное давление. Она просит меня помочь ей.

Я отвечаю, что обязательно помогу, испытывая противоречивые чувства.

Света уезжает в безопасное место.

Для меня это означает одно — я могу бросить все силы на ту работу, что нам предстоит с Колючкой.

— Послезавтра у нас последнее занятие, — говорит Света, лежа рядом со мной. — Я сдаю экзамены и уезжаю. Я знаю двух девчонок, которые тоже намерены поехать. Там мы вступим в Сопротивление. Ты приедешь посмотреть?

Через семьдесят два часа в соседнем с нами областном центре начнется вооруженное восстание.

Я и представить не могу себе, какая огромная работа была проведена Белыми активистами

Я не включаю телевизор, но знаю, что за новости передают в последнее время. Доехать Свете и другим женщинам до колонии будет нелегко, учитывая увеличивающиеся патрули на дорогах.

В последнее время отмечается отток русских из национальных окраин и из Москвы. Я думаю о том, насколько широки связи у Сопротивления.

Из-за границы приходят будоражащие воображение вести. На севере Англии портовый город объявил себя зоной, свободной от евреев и черных. На улицах идут бои, и Белые одерживают верх. К повстанцам присоединяются все больше армейских подразделений, Белые англичане, шотландцы и уэльсцы берут в руки оружие. Черных эмигрантов садят на баржи и высылают в Северное море. Норвегия и Швеция неожиданно откликнулись погромами евреев и гомосексуалистов.

Но революция в Англии начинается раньше всех...

— Если у меня будет время, я приеду. — Лишь сейчас до меня доходит, что мы расстанемся и можем больше никогда не увидеться, и я целую ее в висок, где бьется жилка. Не нужно, чтобы мои слезы были видны. Я плакал в последний раз очень давно. Но мне не стыдно, нет

Вчера в США районы с традиционным сильным влиянием Ку-клукс-клана пришли в движение. Они готовятся несколько лет, и одним ударом Белые захватывают все ключевые управленческие точки. Подразделения Национальной гвардии неожиданно для режима разделяются пополам, и одна часть полностью переходит на сторону «грязных расистов». Белая часть.

Волна выступлений Белых по всему миру. Рухнувшая цензура. Новый бушующий поток информации сметает привычную жизнь обывателей. В ответ левые, черные и евреи выход на улицу и вступает в схватку с разъяренными активистами Белого Сопротивления, и раз за разом проигрывают. Черные с удивлением узнают то, что раньше скрывали от них. Те Белые, кто раньше сомневался, встают под наши знамена.

История вопиет о справедливости.

Восток и Юг, присосавшиеся к телу Белой цивилизации, замерли в ожидании бескомпромиссного удара, который положит начало тотальной войне на выживание. В противостоянии рас не бывает компромиссов. Вид, не способный сражаться за свое будущее, должен умереть.

— Постарайся вернуться, — просит меня Света.

Ее руки словно раскаленные обручи сжимаю меня.

И тогда я нахожу успокоение и веру.

Победа.

Мы имеем право утверждать, что она существует — даже в начале пути.

Мы идем на антиотбор в целях сохранения крупниц жизни.

Из единственного оставшегося белого зернышка вырастет новое дерево.
Победа.
Я надеюсь.
Я верю.

10

По телевидению в новостях передают о том, как власти пытаются остановить внезапный миграционный поток. Но все знают, что законных путей для этого нет. Конституция гарантирует свободу передвижений. Журналисты задают молчаливым людям одни и те же вопросы, однако никто не разговаривает со СМИ, обслуживающими антибелый режим.

Мы с Колючкой смотрим выпуски новостей по маленькому телевизору у него в машине. Нам удастся это лишь в перерывах между поездками в городе и за его пределами. Мы возим взрывчатку, оружие, подручные материалы. Никогда не представлял себе, что такая работа способна превратиться в рутину.

Два дня назад мы с Генералом уволились из фирмы. Вчера уволился и присоединился к нам тот парень, завербованный самим Генералом. Полчаса назад я узнал, что он вместе с отрядом добровольцев едет в боевой тренировочный лагерь. Отчасти я завидую ему, выходящему на передний край. Он приходил ко мне попрощаться, он улыбался счастливо и крепко жал мне руку.

Говорят, Белые переселяются из южных районов в северные. Возникают стихийные лагеря, словно это последствия войны. Ходят слухи о неизвестных людях, которые снабжают группы переселенцев деньгами, документами, провизией, подвозимой грузовиками. Циркулируют слухи о крупных партизанских формированиях. Некоторых активистов милиции удалось поймать, но получить какие-либо сведения до сих пор не получается. Дума настаивает на введении в стране военного положения, чтобы правительство имело полномочия на принятие чрезвычайных мер. Лавина сдвинулась с места и теперь ползет вниз. Многие понимают, что теперь остановить процесс невозможно. Сенаторы твердят об угрозе в связи со вспышками насилия, имевшими место в Англии, США и других традиционно Белых странах. Федеральная Служба Безопасности докладывает, что некие силы открыли беспрецедентную охоту на сотрудников спецподразделений, на высших руководителей Службы и функционеров Министерства Юстиции. Режим растерянно оглядывается по сторонам, не понимая, откуда мы взялись.

Взломаны секретные базы данных. Хакеры бесчинствуют в Интернете. Новости так и сообщают. Растерянные и испуганные лица дикторов. Невнятные комментарии либеральных политиков. Обескураженная физиономия Президента.

Параллельно с Белой миграцией происходит черная, но в противоположном направлении. Оккупанты, заповолившие Белые города, подвергаются мощнейшему прессингу. Испуганные античерной агитацией чужаки бегут за границу. По городам прокатываются массовые погромы. Передвижные агитационные точки остаются для органов внутренних дел неуловимыми. Улицы завалены листовками. В течении двадцати четырех часов произошло несколько взрывов, уничтоживших практически полностью центры террористических религиозно-сектантских организаций. Анонимные группы до зубов вооруженных боевиков вступают в столкновения с мафиозными структурами, в основном с этническими. По оценкам специалистов, в стране вот-вот разразится гражданская война. Пропаганда, развернутая режимом имеет целью напугать обывателя, пробудить в нем гражданственность и «лучшие либеральные чувства». Но даже я, не такой уж и искушенный в этом человек, новичок, вижу, что усилия тщетны. Кое-где люди стихийно выходят на улицу, требуя отставку правительства и суда над Президентом. Колючка говорит мне, что стихийности на самом деле никакой нет, что эмиссары Соппротивления свое дело знают.

— Я и сам хотел бы этим заниматься, — вздыхает он, — выйти на улицу открыто, как в старые добрые времена, понимаешь...

Я думаю о взрывчатке, спрятанной в этот момент в нашей машине. На улицах усиленные милицейские патрули, а на выездах из города можно заметить замаскированные тут и там бронетранспортеры.

Время летит стремительно. Иной раз трудно определить спал ты сегодня вообще и сколько. В такие моменты ты понимаешь только одно — война началась, пути назад нет. Дальше будет тяжелее.

Часто Колючка исчезает на много часов, и в это время я сижу на съемной квартире и принимаю сообщения от различных мобильных групп. Я выучиваю все шифры, приходящие на сотовый и рацию и передаю их Генералу либо человеку по прозвищу Фантом. Мне передают инструкции для Ласточкиного Гнезда, Крысы Бетховена, Весеннего Бриза, Ледового Тороса. Либо для Путешествия к Антарктиде, Лунного Модуля, Красного Быка, Рассерженной Бабушки.

Это группы сопротивления, осуществляющие непосредственную диверсионную деятельность.

Я включен в систему координации.

Я — часть грандиозного проекта по возвращению Свободы.

Вчера был взорван вокзал, на котором в ожидании поезда собралось несколько сотен нелегалов. Люди Сопротивления заранее позаботились о том, чтобы под удар не попали Белые. Пока город в шоке, пока правозащитники кричат во всю глотку о «беспределе, творимом фашиствующими элементами», мы действуем по плану. На телевидении толпятся брызжущие слюной евреи. Они просят помощи у кровавых псов из Моссада и Б'най Б'рит.

В квартире, где я сижу, нет ничего. Если необходимо будет отсюда бежать, бросать нечего и не жалко. Продавленные полы, истертый ковер в большой комнате, кое-где грязные стекла потрескались и на трещины наклеен потемневший скотч. Обои вздулись и висят, словно старческая кожа. Ползают тараканы, и в минуты затишья, когда не слышно грохота транспорта на улице, особенно громко шуршат их лапки по ребристой ветхой бумаге. В квартире, за исключением ископаемой кровати, пары табуреток и кривого столика, нет никакой мебели.

Мы ждем. До первого серьезного выступления, когда на нашей стороне будет армия, остаются считанные часы.

Мы с Колючкой едем на очередную встречу. Я пью пиво из банки и жую бутерброд.

— Военно-транспортный самолет, который ведут верные нам люди, пробивается, предположим, к Москве, — рассказывает Колючка, — а на его борту — тысячи кубических литров некоего вещества. Вероятно, этот самолет собьют, когда в ПВО сообразят, что он задумал что-то нехорошее. Но на сверхнизких высотах он пролетает над городом и распыляет свой груз. Вещество при соприкосновении с кислородом становится более активным. Аэрозоль покрывает десятки кварталов, ветер разносит ее еще дальше.

Для чего же все это? Химическое оружие?

Мы проезжаем мимо участка улицы, где милицейские патрули разом проверяют несколько машин. Люди выведены наружу, и у них изучают документы.

Колючка улыбается. Он абсолютно к этому безучастен, тогда как я покрываюсь ледяным потом.

— Белым твердят, что все расы и народы равны и в биологическом отношении одинаковы. Зачем же тогда правительства крупнейших стран разрабатывают оружие на основе расово-генетических различий? То, что уничтожает лишь азиатов, либо негров, либо представителей расовых субстратов? Это оружие существует. Сопротивлению удалось заполучить его в свои руки. Насколько мне известно, сейчас наши специалисты работают над его производством в более широких масштабах. Естественно, если позволяет техническое оснащение. Но даже того, что у нас име-

ется, можно с успехом использовать в самом большом мультинациональном вертепе у нас в России. Москве. Против расового оружия нет противоядия.

— Как же оно действует?

— Умирают все представители южных народов, не имеющих отношения к Белым нациям. Москва наводнена оккупантами, и вести с ними там уличную войну мы пока себе позволить не можем. Проявления болезни самые различные. Поражения иммунной системы, разрушение внутренних органов и прочее — лучше тебе поинтересоваться у врачей. Смерть скоротечна и относительно безболезненна. Вероятны заболевания также среди представителей метисовой прослойки, в которых сочетались черты разнорасовых родителей, но так как эти гибриды получились в результате расовых преступлений, они — не наша забота. Руководство Сопrotивления считает, что наше чудесное вещество — единственная серьезная на данный момент возможность сократить число инородцев в столице.

— И Белые не реагируют на него? — спрашиваю я.

— Нет. Люди чистой расовой принадлежности могут не беспокоиться. К тому же отток русских из города продолжается. Чем сильнее мы сумеем раскатать ситуацию, тем лучше.

В некоторых регионах, по сообщениям разведки Сопrotивления, Белые берут в руки оружие и идут на открытое противостояние с оккупантами. Юг. Казачьи станицы занимают сторону Сопrotивления, чтобы уничтожить обосновавшихся на русских землях кавказских бандитов. СМИ замалчивают правду о событиях, боясь всеобщей паники. Казаки, поддерживаемые отрядами Белых штурмовиков, полностью овладевают небольшими населенными пунктами. Местная милиция расколота глубокими национальными противоречиями. Инородцы, укрепившиеся в структурах правопорядка, не желают отдавать захваченное. Евреи насаждают политкорректность и интернационализм, которые в один прекрасный день лопаются словно мыльные пузыри. Людям достаточно открыть глаза. Десятки лет ненависти и межрасового непонимания не могут быть погашены выходом насильственных законов о дружбе между народами.

Недостаточно истерично-позитивной рекламы, чтобы заставить дружить русского и африканца. Или таджикского наркоторговца. Или цыганского вора.

Не останется безнаказанной пропаганда геноцида русских в России, проходящего под лозунгом соблюдения прав человека. Русскому народу не находится места даже в конституции.

Единственный способ прекратить конфликты между высшими и низшими — поставить непреодолимые границы и прекратить всякие контакты.

Наш девиз — Эра Разделения. Давайте здраво смотреть на мир

Упыри, сидящие на шее нашего Отечества, не заслуживают иного к себе отношения. Тем, кто хочет, будет предоставлена возможность уехать по собственной воле, остальные подлежат ликвидации.

Здесь нет моего оправдания истребления врага. Нет оправдания Колючки. Нет оправдания Генерала либо кого-то еще из наших братьев. Никому из нас это не доставляет удовольствия. Глядя на изуродованный окружающий мир мы учимся прагматизму. Очистить дом можно лишь взявшись за метлу — других способов не существует.

Нам не в чем оправдываться.

У нас есть за что бороться.

Я ощущаю вспышку ослепляющей убийственной ненависти, когда смотрю из окошка машины. Очередной патруль избивает группу мужчин и женщин, которых вытащили из микроавтобуса. Я не знаю, кто они. Но они русские. Люди собираются вокруг и наблюдают. Рядом с патрульными стоят вооруженные автоматами солдаты, их оружие направлено на зевак. Среди тех, кто орудует резиновыми палками, почти все инородцы с юга.

Мы погибаем. Это нужно остановить.

До каких пор будет продолжаться истребление моих братьев и сестер?!

— Ты хочешь убить их? — Колючка сжимает тяжелыми пальцами мое предплечье.

— Да.

— Ты чувствуешь необходимость этого каждой клеточкой своего тела?

Колючка говорит как раньше — будто вынимает из меня душу и подставляет ее под режущий северный ветер.

— Ты будешь упиваться убийством?

— Нет.

— Почему?

— Потому что это просто важно.

— Это неизбежно, — произносит Колючка.

Молодая женщина пытается вырваться, но ее хватают сзади за волосы и тащат к милицейской машине. Она падает, продолжая сопротивляться. Мы отдаляемся. Из носа женщины обильно льется кровь. Вся куртка спереди залита кровью. Эта картина стоит у меня перед глазами.

11

Стоящий возле машины Отвертка говорит нам, что остается пять минут до отъезда. Смотрит на часы. Я мельком провожаю его взглядом, Отвертка отходит в сторону и начинает разговаривать с водителем. Вдвоем они наблюдают за двором перед компьютерным магазином. В воскресный день здесь никого нет. Кусочек, отрезанный от тревожной вселенной. Мы собираемся в тени раскидистых деревьев.

Я провожаю Свету. Другие мужчины из числа активистов Сопротивления провожают своих сестер и невест, отправляющихся в поселение. Я вижу их тоскливые глаза. Отчаяние от невозможности быть рядом.

Мне неудобно, и я отвожу взгляд. Я не умею прощаться, Света, я не умею, прости меня, пожалуйста.

Как всегда в такие минуты слов не находится. Никаких.

Она держит меня за руку, стоит молча, прислонившись лбом к моему подбородку.

Бесконечно долго.

И повернуть назад нельзя. Для всего существует свой порядок.

Все пять минут.

Она сказала:

— Как приедем, я позвоню.

Я целую ее и усаживаю в машину. Голубые глаза стараются запечатлеть меня в мельчайших подробностях. Немного извиняющаяся улыбка адресована мне. Только ее я и помню.

Вы поехали впятером в машине, включая водителя, и вас сопровождал вооруженный экипаж, состоящий из трех человек. Они двигались на расстоянии сорока-пятидесяти метров от вас. Стандартная ситуация, давно отработанная схема. Патрули на дорогах? Да, их следовало опасаться больше всего. У солдат и милиции есть приказ стрелять на поражение в случае оказания серьезного сопротивления. Уровень серьезности, конечно, определяется самими патрульными. Чтобы попасть в поселение, нужно выехать из города, проделать путь в несколько километров по проселочным дорогам и вновь оказаться на магистрали. Дорога неблизкая.

Я провожаю вас, как остальные мои соратники. Молча. Через заднее стекло я смотрю, Света, на твой затылок, на белые волосы. В твоих мыслях уже нет меня, мое место занято новыми тревогами и вопросами.

Проселочные дороги грязны и малопроезжимы. Несколько раз и вам, и вашей охране приходится выходить из машин и выталкивать их из глинистой жижи, оставшейся после вчерашнего ливня. Но проблема не в этом, а в том, что неожиданно вас

встречает военный патруль. Они выезжают из леса на бронетранспортерах. Вы все испугались, Света, и ты больше всего — потому что знала, чувствовала, что наше прощание — навсегда... Орел или решка. Слепой случай. Встреча с патрулем — только случайность. Смерть — случайность. Что я тебе могу сказать, Света? Если бы я был там, я не задавался бы дурацкими вопросами. Нет, я ни в чем не усомнился, я только четче стал видеть свою цель. Нашу цель, Света.

Автомат Калашникова с полным боекомплектом весит три килограмма. Когда угол металлического приклада опускается на ключицу, кость ломается с хрустом. Равно как и другие кости в других местах. Первого солдаты ударили одного из парней, которые вас сопровождали. Поводом послужили пистолеты, найденные у вашей охраны. Бой с хорошо вооруженным врагом безнадежен. Я не осуждаю вас за то, что вы решили дать достойный отпор врагу.

Если бы я был там, я бы поступил так же. В завязавшейся драке солдаты не сразу стали стрелять, но кто-то из них все-таки нажал на курок. Произойди инцидент где-нибудь на оживленной трассе, вы бы остались живы. Однако в лесу нет свидетелей. Половина из вас погибла мгновенно, как только по вам хлестнули очереди из автоматов, других «взяли в плен» и убили позже. Я не могу предположить, с чем тебе, Света, пришлось столкнуться, прежде чем тебе вlepили пулю в затылок. Надеюсь, ты была в числе первых.

Прости меня.

Откуда я все это знаю? Наши люди провели расследование. Из поселения по намеченному вами пути выдвинулся отряд боевиков Сопротивления. После долгих блужданий они обнаружили брошенные и разгромленные автомобили и плохо присыпанную общую могилу. Ваши тела привезли в поселение, поэтому я стою сейчас тут, на лесном кладбище, уже один, потому что все разошлись. Я не участвую в страшной молчаливой тризне, потому что у меня не осталось ничего, кроме неутолимой ненависти. Подходит Колючка, я сообщаю ему, что хочу действовать, хочу действовать, действовать. Великан хватает меня за плечо, требуя, чтобы я хоть немного пришел в себя. Отводит к остальным.

Тусклый свет в длинном помещении, где пахнет сосновыми бревнами. За длинным столом сидят мужчины и молча напиваются. Я смотрю на то, как в сумраке блещат их яростные волчьи глаза. И я чувствую запах крови.

Ее будет много, мы напьемся ее до сыта и принесем жертвы богам. Если им будет недостаточно наших врагов, мы умрем сами.

Когда перестанут убивать наших братьев и сестер?

Мужчина, провожавший со мной свою невесту, сказал, что с этого момента не произнесет ни слова, пока самолично не вырежет восемь сердец из тел живых врагов. Восемь. По числу погибших. И он замолчал.

Я встречаю этого человека через несколько лет, он показывает мне восемь небольших металлических коробочек. В них лежат кусочки плоти.

— Хочешь заглянуть внутрь? — спрашивает он.

— Нет, — говорю, — спасибо.

Я ступил на путь, ведущий к Смерти. Только она помогает мне переродиться. Лишь сейчас я это понимаю.

Я — бабочка. Я отправляюсь в свой полет, мои крылья окончательно высохли.

На моих черных крыльях ухмыляется мертвая голова.

Не все, что запланировано, идет гладко, ничего не поделаешь. Вооруженное восстание в соседнем с нами регионе пришлось отложить из-за непредвиденных обстоятельств. Сопrotивление просто оказалось не готово. Подразделения мотострелковых частей, призванные захватить органы местного управления и парализовать их работу, до поры до времени остаются в казармах. Служба Безопасности развернула бурную деятельность.

Цепным псам режима удалось задержать нескольких крупных активистов Сопrotивления. Кто-то из наших братьев предпочел покончить с собой, других захватили и подвергли чудовищным пыткам, в лучших традициях палачей НКВД и Нюрнбергского Трибунала. Не так и просто выдержать давление следователей и экзекуторов режима, когда используются психотропные вещества и самые грязные методы издевательств. Сопrotивлению срочно потребовалось многое менять в ближайших планах — враг получил важные для себя сведения. В некоторых районах страны наступило затишье, давшее повод либералам говорить о том, что «хребет национализма сломан и дружба между народами торжествует». После подобного заявления Президента толпы Белых высыпали на улицы, прошла новая волна протестов с требованием отставки антирусского правительства.

В Москве начались массовые погромы после того, как милицейский патруль, укомплектованный целиком из недочеловеков, открыл огонь по толпе. Беспорядки продолжаются до сих пор. Русские вытаскивают оккупантов из незаконно приобретенного жилья и убивают прямо на улицах, платя за десятилетия унижений, дискриминации, рабства. За каждую женщину, проданную черными своим южным братьям-животным, за каждого ребенка. Президент требует применения милицией оружия, чтобы обуздать людской гнев, требует введения армии. Думские депутаты и дружественно настроенные к Сопrotивлению губернаторы как могут тормозят развитие ситуации по сценарию режима. Они дают нам время. Дают время людям вернуться в полную силу.

Англия охвачена войной. Белые против черных.

Юг США охвачен войной. В его поддержку выступила Канада, в особенности Свободный Квебек.

Северная Ирландия кипит.

Германия готова взорваться. Нюрнберг поднимает старые боевые штандарты. Вновь зажигаются факелы, и внуки первых бойцов за Белую расу начищают до блеска тяжелые ботинки.

— Сколько угодно нам могу ставить палки в колеса, — говорит Колючка, — но теперь русский народ им не остановить. Они примут драконовские законы — и это станет агонией. У Сопrotивления есть парочка козырей, о которых режим не подозревает.

Не генетическое ли это оружие, спрашиваю я.

Не только, отвечает Колючка.

— В глубине Белой расы происходит мощное движение. Взрыв. Как раньше в Германии, только в гораздо более широких масштабах. Мы сплочены, мы слышим голос крови, у нас одна цель, наш дух крепок. Духовно мы сильнее — и в этом мы уже победили! Либеральная цивилизация давно прогнила изнутри. Либеральная цивилизация курит траву и пользуется дорогими дезодорантами и не чувствует, как от нее воняет. Никому из них до конца не понять наших целей — это попросту невозможно. Наш главный козырь, что мы правы, в том, что мы сражаемся за незыблемые расовые ценности. За истинный нордический дух.

Теперь по улицам передвигаться небезопасно. Кругом усиленные войсками подразделения милиции. В ней почти не увидишь белых лиц, потому что, по нашим данным, восемьдесят процентов русских покинуло органы внутренних дел с началом волнений по всей стране. Это заслуга Сопrotивления. Белые люди не побоя-

лись пуститься в свободное плавание, обречь себя на безработицу, а свои семьи на вполне прогнозируемые трудности. Это во имя высшей цели.

Чтобы построить достойное будущее, нужно сделать очень плохим настоящее. Таков закон. Мы можем только минимизировать наши потери.

На пустующие места в силовых структурах начали набирать инородцев, которым нет дела до безопасности национального большинства. В них есть лишь стремление выслужиться перед своими еврейскими хозяевами. И тут они стараются во всю, творя невероятно жестокие вещи. Геноцид Белого населения принимает открытые формы. Верные Спротивлению люди, вставшие на сторону Белой Революции, отрядами уходят в леса и развязывают партизанскую войну. Многие регионы страны все сильнее напоминают зону боевых действий. Оставшиеся в городах русские требуют уничтожение существующего строя — лишь благодаря этому возможно прекратить насилие. Колючка считает иначе. Насилие будет продолжаться долго, утверждает он, потому что вырвавшийся на волю инстинкт требует вражьей крови.

Ничего нет сильнее расовой ненависти. Аксиома. Заповедь. Чужак, занимающий территорию твоего рода, — враг.

Дьявольская мораль либералов заставляет моих людей, моих согенников, жить в огромной мультирасовой помойке. И ненавидеть себя.

Так было раньше.

Хватит! Довольно!

Пути назад не существует.

Я анализирую свои ощущения. Смесь восторга, страха, мистического возбуждения и надежды. Ты словно напиваешься от родной северной земли бескрайним могуществом. Земля, близость к которой осуждалась и высмеивалась чужой нам цивилизацией, теперь помогает нам. Нордическая варварская сущность подобна развертывающему на ураганном ветру боевому знамени. Подобна крыльям орла, ловящим воздушные потоки. Подобна лучам восходящего солнца, разгоняющего тьму.

Когда мы колесим по улицам города, я не испытываю жалости к тем, кто потерял свою уютную удобную жизнь. Всегда есть альтернатива для сомневающегося. Держись подальше от нас или присоединяйся. При условии, что твоя кровь чиста. Для врага же альтернативы нет. Ни малейшей.

Полчаса назад мы передали еще одной группе подрывников пять килограмм пластита. После каждой такой операции активисты Спротивления что-нибудь взрывают.

Мы возвращаемся в квартиру, которая все последние дни играет роль нашей с Колючкой ячейки. Там великан спрашивает у меня, готов ли я покончить с прошлым.

Я не понимаю его вопроса.

— Твоя невеста убита, — произносит он, — ты потерял все и дошел до края. Сегодня заканчивается твое обучение.

Я говорю, что совсем про это забыл. Колючка смотрит на меня не мигая.

Вероятно, в эти секунды решается моя судьба, под этим ледяным взглядом.

— Пессимизм — первый шаг к поражению.

— Я знаю.

— Тогда ответь мне на совершенно простой вопрос. Сейчас. В конце стажировки и перед вступлением в Спротивление на правах борца. Ты хочешь быть с нами?

— Да!

— Хочешь?

— Да!

— У тебя есть другой выход? Другие желания?

— Нет!

Колючка помолчал, а потом бросил передо мной на столик два листа бумаги, исписанные его мелким аккуратным почерком.

— Это отчет о твоей деятельности. Я представлю его Генералу, а он передаст дальше. От этого будет зависеть твое вступление в Сопротивление. Прочти его. Обычно это не в правилах, но я тебе всецело доверяю. Ты — мой брат. Исправь в нем все, что тебе не понравится. Я внесу изменения — на этом и закончим с твоим ученичеством.

Я беру в руки отчет. Если я что-то исправлю в нем в угоду себе, то это будет неправильно.

— Я хочу взять тебя с собой в Москву, — говорит великан.

— Для чего?

— Скоро узнаешь.

13

Самый волнующий и торжественный день в моей жизни.

Говорю без преувеличения. Думаю о том, что еще предстоит сделать всем нам, сколько предстоит сделать всем нам, чтобы окончательно переломить ситуацию в свою пользу. Предстоит пройти кое-какие формальности, но они не имеют особого значения перед фактом моего вступления в касту избранных.

Как бы ни готовился к ритуалу, он всегда будет непонятен и непостижим.

Три дня мы уже находимся в импровизированной казарме далеко за городом, где на заброшенной с виду ферме располагается один из командных пунктов местного отделения Сопротивления. Все три дня кандидаты на вступление, чьи анкеты одобрены руководством, постятся. Нам дают лишь черный хлеб и воду из родника. Трижды в день заставляют принимать ледяной душ и совершать пробежки на открытом воздухе.

Сегодня утром я каждой клеточкой тела ощущаю солнечный свет. Я очищен от скверны гнивающего мира, я делаю шаг к вершине Олимпа. В моем теле поселяется легкость. Я вижу, как блестят глаза моих товарищей. Мы почти не общаемся, просто не испытываем необходимости нарушать сакральное спокойствие. В нашем небольшом помещении царит спартанская обстановка. Топчаны для сна, печь, узкие окошки без занавесок, деревянный пол, стол для приема пищи. Нас ту девять человек, только мужчины. Священное число. Один мой соратник сказал, что мы благословлены богами.

Я ощущаю их дыхание.

Я ощущаю их взгляды.

Я ощущаю их прикосновение.

Я ощущаю мистический ужас.

Самый волнующий и торжественный день в моей жизни — четвертый. Полон ожидания. Начиная с полудня нас вызывают в комнатку, где сидят серьезные люди в черной форме. Они задают нам вопросы, на первый взгляд хаотичные, но это тоже испытание. Они располагают о нас полной информацией, они намереваются заглянуть нам в души и узнать, как там на самом деле. Среди них нет Колючки, я уже давно его не вижу. Кто-то сказал, что люди в черном приехали специально, чтобы провести церемонию посвящения. Среди них якобы есть те, кто стоял у истоков Сопротивления.

Я вглядываюсь в непроницаемые, покрытые шрамами лица. Я вижу волосы с проседью. Я отдаю этим людям честь.

Седые герои Валхаллы.

Они желают мне удачи.

Собрат, назвавшийся Лисом, сказал нам, что сама церемония будет проходить ночью, при свете ритуальных костров, что он слышал об этом от настоящего активиста Сопротивления. Предки протягивают нам руки через время и сообщают ритм биения собственных сердец. И мы перерождаемся. Мы состоим из шума ветра в сосновом бору, из журчания ледяного ручья, из блеска на зеркальных лезвиях боевых

клинков, из смеха счастливых и прекрасных Белых детей. Это мы. Мечта и тяжкий труд во имя будущего.

Девятеро стоят вокруг костра. На наших лицах отпечатаны багровые блики. Огонь распространяет жар. В прохладный воздух взлетают раскаленные искры. Потрескивают горящие бревна.

Я — не современный человек. Я — северный варвар на древнем становище. Я готовлюсь идти сокрушать Империю зла, ту, что пришла на смену Великому наследию. Я готовлюсь мстить.

За пределами светящегося круга, куда еле доходит свет, я вижу знамена Сопротивления. Главное из них несет на себе восьмиконечную свастику-коловорот на белом фоне. Тяжелая ткань чуть шевелится на ветру.

За спиной у каждого посвящаемого стоит его наставник.словно тень предка. Все они приехали сегодня в одной машине, молчащие, отягощенные вестями с фронтов борьбы. От Колючки я узнал, что Службе Безопасности удалось разгромить крупную группировку наших соратников и многих захватить в плен. Сопротивление готовит ответный удар. По словам Колючки, он будет ужасным по своим последствиям. Для режима.

Посвящаемые раздеты по пояс. И босые. Наставники — в наброшенных на плечи белых плащах с капюшонами.

Внутри круга стоит человек с факелом в правой руке. На голове его черная маска с прорезями для глаз, он вообще весь в черном. Ледяной взгляд цепляется за каждого из нас. В тишине, нарушаемой потрескиванием бревен, мне чудится, что этот человек попросту привидение, злой дух, явившийся из леса. Что запах от него идет звериный. Запах тотема, позабытого неблагодарными выродившимися потомками северян.

Человек делает полный круг, молча рассматривая посвящаемых.

Он говорит:

— Я пришел сюда, чтобы покинуть старый мир...

Мы говорим хором:

— И чтобы переродиться.

Он говорит:

— Во имя всех павших...

— Во имя всех павших за чистоту крови и свободу нашей земли.

Наши голоса звучат немного нестройно, горло перехватывают спазмы, горло словно прочно опутано пульсирующими кровяными сосудами.

Человек в маске обходит нас, освещая факелом лицо каждого посвящаемого.

— Во имя матерей, сестер и жен...

Мы вторим:

— Во имя матерей, сестер и жен...

— Во имя всех предков, в которых живет наш дух и чей дух мы впитали.

— Во имя всех предков, в которых живет наш дух и чей дух мы впитали...

Я думаю о Свете, и снова на меня наваливается скорбь, невыносимым грузом, и я будто теряю почву под ногами. С ней умерла часть моей плоти и крови. Такое не прощается.

Я закрываю глаза, произношу слова клятвы вслед за человеком в черном. Ветераны Сопротивления стоят где-то за пределами круга света, за спинами наших наставников. Ритуал будет повторяться после нас, после наших детей, всегда, вечно. Мы будем сменять друг друга до тех пор, пока не погибнет вселенная, все боги и все герои.

Клянусь защищать моих кровных братьев и сестер, пока не отправлюсь по сумрачной дороге к праотцам.

Клянусь не отступить.

Клянусь сражаться до конца во имя чистоты и свободы расы.

Клянусь отдать все, что у меня есть, на благо России!

Клянусь быть преданным Сопротивлению.

Я повторяю при моих братьях — все для победы!

Моя мечта — русская мечта!

Если я окажусь слаб, пусть мое имя будет проклято и предано забвению!

Внутри нашего круга место человека в черном занимают двое других. В их руках кинжалы в ножнах, предназначенные для нас. На лезвиях выгравированы восьмиконечный коловрат и девиз Сопротивления: «Чистота крови и чистота помыслов».

У запястья каждого посвящаемого делается небольшой надрез и кровью обмазывается лезвие. Этот кинжал остается с членом Сопротивления навсегда. Человек считается полноправным активистом, если получил его. Человек, идущий следом за тем, кто освящает клинки, прижигает надрезы медицинским спиртом. Боли не чувствуется, потому что ты растворен в мире, каждая твоя молекула, несущая генетический код породы, властвует над временем и пространством.

Сопротивление — это не только формальное объединение людей, разделяющих одни взгляды. Это — единое тело. Одни соки, текущие внутри него. Ощущение связи ничем не возможно описать, его трудно объяснить, потому что оно — дух расы. В отблесках костра мне видятся строгие бородатые лица — духи предков взирают на меня. Я в долгу перед предками. Я пытаюсь найти среди этих лиц Свету, но не нахожу. Скорее всего, я еще далеко от нее. Буду тем ближе, чем более приближусь к порогу смерти.

Колючка кладет мне на плечо свою тяжелую руку. Ритуал посвящения завершен. Нас поздравляют, теперь более буднично, раздается смех. Магия ушла, но я счастлив от того, что соприкоснулся с иным миром. Я зачарован, словно воин перед битвой, я полон сил. Великан говорит мне, что сейчас мы пойдем на праздничный ужин, и я уже улавливаю запах простой сытной пищи.

Я оглядываюсь на костер, который все еще горит жарко и ярко, освещая лес.

В моей руке кинжал.

Он вибрирует и просит еще крови.

14

У нас нечто вроде съезда. Когда Сопротивление сможет собраться полностью, не знает никто. Логично предполагать, что после окончательной победы.

Сейчас это большой заводской цех, полностью оборудованный под нужды организации. Предприятие давно не функционирует, но ему предстоит послужить нашему делу. На заводе организована одна из баз Сопротивления, цех способен одновременно принять до трех тысяч человек. Примерно столько я и наблюдаю. Одни стоят, другие, в основном женщины, сидят. У стен выставлены знамена штурмовых подразделений. Каждый штандарт украшен сверху металлическим орлом, расправляющим крылья.

Пускают сюда лишь законных членов, прошедших посвящение. Контроль более чем строгий, потому что повсюду шныряют агенты режима. Службе безопасности постоянно приходится отлавливать подозрительных типов.

Я смотрю на себя и не могу узнать. На меня из зеркала взирает поджарый высокий человек, потерявший обывательскую округлость и леность, присутствующую во всех движениях изнеженного буржуа. Я — другой. У меня нет прошлого. Моя квартира заброшена. Все, что было ценного в моем доме, я отдал Сопротивлению, словно какой-нибудь сектант. Я не испытываю нужды в разном хламе, которым, бывало, я дорожил. Таким образом поступают почти все. Мое исчезновение, наверное, не замечено никем. Светы нет, а она была единственным человеком из моей старой жизни.

Мое тело покрыто шрамами, кожа на лице загрубела, потому что я много времени провожу на открытом воздухе. Мои мускулы становятся все тверже, они похожи на переплетения дубовых ветвей. Я напоминаю бойцового пса.

Впервые я нахожусь при таком скоплении соратников. Красивые белые лица, светлые волосы. Высшая раса. Глаза лучатся. Встречая некоторые взгляды, я ловлю себя на том, что у меня по спине бегут мурашки. Это Перерожденные люди, и я понимаю, что я — часть этого сообщества. Мы с Колючкой идем сквозь толпу, он приветствует знакомых, представляет меня. Я думаю, что и Света могла быть здесь, могла бы, могла бы... Это уже не навязчивые мысли. Легкая светлая грусть окрыляет и придает спокойствие.

Кто-то прикасается к моей руке, и я вижу, что это тот парень, мой бывший коллега. Впервые при мне он в форме, он почти неузнаваем. От него будто исходит сияние.

— Привет.

Мы пожимаем друг другу предплечья, только сейчас замечаю, что под его волосами с левой стороны головы белеют свежие шрамы. Мое внимание не ускользает от его взгляда.

— Перестрелка. Как раз когда мы сворачивали тренировочный лагерь, чтобы передислоцироваться. Мы заставили их отступить, мы не дали загнать себя в угол... Спецназ оставил на месте боя десятерых, а сколько ранено из них я не знаю. Из наших было лишь четверо, да и то легко. Меня цепануло осколками.

— Поздравляю, — говорю.

— Неплохой результат, — гудит Колючка.

— Первое боевое крещение, — ухмыляется парень. К нему подходит девушка с коротко стриженными темно-русыми волосами, форма делает из нее богиню. Серебряные знаки отличия холодно горят на черном.

— Моя жена. Ксения.

Я по-хорошему завидую ему.

Потом на сцену выходит Генерал в сопровождении нескольких командиров в черном. Мы приветствуем его поднятыми руками и громогласным девизом в тысячи глоток. Я вижу бесконечное множество горящих глаз. И после этого в цехе повисает тишина, бойцы Сопrotивления затаили дыхание, чувствуя важность момента. Мы — боги, связанные единым вселенским долгом. Очередная ступенька наверх, к осуществлению мечты.

Генерал говорит нам об обстановке на фронтах Белой Революции. О наших неудачах и наших успехах. О погибших товарищах, память которых мы чтим минутой молчания. Генерал умеет возбудить в людях гнев и боль, научить нас необходимой в бою ненависти, самоотверженности и преданности делу. Дальше идет разговор о евгенических программах, разработанных Сопrotивлением для модернизации и оздоровления русских, о новых горизонтах новейшей демографической политики будущей империи. Уже сейчас идет отбор женщин и мужчин для участия в воспроизводстве чистокровных нордических ариев, Генерал призывает нас всех участвовать в проекте. Нет, это не призыв, это приказ — каждый боец, отправляющийся на опасное задание, должен оставить после себя генетический материал, который понадобится в будущем. «Вы не имеете права умереть и дать пропасть своему главному богатству», — подчеркивает Генерал. Подпольные лаборатории готовы к работе. Все ангары отныне будут евгеническими центрами.

Генерал говорит о решающем сражении за Москву, о расовом оружии. Он вкратце повторяет то, что я уже слышал от Колючки. Атака намечена на ближайшие дни. Сегодня пришли вести, что часть Дальнего Востока, благодаря массивному удару перешедших на сторону Сопrotивления военных частей, провозгласила независимость. Они назвали себя Белой Крепостью и намерены сражаться за свободу до конца. Иностранцы изгоняются с белых территорий, в пограничных с новой республикой районах идут бои с частями Службы Безопасности. Сопrotивление

посылает на помощь соратникам штурмовые отряды, в том числе и из нашего региона. Мгновенно половина из присутствующих в цехе людей изъявляет желание ехать, все возбуждены, Генералу приходится восстанавливать тишину.

Я спрашиваю у Колючки, что он об этом думает.

— Нам нельзя, у нас будет иное задание, — отвечает великан. Как всегда он скуп на детали.

Правительство принимает Закон о защите Демократии. Это то, что Колючка называл драконовскими мерами, его прогноз сбывается. Президент одобрил ряд мер, «призванных сохранить демократические принципы жизни Российской Федерации и способствующих установлению прочного заслона на пути те, кто хочет ввергнуть страну в пучину гражданской войны». По сути, это означает введение военно-полевых судов, принимающих решения на месте. И решения эти означают в большинстве случаев смертный приговор. Генерал сказал, что по разведанным из Израиля и США приехали в Москву специалисты по выявлению националистов и консультанты по вопросам денацификации. Большая часть из них — евреи из международных террористических организаций, из еврейского гестапо «Сынов Завета» и центра Симона Визенталя. Другие — натуральные шабес-гои. Многие наши соратники уже схвачены семитскими изуверами и казнены, причем расстрел бойцов Сопротивления демонстрировался на всю Россию, куда только доходили спутниковые сигналы. Подвергаются арестам все, кто сочувствует повстанцам, и самое малое, что грозит «экстремистам» — это крупный денежный штраф. Белые бегут из Москвы, невзирая на противодействие режима.

В ответ Сопротивление предъявило Правительству и Президенту ультиматум: в случае продолжения террора со стороны еврейских оккупантов, Сопротивление оставляет за собой право на адекватные меры в борьбе с сионистскими захватчиками. Президент в ответ объявляет на всю страну, что борьба с «человеконенавистниками и зверьми» будет вестись столько, сколько нужно...

Диверсионно-разведывательным группам Сопротивления удалось выкрасть нескольких сионистских палачей. Над ними идет суд, тщательно фиксируемый на видео. Колючка сказал, что вся Россия увидит их казнь и услышит их картавый бред. И не только Россия, но и соратники за рубежом.

Через некоторое время торжественное собрание завершается и Колючка ведет меня за собой на беседу с Генералом.

Он намекает, что пора заняться настоящим делом.

Мы проходим по крытой галерее, оставляя позади цех и соратников, и приближаемся к двери, возле которой стоят два высоких блондина из Службы Безопасности. У них короткие автоматы на плечах. Узнав Колючку, они пропускают нас внутрь.

Здесь подобие временного штаба. Компьютеры с выходом в Интернет, лазерный принтер, телевизор с видеомагнитофоном, большая карта России на стене, штандарт Сопротивления и ящики с боеприпасами и оружием в углу. Стены обшарпанные. Сбоку висит старая доска объявлений, где еще сохранились обрывки бумаги.

После того, как мы с Колючкой отсалютовали Генералу, он встал из-за стола, подошел к нам и пожал руки.

Иногда мне кажется, что это он самый главный в нашем движении, что это он вождь Сопротивления. От Генерала идет сила, невозможно не стать «жертвой» его обаяния. Напрямую могу сказать — это великий человек.

Генерал предлагает нам занять стулья и возвращается за стол.

— Через три дня вы отправитесь в Москву. План по вашей доставке разработан детально, наша агентура в столице ждет условного сигнала. Сначала вы поедете на машине, потом оставите ее в Подмосковье, потом преодолеете часть пути пешком и сядете на рейсовый автобус. В городе вам предоставят машину для передвижений и

одежду. Поедете с фальшивыми документами, разумеется. Ваша цель — Президент. Этот человек должен быть ликвидирован. Он — связующее звено в стане врага.

— Как же мы до него доберемся? — спрашиваю я. — Сейчас вокруг него не меньше дивизии охранников. ФСБ. Контрразведка.

— Вы все узнаете на инструктаже, — поясняет Генерал. — Президент готовит новые меры, которые серьезно ударят по всем нам, он собирается бросить на нас войска, на этот раз по-настоящему. Для этого ему нужно заручиться поддержкой парламента. Он должен выступить с докладом по этому вопросу, но это формальность. Когда он поедет в Думу из Кремля, вы его и ликвидируете. Ваша операция — часть крупномасштабного штурма столицы. После этого начнется хакерская атака на правительственные сети, на Министерство Обороны и МВД. Верные нам военизированные части и штурмовые отряды войдут в город... Параллельно с вторжением над Москвой будет распылен генетический репеллент. Это самый подходящий момент. Мы блокируем аэропорты серий взрывов, чтобы вывести из строя инфраструктуру и лишить возможности самолеты подниматься. Нас ждут потери, потому что враг готов к обороне, но это наш последний шанс полностью перехватить инициативу. Иначе Национальная революция не имеет смысла. Белую Крепость на Дальнем Востоке раздавят, если Москва останется в руках неприятеля. Помните — ваш выстрел будет сигналом к вторжению... Битву за Москву мы должны выиграть.

Патетично. Генерал замолчал, а мы с Колючкой ждали продолжения. Великан сидел с каменным лицом, а я с трудом сдерживал волнение. Мы с ним очутились на острие разящего меча. На нас огромная ответственность.

На том аудиенция завершается, и я выхожу буквально придавленный к земле всем услышанным. Я боюсь, что не сумею оправдать такое доверие. Мрачен даже Колючка, мы ничего не говорим друг другу.

Мы тренируемся. По несколько часов в день, до мозолей, до текущего ручьем пота. Нас вывезли далеко в лес трое инструкторов и принялись всерьез за нашу подготовку. Как я потом узнал, это были бывшие командиры отрядов специального назначения, перешедшие на сторону Сопrotивления. Они постоянно разъезжают по лагерям, где тренируются штурмовики, и курируют боевую подготовку подразделений.

И меня, и Колючку заставляют стрелять, хотя ясно, что честь пустить пулю в лоб врагу предназначена не мне. Но я дублер, поэтому должен знать и уметь все, что и мой соратник. Оказалось, великан давно, за несколько дней сел на особую диету, в которой исключались все возбуждающие вещества. Ему нужна будет та минута, которая решит исход всего восстания. В эту минуту его кровь, его сердце и разум должны пребывать в ледяном спокойствии, точно снега Антарктиды. Пришлось садиться на диету и мне. Мы едим кашу на сливочном масле, которую сами и готовим, и пьем только колодезную воду. Тяжко. Наставники говорят, что нам повезло, что мы не проходим школу снайперов по-настоящему, не сидим в секретах сутками безо всякой связи с внешним миром и не ходим под себя, потому что не в состоянии покинуть своего места...

Еще инструкторы ворчат, что слишком мало времени, что они не могут нас научить ничему большему, кроме как механически давить на курок.

Курс стрельбы начался со старой винтовки Мосина, которая была в чьих-то руках еще в Первую Мировую войну. Снайпера и по сей день не прочь использовать ее, настолько «трехлинейка» пристреляна и надежна.

Слейтесь со своим оружием, пусть кожа ваша заключит вечный союз с рукоятью и курком. Вы просто должны быть единым организмом.

Если вы сами станете оружием, говорят инструкторы, вам ничего большего не потребуется.

И мы стреляем, постепенно увеличивая расстояние от себя до мишени. В Москве нам никто не предоставит даже полкилометра, бить в цель придется с го-

раздо большей дистанции. Меняются винтовки, я даже не в состоянии вспомнить все их названия и технические характеристики. Инструктора говорят, что этого и не нужно. Необходимо лишь знать, как разбирать и перевозить главный ствол, как хранить и ухаживать за ним.

Я — оружие возмездия.

Наши пули будут отравлены — на тот случай, если сам выстрел окажется не смертельным. Яд приготовлен в химических лабораториях Сопrotивления, он не разрушается от воздействия высокой температуры при взрыве пороха в гильзе.

Я — воплощение смерти. Колючка — моя рука, несущая гибель неприятелю. Я даже вижу это во сне. Жуткие миражи, за которыми угадывается совсем иной мир.

Главное в нашем предприятии — не промахнуться.

Пуля сделает все остальное.

Правда состоит в том, что мы не имеем права устать от войны и пресытиться кровью. Рагнарок еще не закончен.

Последнюю ночь мы проводим в ближайшем ангаре, и я нахожусь с женщиной, имя которой узнал всего два часа назад. Мы исполняем свой долг, но не чувствуем никаких неудобств. Таковы времена, мы больше, вероятно, не увидим друг друга, а если это случится, должны делать вид, что раньше не встречались. Это правила, пусть они и звучат смешно. Здесь главное доверие и понимание стоящих перед нами задач. Ребенок, который родится от нашей связи, станет еще одной ступенькой к свободе для нашего вида.

Я лежу и смотрю в потолок, в темноту. Эта женщина лежит прислонившись к моему плечу. Мы не сказали практически ни одного слова, пока занимались сексом. Мне хотелось узнать, откуда она, какая у нее была жизнь до того, как началась ее связь с Сопrotивлением. Я люблю ее. Да, несомненно. Это ощущение приходит само собой, поэтому я позволяю ей проявлять нежность и не чужаюсь отвечать. Иногда я представляю, что мое тело приходит в соприкосновение с телом Светы. Воображение будоражат образы недавнего прошлого. Света, извини, но ты бы поняла меня. Я знаю.

Утром я оставляю на щеке этой женщины поцелуй и ухожу.

Нас с Колючкой уже ждет машина.

Солнечное утро, лучи бьют по глазам, тепло. Шумит листва. Нас провожают Генерал и инструкторы.

15

— Слушай, — говорит он и застает меня врасплох, — я его потерял, я не вижу. Колючка сжимает челюсти до хруста.

Тут я поднимаюсь со своего места, чувствуя, как смещается в сторону мир. Мне показалось, что ось Земли изменила наклон. Пришли в движение полярные шапки, порождающие огромные волны, которые поглощают острова и континенты. Я приветствую катастрофу этой дрянной вселенной.

В следующий миг все приходит в норму.

— Где он? — спрашиваю.

— Его обступила охрана. Здоровенные лбы. Если я не успею до того, как он сядет в машину, пиши пропало...

— Что нам делать? — выговариваю я почти одними губами.

Колючка набирает полную грудь воздуха.

— Заткнись...

Его палец давит на курок. Я практически вижу это. Президент замешкался возле бронированного автомобиля, возможно, заметил, что у него развязался на ботинке шнурок.

Палец Колючки доводит курок до нужного положения, срабатывает боек и происходит микровзрыв. Пуля, начиненная ядом внутри и снаружи летит через ствол и вырывается в мир. Воплощение возмездия и безумия. Она пробивает воздушные массы, сопротивляясь ветру, чтобы через два с лишним километра ввинтиться охраннику в нижнюю челюсть, оторвать ее и продолжить свой путь. Голова Президента откидывается в сторону, его бросает набок, на борт машины, а потом на асфальт. Пуля делает последний рывок внутри черепа, выталкивая фонтан крови. Упырь мертв.

На этом все. Президента больше нет. Колючка успевает это увидеть за ничтожно малый момент времени. Выстрел великолепный — инструкторы могли бы гордиться своим учеником.

Охранники озираются, некоторые начинают закрывать своего хозяина телами, не сообразив, что все кончено. Другие кричат и расталкивают непонятливых.

Но это я уже фантазирую, мне неизвестны детали, как неизвестны Колючке. И они неважны...

Начинается массированная атака на Москву. В бой двинулись верные Сопро-тивлению части и штурмовые отряды, государственные компьютерные сети рухнули от ударов изнутри, электростанции, питающие важные для врага ключевые учреждения, взорваны. Сопро-тивление бросает на противника все силы. Самолет, несущий расовое оружие, влетает в эти секунды в пределы города. Он держится низко, едва не задевая брюхом телевизионные антенны на крышах домов.

Мы с Колючкой смотрим друг на друга, великан устало улыбается, отбрасывает винтовку и садится на пыльный пол. По его лицу стекает пот. В нескольких кварталах от нас что-то взрывается. По улице внизу бежит народ. Кто-то кричит, что сюда идут милицейские части и надо строить баррикады... Где-то переворачивают автомашины... Я выглядываю из окошка, когда слышу шум боевых вертолетов. Мне кажется, что это враг, но через пару секунд становятся видны на бортах металлических стрекоз свеженарисованные свастики. Стрекозы мечут молнии в невидимых нам противников. Воздух прочерчивают инверсионные следы от ракет. Нарастает рокот.

— Пора идти, — говорит Колючка, поднимая оружие с пола.

Да, нас ждут в условленном месте. Надо двигаться, чтобы успеть проехать по улицам.

Мы спускаемся по лестницам. Много квартир в этом доме пусты, многие русские бежали отсюда, преследуемые режимом, остальные, испуганные, выходят на площадки и спрашивают нас, что случилось. Мы говорим им правду о том, что происходит на улицах Москвы. Россия зашевелилась. Открыла глаза. Нордический дух требует крови.

Никогда больше не подставлять вторую щеку.

Бей, если уже занес кулак, и да будут Боги с тобой.

Над Москвой ослепительное солнце, прогоняющее остатки тьмы. Кругом бегают вооруженные люди, неподалеку строится баррикада, активисты умудрились перевернуть набок автобус. Я и Колючка нацепили на рукава повязки со свастикой, повстанцы приветствуют нас, пока мы пробираемся по улицам.

Мы находим нашу машину и садимся в нее уже тогда, когда позади раздаются первые выстрелы. Бой за Москву только начался, впереди чудовищный объем работы.

Я переодеваюсь в машине и беру автомат. Через квартал нам попадается милицейский патруль, усиленный военными. Это верные врагу части. Они открывают огонь по нашей машине, колеса повреждены, нам приходится остановиться. Ржавая развалюха натывается бампером на стену дома. Колючка наспех натягивает бронешит. Я вываливаюсь на асфальт, чудом избегая пуль, и стреляю сам.

Над нами пролетает самолет, распыляющий биологический репеллент. Частицы вещества, напитываясь солнечным светом, становятся оранжевыми, оранжевым становится все вокруг, солнце нам в помощь. Я чувствую легкую резь в глазах, но она мгновенно проходит, зато начинают падать стреляющие по нам шабес-гои.

— Ну, вперед? Опрокинем их, пока не очухались?

Глаза у Колючки дикие, таких я еще никогда не видел, им овладевает безумие, азарт берсеркера. Я ничего не отвечаю, а вскочив, бегу вперед, невзирая на ощущение пуль, чиркающих по моей одежде, отрывающих от нее куски.

Я бегу. Я мечтал об этой секунде. Мой наставник рядом.

Момент истины.

Никакого отчаяния, никакого страха, только гордость за то, что я сражаюсь во имя бессмертия моей крови...

2003 год

«ДЕНЬ РАСЫ» – РУССКОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ

«И там, где пролита кровь наша, – там и земля наша. И это враги знают. И так они стремятся (захватить землю). Но их старания к смерти приведут, как это было в старину во времена отцов наших. Говорили мы эти слова наизусть, и ни одно слово из тех слов не было утрачено. И говорили мы братьям нашим, что сила божеская будет на вас, и вы окончательно победите врагов ваших, которые хотят ваших земель...»

Велесова книга, 7а-1

«День расы» Будимира продолжает недавно возникшую, совсем еще новую патриотическую романтическую волну в современной отечественной прозе. Сегодня такие повести как «Клеймо Чернобога» Романа Волкова невозможно уже очертить рамками «маргинальной» литературы – эти художественные произведения востребованы русским читателем.

Кому-то данная рецензия покажется слишком пафосной, «не критической». Пусть так. Мы, русские, устали уже за последние 15 лет от обливания и самообливания грязью везде и во всем. Мы будем искать и видеть только хорошее в себе. Пусть критикой занимаются продажные, желчные литераторы-русофобы. К слову сказать, Будимир отлично владеет литературными флэш-бэками, которые он удачно использовал в повести. Но главное в его творчестве на сегодня не литературные изыски – формирование матерого писателя – дело не одного десятка лет – самым же важным в его произведении является актуальность, включенность в жизненную ткань современности.

Нынешний 2006 год становится знаковым для реального русского этнического Возрождения России. Мы вновь обретаем собственную расовую и национальную идентичность, а вовсе не пали жертвами «западной фашистской заразы», как это преподносят нам враждебные всему русскому и белому PR-технологи. Именно сегодня разыгрывается национальная политическая карта, начиная с влиятельных элитарных кругов и заканчивая кухнями простых обывателей. И именно в России заметили и четко определились с этой на самом деле глобальной тенденцией. События в Австралии и во Франции рассматриваются до сих пор в рамках гуманного подхода и либеральной идеологии лишь как всплески «атавистического мировоззрения» и «нацизма» Второй мировой. Слишком долго западный либерализм с его «всеобщим» универсализмом, эгоистическим рафинированным индивидуализмом подавляли все национальное и расовое, личное, особенно белых народов. Поэтому мощнейший тектонический сдвиг в сторону расовой и национальной борьбы человечества еще не полностью осознан и воспринят. Но Россия и русская молодежь быстро отреагировали своими обна-

женными израненными «переходным периодом» инстинктами на подлинную сущность мировых изменений. «Дневник Тернера» Уильяма Пирса гораздо больше востребован нынче в России, чем где бы то ни было. Потому что мы – русские, которых оставили безоружными и бесправными, оказались в авангарде этой борьбы, даже, несмотря на слабое развитие и распространение фундаментального интеллектуализма таких теоретиков «правой» мысли как Ю. Эвола, Р. Генона, А. де Бенуа, П. Кребса. Эта «тяжелая артиллерия» национального здоровья пока еще мало доступна и понятна широким патриотическим движениям в обществе. В стране уже есть довольно мощные философские школы национально-патриотической мысли, но пока еще недостаточно просветителей, способных нести, доступно и ясно объяснить русским людям жизненно необходимые им ценности. Художественная литература как раз и является одним из наиболее эффективных инструментов национально-просвещения.

И в этом плане замечательным фактом является энтузиазм русской молодежи, русской страсти и интеллекта. Повесть «День расы» захватывает читателя неподражаемым чувством высоты, драматизма и максимализма. Идеи далеко не новые по звучанию для Белого мира в полуфантастическом, но довольно натуралистическом сюжете Будимира приобретают черты мощной идейной программы действий и готовности к реальной борьбе.

Повесть написана от первого лица. Внутренний психологизм Героя является средством передачи идей читателю. Он дает читателю прислушаться к мыслям и чувствам героя, сравнить их со своими собственными. Мы видим и духовно-нравственное преображение Героя и точку зрения автора, переданную в виде размышлений русского парня, осознающего мощнейшие изменения в своей и внешней реальности. Пелена либерального универсализма и садомазохистского индивидуализма современного мира спадает по мере развития сюжета с глаз и души персонажей повести. Обостряются инстинкты, из изжеванной равнодушием, рутинной и бессмысленностью окружающей действительности начинают проступать ее уродливые тени, пожирающие *Белый Свет*. Героя тошнит от повседневных проповедей *общеполучеловеческих* ценностей. «Враг Белого человека внушает ему мысль о бесполезности борьбы. Действительно, раз все подлежит распаду, к чему сопротивляться? Необходимо смирение»* – так звучит повсюду призыв современного западного либерализма к политической и этнической эвтаназии для европейских народов. Будимир в течение всей повести прекрасно иллюстрирует всю эту гниль, смрад и гной от которых предстоит избавиться не только выдуманному персонажу, но и нам, читателям. Но невидимый и вседовлеющий, неискоренимый дух пробуждается в Герое с сокрушающей силой в его затоптанном басней об «истинном мире»*** сознании. Это дух крови – принцип крови. Его это будоражит и пьянит. Он обретает видение нордического Зигфрида – видит с отчетливой ясностью не только зло, но и добро, любовь, которые раньше не замечал. Просто не замечал, что рядом живет прекрасное чистое создание Света, идеал *Белой женщины* – лишь очищение сознания через принцип крови дает ему такое понимание. Не ненависть только лишь ведет его к борьбе, а скорее даже любовь. Любовь Героя и девушки Светы в «Дне расы» выступает ярким контрастом против «духовного кровосмешения»** современности (как, впрочем, и реального). Он любит свою Белокурую Деву, и вступает в битву за нее с мерзким всепохотливым отродьем нашей земли. Бой принят и обратного пути нет. Один – против стаи шакалов. Нет не один.

Генерал – один из неприметных наших соотечественников, *согенников*, как древний суровый волхв Руси, который все видит, замечает и готовит суровое карающее заклятье против ворогов, находит Героя и принимает его в Сопротивление. В этой общине, в этом кругу все становится ясным и окончательным решением для Героя. «Выбросьте из головы эту заразу: «Мне нет до этого дела»...»*. Вся муть «вины»*** и «нечистой совести»***, навязанной жрецами всех дегенеративных культов мира улетучивается. Остается лишь борьба с жестоким, непримиримым, бескомпромиссным врагом, который может терпеть вас лишь как рабов. Расовая борьба тогда становится спасением: нет ни экономики, ни социума, ни общественного мнения. Есть только мы и они. Генерал лишь один из проповедников Освобождения расы. С ним и его идеями лучше познакомиться непосредственно при чтении, это увлекательно, понятно, близко русской душе. Многие возможно прозреют в словах Генерала идеи замечательного русского мыслителя В.Б. Авдеева.

У Героя есть не только любимая девушка, но и отличный друг и наставник – Колючка. Это не образ древнего былинного русского богатыря. Колючка – человек прошедший через войну, не сломленный, обретший в войне смысл истинной борьбы, сродни Эрнсту Юнггеру [или Рему] – ветеран, могучий и всесокрушающий врагов берсерк. «Твоя кровь. Это твой единственный бог, единственный авторитет»* – таков девиз Колючки. Неумолимый норди-

ческий Вотан, беспощадный, ходячее насилие. Он закален и закаляет молодых. Ему мало просто «акций», он за тотальную войну во имя «этнического принципа»****. Покончить со всем «восточным базаром» враз и навсегда. С его помощью наш Герой становится воином.

Тотальная партизанская война, драматизм расовой борьбы, пробуждение мира от *либеральной чумы*, война с режимом – все эти перипетии сюжета выглядят вовсе не как антиутопическая, готическая фантазия. Это прозрение будущего, его суровой неизбежности. Гибнет Света, девушка героя. Гибнут товарищи. Но гибнет и враг под напором Великой расовой революции, старый мир рушится. Восходит кровавая утренняя заря Белого мира. «Момент истины. Никакого отчаяния, никакого страха, только гордость за то, что я сражаюсь во имя бессмертия моей крови...»*.

Вся повесть пронизана нарастающим штурмом и натиском борьбы. Нет заумных интеллектуальных ходов и чрезмерного литературного эстетства в эпитетах в размышлениях и диалогах персонажей. Перед читателем лишь суровая, холодная и обжигающая как лед арийская простота и ясность, свойственная великороссам, может быть, в большей степени, нежели остальным нордическим народам. Нет места компромиссам.

«День расы» – очевидный литературный успех. Очередное достижение современного русского национального неконформизма в литературе. Остается лишь пожелать Будимиру, как и Роману Волкову и дальше дерзать на поприще новой патриотической прозы. Очень радует, что молодежь, молодые авторы, без предрассудков старой системы ценностей внушают оптимизм и веру в Новую Победу нынешнему поколению русских людей.

В заключение хотелось бы еще раз обратиться к читателям. Не верьте тому, что сегодня говорят про патриотов и родноверов с экранов и страниц газет. Враг не дремлет. Читайте правду, пока она доступна, читайте Романа Волкова, Уильяма Пирса, Будимира.

СЛАВА РОССИИ!

* Цитаты из повести «День расы». Курсивом выделены отдельные идейные концепты из повести.

** термин А. Розенберга

*** термины Ф. Ницше

**** термин Ж. Гобино

Богдан Заднепровский

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).